B791

В. Шулятиковъ.

ОПРАВДАНІЕ КАПИТАЛИЗМА ВЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФІИ.

Отъ Декарта до Э. Маха.

700 г.

МОСКВА.
Типо-литографія „Русскаго Товарищества“ печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., собств. д. Телефоны: 53,95 и 18.35.
1908 г.

ПАМЯТИ А. М.

„Пров 38"

ПРОВ. 1957

Пр.

„Das Geschäft hat sein eigenes Leben. Der Jnhaber oder Prinzipal ist häufig und mitunter nicht einmal das, nur der Kopf oder die Seele des geschäfts. Das Geschäft hat seinen eigenen Charakter und Gang...."

Endemann: Das deutsche Handelsrecht, I.

„Das Geschäft ist keine geschlossene Einheit, sondern während der Dauer des Gewerbebetriebes einer beständigen Verünelerung durch Ab-und Zugang einzelner Bestandteile unterworfen".

Behrend: Lehrbuch des Handelsrechtes.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

036
39

Въ интеллигентскихъ кругахъ установилось традиціонное отношеніе къ философіи: на послѣднюю смотрятъ, какъ на своего рода Privatsache, какъ на нѣчто такое, что составляетъ область индивидуальнаго благоусмотрѣнія, индивидуальныхъ оцѣнокъ, индивидуальнаго творчества. Утверждаютъ, что расхожденіе, даже самое коренное, въ философскихъ вопросахъ, отнюдь не должно свидѣтельствовать о наличности соціальныхъ разногласій. Философскія идеи представляются слишкомъ мало и слишкомъ слабо связанными съ какой бы то ни было классовой подпочвой. И защита опредѣленной классовой позиціи не обусловливаетъ поэтому, согласно общераспространенному взгляду, симпатій къ опредѣленной философской школѣ. Напротивъ, въ данномъ случаѣ, допускается широкая свобода выбора.

Того же взгляда придерживаются весьма и весьма многіе марксисты. Они убѣждены, что въ рядахъ пролетарскаго авангарда допустимо пестрое разнообразіе философскихъ воззрѣній, что не имѣетъ большого значенія, исповѣдуютъ ли идеологи пролетаріата матеріализмъ или энергетику, неокантіанство или махизмъ. Предполагается, что философія—вещь очень невинная. Пусть та или иная философская система сложилась въ лонѣ буржуазіи: изъ этого не слѣдуетъ, что надо относиться къ ней отрицательно, видѣть въ ней оружіе, выкованное противъ рабочаго класса. Нѣтъ! подни-

маясь на высоты отвлеченной мысли, представители буржуазіи становятся очень далеки отъ всего матеріальнаго, почти, а зачастую совсѣмъ, забываютъ о своихъ классовыхъ интересахъ. Если же это вѣрно, то, говорятъ намъ, можно и должно использовать означенные плоды буржуазнаго творчества, использовать наиболѣе полно и широко; само собою разумѣется, при этомъ нужно выполнить нѣкоторую критическую работу, очистить систему отъ буржуазнаго налета: задача, не требующая много времени и усилій, ибо элементы, которые приходится удалять, имѣются въ незначительныхъ дозахъ.

Придерживаться изложеннаго взгляда значитъ впадать въ наивную, прискорбнѣйшую ошибку. Философія не составляетъ счастливаго исключенія: на умозрительныхъ „высотахъ“ буржуазія остается вѣрна себѣ, Она говоритъ не о чемъ иномъ, какъ о своихъ ближайшихъ, классовыхъ выгодахъ и стремленіяхъ, но говоритъ очень своеобразнымъ, трудно понимаемымъ языкомъ. Всѣ безъ остатка философскіе термины и формулы, съ которыми она оперируетъ, всѣ эти „понятія“, „идеи“, „возрѣнія“, „представленія“, „чувства“, всѣ эти „абсолюты“, „вещи въ себѣ“, „ноумены“, „феномены“, „субстанціи“, „модусы“, „аттрибуты“, „субъекты“, „объекты“, всѣ эти „духи“, „матеріальные элементы“, „силы“, „энергіи“ служатъ ей для обозначенія общественныхъ классовъ, группъ, ячеекъ и ихъ взаимоотношеній. Имѣя дѣло съ философской системой того или другого буржуазнаго мыслителя, мы имѣемъ дѣло съ картиной классового строенія общества, нарисованной помощью условныхъ знаковъ и воспроизводящей соціальное profession de foi извѣстной буржуазной группы.

Вопросъ поэтому долженъ быть поставленъ рѣшительно.

Не къ передѣлкѣ деталей на подобнаго рода картинахъ должна свестись задача философа марксизма. Нельзя принимать эти картины за нѣчто такое, что можно было бы утилизировать и согласовать съ пролетарскимъ міровоззрѣніемъ. Это значило бы впадать въ оппортунизмъ, пытаться сочетать несочетаемое. Задача философа марксизма, на нашъ взглядъ, совершенно иная. Требуется, прежде чѣмъ заняться философскими построеніями, произвести переоцѣнку философскихъ понятій и системъ, отправляясь отъ выше намѣченной, нами точки зрѣнія.

Къ сожалѣнію, приходится признать, что въ данномъ отношеніи сдѣлано очень мало. Между тѣмъ, первый, блестящій опытъ подобной переоцѣнки имѣлъ мѣсто еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Статья тов. А. Богданова „Авторитарное мышленіе“ *) открываетъ, несомнѣнно, новую эру въ исторіи философіи: послѣ появленія этой статьи, спекулятивная философія потеряла право, оперировать со своими двумя основными понятіями „духа“ и „тѣла“; было устанавлено, что послѣднія сложились на фонѣ авторитарныхъ отношеній и антитеза между ними отразила соціальную антитезу— антитезу организующихъ „верховъ“ и исполнительскихъ „низовъ“. Съ изумительной послѣдовательностью буржуазная критика замалчивала работу русскаго марксиста...

Сейчасъ мы переживаемъ періодъ реакціи, сопровождающейся, какъ всегда и какъ вездѣ, усиленнымъ тяготѣніемъ къ умозрительнымъ „высотамъ“, Правда, наша буржуазія уже съ давнихъ поръ одержима такого рода тяготѣніемъ. Не въ примѣръ англійской буржуазіи XVII в. или французской—

*) Помѣщена въ сборн. его статей „Изъ психологіи общества“.

XVIII в., выступившихъ въ эпохи революціи подъ знаменемъ матеріализма, россійское „третье сословіе“, въ дни, когда развертывалось революціонное движеніе, увлекалось „проблемами идеализма“ и идеалистической „культуры“. Но теперь, вмѣстѣ съ нимъ, увлеченію философіей отдаются самые широкіе слои интеллигенціи, не исключая и такихъ, которые выдѣляли и продолжаютъ еще выдѣлять изъ своей среды защитниковъ пролетарскихъ интересовъ. Этимъ „философское развитіе націи“ не ограничивается: въ самомъ пролетаріатѣ начинаютъ раздаваться отдѣльные голоса, выражающіе симпатіи философскимъ вѣяніямъ. Буржуазія спѣшитъ прійти на помощь новымъ „духовнымъ запросамъ“ и наводняетъ книжный рынокъ „руководствами“, долженствующими облегчать процессъ познанія „общечеловѣческихъ“‘ абсолютныхъ,“, „вѣчныхъ“ „истинъ“.

При такихъ условіяхъ соціально-генетическій анализъ философскихъ понятій и системъ является не только желательнымъ, но прямо таки необходимымъ. Задача изъ весьма и весьма нелегкихъ и сложныхъ, Тѣмъ болѣе, что начинать изслѣдованіе приходится съ первыхъ страницъ лѣтописи новой философіи. Современныя модныя системы, напр. неокантіанство или махизмъ, исходятъ изъ предпосылокъ, выдвинутыхъ еще классиками умозрительнаго мышленія. *) И соціальная оцѣнка воззрѣній этихъ классиковъ поможетъ лучше и отчетливѣе выяснить соціальный обликъ новѣйшихъ представителей философской литературы. Послѣдніе выражаютъ взгляды буржуа-

*) Такъ, Махъ устанавливаетъ связь своей системы съ воззрѣніями Беркли, Юма и Канта: „Анализъ ощущеній“, пер. Г. Котляра, стр. 288 и 1.

зіи, воспитанной въ обстановкѣ, которую создала высоко развитая въ техническомъ отношеніи новая фабрика. „Классики“ истолковывали міровоззрѣніе буржуазіи мануфактурнаго періода. Между организаціей новой фабрики и организаціей мануфактуры существуютъ нѣкоторыя черты сходства. Отсюда, какъ мы увидимъ впослѣдствіи,—воскрешеніе нѣкоторыхъ принциповъ, провозглашенныхъ мануфактурной философіей, — воскрешеніе, происходящее на нашихъ глазахъ.

Довольно почтенная старина представляетъ, такимъ образомъ, большой непосредственный интересъ для современности. И работа, посвященная критикѣ понятій и системъ буржуазной философіи, необходимо получаетъ форму историческаго изслѣдованія.

Такой именно формой воспользовались мы, задавшись цѣлью выяснить нѣкоторыя звенья, связующія умозрительныя „высоты“ съ матеріальными „низами“. При этомъ мы должны замѣтить еще слѣдующее.

Нашъ очеркъ предназначается не для ограниченнаго круга спеціалистовъ. Изученіе философіи перестало, какъ мы указали выше, быть монополіей немногихъ. Къ философіи обнаруживаетъ интересъ демосъ, споры о ней ведутся далеко за порогомъ кабинетовъ присяжныхъ ученыхъ, буржуазныхъ салоновъ и академическихъ аудиторій. Мы имѣмъ въ виду болѣе широкіе круги читающей и мыслящей публики. И въ соотвѣтствіи съ этимъ наше изложеніе носитъ нѣсколько элементарный характеръ. Мы беремъ лишь основные моменты исторіи философіи, лишь наиболѣе яркіе примѣры, а при разсмотрѣніи отдѣльныхъ системъ останавливаемся на ихъ общихъ предпосылкахъ, избѣгая деталей, которыя, несомнѣнно, очень интересны, но въ

очеркахъ, подобныхъ нашему играютъ роль излишняго балласта. Къ тому же, защищаемая нами точка зрѣнія для многихъ можетъ показаться не совсѣмъ обычной и, намъ кажется—она можетъ быть легче усвоена, если будетъ иллюстрирована не громоздкимъ, а экономно подобраннымъ матерьяломъ, дающемъ хотя и общее, но зато болѣе отчетливое представленіе о ней.

I.

Организующія и организуемыя „начала“.

Вождь-организаторъ и рядовой общинникъ-исполнитель его приказаній—такова первая соціальная атитеза, которую знаетъ исторія. Въ началѣ она сводилась къ простой противоположности ролей. Съ теченіемъ времени, она стала знаменовать нѣчто большее. Явилось экономическое неравенство: организаторы постепенно превратились въ собственниковъ орудій производства *), принадлежавшихъ нѣкогда обществу. И параллельно съ этимъ, какъ отзвукъ совершавшагося общественнаго разслоенія, складывалось понятіе о духовномъ и тѣлесномъ началахъ, противостоящихъ другъ другу.

Производственныя отношенія „авторитарнаго“ общества продиктовали „опредѣленный способъ представленія фактовъ, опредѣленный типъ ихъ соединенія въ психикѣ, такой, какой выражается въ непрерывной связи идеи акта организаторскаго съ идеей акта исполнительскаго“.**) Этотъ способъ представленія становится всеобщимъ. Первобытный

*) Въ данномъ случаѣ, мы нѣсколько отступаемъ отъ объясненія, предложеннаго тов. Богдановымъ: тов. Богдановъ не придаетъ послѣднему обстоятельству значенія, которое оно, несомнѣнно, имѣло, даже не выдвигаетъ его. О данномъ вопросѣ мы имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ: „изъ исторіи и практики классовой борьбы“ (въ главахъ посвященныхъ генезису командующихъ классовъ). Изд. С. Дарватскаго и А. Чарушникова.

**) „Авторит. мышленіе“, стр. 115.

дикарь всюду начинаетъ усматривать проявленіе организаторской воли. Онъ видитъ ее во внѣшнихъ предметахъ: вещамъ приписывается „душа“. Точно также „одухотворяется“ и тѣло. „Въ силу стремленія представить все въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, происходитъ мысленное разложеніе человѣка на организатора и исполнителя, на активное и пассивное начало; исполнитель доступенъ внѣшнимъ чувствамъ—это физіологическій организмъ, тѣло; организаторъ имъ недоступенъ, онъ предполагается внутри тѣла; это—духовная личность“ (ibid).

Выяснить шагъ за шагомъ развитіе понятія о „духѣ“—тема интересная, но мы не можемъ здѣсь ею заняться. Ограничимся немногими указаніями общаго характера*). Процессъ развитія названнаго понятія былъ процессомъ его послѣдовательнаго абстрагированія. Первоначально каждый отдѣльный предметъ, каждое отдѣльное животное, каждая отдѣльная часть тѣла имѣли своихъ особыхъ духовъ. Постепенно число духовъ сокращается. Видовыя понятія уступаютъ мѣсто родовымъ. Если раньше существовали, напр., духи отдѣльныхъ породъ деревьевъ, то теперь возникаетъ понятіе о духѣ дерева вообще. Это объясняется поступательнымъ развитіемъ техники и связаннымъ съ нимъ дальнѣйшимъ обособленіемъ организаторовъ отъ организуемыхъ. Первобытныя орудія производства, въ силу своего несовершенства, требовали спеціальныхъ пріемовъ и спеціальной ловкости при обработкѣ съ ихъ помощью различныхъ матеріаловъ, при добываніи различныхъ плодовъ, при охотѣ за различными животными. Усовершенствованіе орудій влечетъ за собой нивеллировку трудовыхъ процессовъ. Прежде сборъ плодовъ съ одного де-

*) Болѣе подробныя указанія мы сдѣлали въ названномъ выше очеркѣ.

рева и сборъ плодовъ съ другого дерева, охота за однимъ животнымъ и охота за другимъ животнымъ представлялись операціями, не допускавшими сравненія другъ съ другомъ. Соотвѣтственно съ этимъ чѣмъ-то глубоко отличнымъ считались функціи организаторовъ при выполненіи названныхъ предпріятій. И эти функціи поручались различнымъ лицамъ. Вотъ почему порода дерева или животнаго, къ которымъ имѣлъ отношеніе организаторъ, индивидуализировалась, получала индивидуальный „духъ“. Усовершенствованіе орудій, нивеллируя трудовыя операціи, вмѣстѣ съ тѣмъ упрощало задачи руководства производственной дѣятельностью общества. Организаторскія функціи постепенно централизовались. Отсюда — появленіе родовыхъ понятій. Понятіе о духѣ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе отвлеченный характеръ.

При дальнѣйшемъ увеличеніи разстоянія между организаторами и организуемыми мы встрѣчаемся съ еще болѣе рѣшительнымъ противопоставленіемъ „духа“ и „тѣла“.

Централизація организаторскихъ функцій не знаменуетъ собой замѣны многихъ организаторовъ однимъ. Нѣтъ, она говоритъ лишь о торжествѣ одного или немногихъ надъ многими. Часть организаторовъ попадаетъ въ подчиненное положеніе. Образуется пирамида, число ярусовъ которой послѣдовательно растетъ. Главные организаторы стоятъ на недосягаемой высотѣ. Старые „индивидуальные“ духи, какъ-ни-какъ, входили въ близкое соприкосновеніе съ „тѣлеснымъ“ міромъ, постоянно и всюду проявляли себя. Теперь непосредственно сносится съ названнымъ міромъ лишь категорія „низшихъ“ духовъ, лишенныхъ почти всякой самостоятельности. Главные же организаторы, дирижирующіе теперь производственной дѣятель-

ностью общества не иначе, какъ черезъ длинный рядъ посредствующихъ звеньевъ, слишкомъ далеки отъ всего „низменнаго“, „матеріальнаго“. Они теперь—чистая духовная субстанція.

Когда въ исторіи греческой философіи былъ поставленъ знаменитый вопросъ: какъ возможно, чтобы изъ чистой, неизмѣнной, нематеріальной субстанціи вытекало многообразіе преходящихъ явленій матеріальнаго міра? въ какомъ отношеніи „бытіе“ находится къ „становленію?“—это не было, вопреки увѣреніямъ всевозможныхъ исторіографовъ философіи, высшимъ полетомъ благородной человѣческой мысли, наибезкорыстнѣйшимъ усиліемъ, направленнымъ къ тому, чтобы разгадать величайшую тайну мірозданія и тѣмъ на вѣчныя времена осчастливить родъ человѣческій. Дѣло обстояло куда проще! Подобная постановка вопроса говорила не о чемъ иномъ, какъ о томъ, что въ греческихъ городахъ процессъ общественнаго разслоенія зашелъ далеко, что пропасть между соціальными „верхами“ и „низами“ сдѣлалась болѣе глубокой и старая идеологія организаторовъ, отвѣчавшая менѣе дифференцированнымъ общественнымъ отношеніямъ, потеряла свое право на существованіе. Прежде, при всемъ различіи субстанціи и міра явленій, непосредственная связь между ними не возбуждала сомнѣній. Теперь наличность этой связи отрицается. Субстанція и міръ явленій объявляются несоизмѣримыми величинами. Сношеніе между ними возможно лишь черезъ рядъ промежуточныхъ звеньевъ. Или, выражаясь болѣе философскимъ языкомъ, ихъ взаимоотношенія мы не можемъ установить ни помощью чувствъ, ни помощью обычнаго мышленія: для этого требуется содѣйствіе какой-нибудь особой „идеи“ особой интуиціи.

II.

Организующія и организуемыя „начала“ въ періодъ мануфактурнаго производства.

Этотъ же вопросъ, — вопросъ о несоизмѣримости духовнаго и матеріальнаго „началъ“, объ отсутствіи между ними непосредственной связи былъ выдвинутъ и рѣшался первоучителями новой философіи. Различныя рѣшенія его и обусловили собой различіе между картезіанствомъ, спинозизмомъ, окказіонализмомъ, воззрѣніями Мальбранша и Лейбница.

Въ большинствѣ случаевъ историки философіи, обращаются къ читателямъ съ просьбой не придавать серьезнаго значенія всѣмъ разсужденіямъ о духѣ, духовной субстанціи, Божествѣ, содержащимся въ названныхъ системахъ. Эти разсужденія, видете ли, не болѣе, какъ простая дань, которую „отцы“ философіи заплатили средневѣковью, элементы, навѣянные извнѣ, чуждые сущности ихъ міросозерцанія. Почтенные комментаторы вводятъ своихъ читателей въ заблужденіе. Спиритуалистическіе мотивы являются органической принадлежностью воззрѣній „отцовъ“. Средневѣковье тутъ рѣшительно не при чемъ.

Вообще, когда при объясненіи какого-либо факта апеллируютъ къ ирраціональному вліянію прошлаго, этимъ самымъ отказываются объяснить данный фактъ. Такъ и въ этомъ случаѣ. Если средніе вѣка много говорили о духовныхъ субстанціяхъ, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы Ренес-

сансъ и послѣдующія эпохи не имѣли основаній распространяться на ту же тему. О спиритуалистическихъ симпатіяхъ Ренессанса и послѣдующихъ эпохъ обыкновенно упоминаютъ вскользь но онѣ очень характерны *).

Тѣ же вышеупомянутые комментаторы обстоятельно доказываютъ, насколько разнятся представленія Декарта, Спинозы, Лейбница о божествѣ и духѣ отъ соотвѣтствующихъ средневѣковыхъ представленій. *Чистая* духовная субстанція въ средніе вѣка была не извѣстна; въ средніе вѣка различіе между духовнымъ и матеріальнымъ началомъ опредѣлялось, какъ различіе скорѣе количественное а не качественное. Въ средніе вѣка Богъ стоялъ ближе къ міру, а духъ былъ связанъ съ тѣломъ болѣе непосредственными узами.

Декартъ первый рѣшительно противопоставилъ духовное начало матеріальному, какъ величины, не имѣющія между собою ничего общаго, первый заявилъ, что о прямомъ взаимоотношеніи ихъ не можетъ быть рѣчи. Таковъ былъ прологъ новой философіи. Этотъ прологъ указывалъ, что на историческую сцену выступала новая организаторская группа, новый классъ, раздѣленный отъ „организуемой“ имъ массы, на почвѣ производства, болѣе глубокой пропастью, чѣмъ пропасть, существовавшая между средневѣковыми организаторами и организуемыми. Не трудно догадаться, что это былъ за классъ.

Это была буржуазія, буржуазія эпохи мануфактурнаго капитала.

Она „организовала“ пролетаріатъ и отъ послѣдняго, дѣйствительно, отстояла въ производствен-

*) Напомнимъ, что Марксъ въ 1 т. „Капитала“ и К. Каутскій отмѣчаютъ зависимость между абстрактными религіозными воззрѣніями и развитіемъ товарнаго производства.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

номъ отношеніи дальше, чѣмъ средневѣковой ремесленникъ отъ своихъ подмастерьевъ.

Средневѣковой ремесленникъ, будучи организаторомъ, въ то же время выполнялъ и исполнительскія функціи, — работалъ вмѣстѣ со своими подмастерьями. Мануфактуристъ - буржуа знаетъ функціи только одного типа: онъ—организаторъ чистой воды. Въ первомъ случаѣ, почва для того дуалистическаго „способа представленія фактовъ", который выяснилъ тов. Богдановъ, правда дана, но все же антитеза организатора и исполнителя нѣсколько завуалирована и потому соотвѣтствующая ей, въ области идеологіи, антитеза духовнаго и тѣлеснаго, активнаго и пассивнаго начала не могла вылиться въ рѣзкую форму. Во второмъ случаѣ, напротивъ, противопоставленіе должно было получиться рѣшительное.

Присмотримся ближе къ внутреннему строенію мануфактуры. Мануфактура, какъ извѣстно, дифференцировала рабочія силы и установила цѣлую іерархію ихъ. Въ мастерской средневѣковаго ремесленика не было мѣста для представителей такъ назыв. необученнаго, неквалифицированнаго труда. Въ мануфактурной мастерской работа имъ находится. Они составляютъ „нижній пластъ". Надъ ними располагаются другіе пласты, другія рабочія группы, различающіеся между собой по степени квалификаціи. Уже въ ихъ средѣ образуются нѣкоторыя организаторскія наслоенія. Идя далѣе по восходящей лѣстницѣ звеньевъ, мы видимъ группы завѣдующихъ технической постановкой предпріятія и администраторовъ. Владѣлецъ предпріятія „освобожденъ", такимъ образомъ, не только отъ всякаго физическаго труда, но и отъ многихъ чисто организаторскихъ обязанностей. Старый ремесленникъ былъ связанъ съ извѣстной профессіей; этой связи мануфактура

фактуристъ не знаетъ. Употребляя терминъ В. Зомбарта, онъ—„безличный руководитель“. Для него, лично не принимающаго участія въ технической дѣятельности, самый характеръ этой дѣятельности, способы производства получаютъ относительное значеніе. Онъ „относится индифферентно къ способу изготовленія продуктовъ и даже до извѣстной степени къ тому, какіе вообще продукты изготовляются въ его предпріятіи... Капиталистъ соединяетъ именно тѣ производительныя силы, комбинація которыхъ обѣщаетъ наибольшій успѣхъ въ данный моментъ“. Къ рабочимъ онъ относится „только какъ къ объектамъ“. *)

По образу и подобію этого, дѣйствительно, „освободившагося“ отъ всякой близости къ общественнымъ „низамъ“ и отъ „мелочныхъ“ заботъ, верховнаго организатора мануфактурнаго предпріятія и строится пресловутое представленіе объ абсолютно свободной чистой духовной субстанціи, о божествѣ совершенно независимомъ отъ міра, и противостоящемъ ему. Одновременно съ этимъ, „пαθосъ разстоянія“, образовавшагося между участниками хозяйственной организаціи, диктуетъ новый взглядъ на „матерію“. Послѣдняя, въ свою очередь, „очищается“. Къ понятію о тѣлѣ, учитъ Декартъ, не должно примѣшиваться ничего изъ свойствъ духовной субстанціи; ошибочно на активъ матеріи заносить разныя качества, ей не принадлежащія; тѣло можетъ быть только тѣломъ, голой матеріальностью и ничѣмъ больше.

Столь рѣшительное разграниченіе понятій о духовномъ и матеріальномъ началахъ отнюдь, однако не обусловливаетъ исключительнаго интереса къ „потустороннему“ міру и отказа считаться сколько-

*) Вернеръ Зомбартъ, „Современный капитализмъ“, пер. подъ ред. В. Базарова и И. Степанова, т. II, стр. 363.

нибудь серьезно съ міромъ „преходящихъ явленій“. Какъ разъ наоборотъ: въ противоположность средневѣковымъ мыслителямъ, „отцы“ новой философіи удѣляютъ въ своихъ системахъ міру преходящихъ явленій очень много вниманія, подробно изучаютъ его строеніе, развитіе, законы соотношенія его частей, создаютъ натурфилософію. Та же самая „возвышенная“ позиція руководителей мануфактурныхъ предпріятій, которая внушила отцамъ новой философіи „чистую“ идею организаторской воли, подсказала имъ, равнымъ образомъ, механическое объясненіе процессовъ матеріальной дѣйствительности, т. е. процессовъ, имѣющихъ мѣсто въ средѣ организуемой массы.

Дѣло въ томъ, что руководитель мануфактурнаго предпріятія—лишь конечное звено въ довольно длинной цѣпи организаторскихъ звеньевъ. По отношенію къ нему остальные организаторы являются подчиненными и, въ свою очередь, противостоятъ ему, какъ организуемые. Ихъ функціи, ихъ дѣятельность не могутъ, поэтому, быть отнесены на счетъ высшаго начала—чистой духовной субстанціи. Правда, приравнять ихъ безъ остатка къ низшимъ пластамъ мануфактурной мастерской нельзя: по сравненію съ послѣдними они все же остаются организаторами. Они—выражаясь языкомъ метафизики—индивидуальные духи. Но поскольку ихъ роль отлична отъ роли главнаго руководителя поскольку она сводится къ участію въ технической работѣ, отъ каковой главный руководитель, „освободился“, постольку ихъ „духовный“ характеръ стушевывается, постольку ихъ дѣятельность оцѣнивается, какъ дѣятельность „матеріи“.

Предпріятіе, взятое какъ та или иная *техническая* организація, стоитъ, такъ сказать, отдѣльно

отъ предпринимателя. *) Предприниматель вкладываетъ капиталъ въ извѣстное производство, организуетъ сбытъ продуктовъ, и этимъ задача его исчерпана. Часы заведены, стрѣлки двигаются, но нельзя сказать, что ихъ передвигаетъ собственникъ часовъ: ходъ ихъ опредѣляется работой внутренняго механизма (любимое сравненіе метафизиковъ мануфактурнаго періода). Точно также предпріятіе имѣетъ свой внутренній механизмъ, работу котораго нельзя игнорировать.

Подобно собственнику часовъ, декартовъ Богъ „заводитъ“ міръ. Онъ, поясняетъ французскій мыслитель, есть причина движенія матеріи; безъ его воздѣйствія матерія инертна. Но разъ она приведена въ движеніе, послѣднее совершается согласно строго опредѣленнымъ законамъ, вытекающимъ изъ свойствъ матеріи. Богъ не дѣйствуетъ по произволу: понятіе о произволѣ исключаетея понятіемъ о совершенствѣ Бога.

Въ человѣческомъ тѣлѣ пребываетъ душа. Но связь души съ тѣломъ нельзя, поясняетъ Декартъ представлять себѣ такъ, какъ будто первая даетъ жизнь второму. Необходимо отказаться отъ подобнаго общераспространеннаго, но крайне наивнаго воззрѣнія. Душа жизни не создаетъ и не разрушаетъ. Жизнь слѣдуетъ понимать, какъ *механизмъ*

*) В. Зомбартъ отмѣчаетъ *самый фактъ* „отдѣленія“ предпріятія (по его терминологіи, вещественнаго имущества) отъ предпринимателя; „Капиталъ персонифицируется, самъ онъ становится какъ бы личнымъ существомъ. Онъ ведетъ по отношенію къ предпринимателю какъ бы самостоятельное существованіе,—обстоятельство, остановившись на которомъ, Лоренцъ фонъ Штейнъ пришелъ къ выводу, что предприниматель въ предпринимателѣ можетъ быть обманутъ предпринимателемъ“ („Совр. капит.“. т. I, стр. 362). Но Зомбартъ дѣлаетъ невѣрное объясненіе: онъ считаетъ изобрѣтеніе и распространеніе *двойной бухгалтеріи* причиной „персонификаціи“ капитала.

тѣла. Войти въ тѣло душа можетъ только при наличности этого механизма. И воздѣйствіе души на тѣло, подобно воздѣйствію Бога на міръ, отнюдь не носитъ характера чего-то произвольнаго. Движенія тѣла опредѣляются его внутреннимъ строеніемъ.

Такъ слагается новое дуалистическое міропониманіе. Такъ спиритуалистическіе мотивы дополняются механистическими. И тѣ и другіе одинаково являются необходимыми, существенными частями философской системы.

Буржуазная система вообще двуликій Янусъ. Въ рамкахъ капиталистическаго общества антитеза организаторовъ-собственниковъ и руководителей предпріятій и организуемыхъ—пролетаріевъ неустранима. Неустранима, слѣдовательно, и необходимость для буржуазіи полагать въ основу своего міросозерцанія противоположность двухъ началъ. Правда, рѣшительную формулировку дуализма мы находимъ лишь въ картезіанствѣ,—системѣ, созданной какъ разъ на зарѣ новой хозяйственной эры; правда, послѣдующія философскія системы, начиная со спинозовской, объявляютъ картезіанское противоположеніе Бога и міра, духа и тѣла противорѣчивымъ. Но преодолѣть дуализма они ни могутъ: дуализмъ лишь проводится въ нихъ такъ или иначе замаскированнымъ образомъ. Не о торжествѣ надъ дуалистической точкой зрѣнія свидѣтельствуютъ, въ свою очередь, матеріалистическія и позитивныя системы буржуазной философіи. Разница между буржуазной метафизикой и буржуазнымъ „положительнымъ міровозрѣніемъ“ не такъ велика, какъ это съ перваго взгляда можетъ показаться. Мы имѣемъ разницу скорѣй „количественную“ чѣмъ „качественную“. Споръ, ведущійся въ рядахъ буржуазіи между

сторонниками чисто-умозрительнаго и эмпирическаго методовъ, между сторонниками старой метафизики и новой „научной философіи“—это споръ, такъ сказать семейный. Атака со стороны матеріализма направлена не противъ основной предпосылки, выдвинутой метафизикой: понятіе объ организующей волѣ матеріализмомъ не зачеркивается. Оно фигурируетъ лишь подъ другими наименованіями: „духъ“ замѣняется, напр. „силой“.

Въ эпохи, когда извѣстная форма капиталистическихъ предпріятій, являющихся въ техническомъ отношеніи шагомъ впередъ, ведетъ энергичную борьбу за существованіе, готовится къ рѣшительной схваткѣ съ отсталымъ противникомъ, „механистическіе мотивы“ подчеркиваются особенно рельефно, „спиритуалистическія“ стушевываются.

Въ XVII в., въ дни своихъ „бурныхъ стремленій“ англійская буржуазія проповѣдовала ученіе, согласно которому все въ мірѣ должно объясняться какъ движеніе матеріальныхъ частицъ, совершающееся съ механической необходимостью. Англійская буржуазія закладывала тогда фундаментъ крупно-капиталистическаго хозяйства. Мануфактура расчищала себѣ путь, завоевывала себѣ право на жизнь. Ей требовались рабочія руки, въ которыхъ отказывала ей организація мелко-буржуазной, цеховой промышленности. Непремѣнное условіе существованія мануфактуры — соединеніе подъ кровлей одного предпріятія рабочихъ разной квалификаціи и разныхъ профессій. Цехи не допускали подобнаго соединенія. Они держались именно благодаря „закрытымъ дверямъ“, заставамъ, раздѣлявшимъ отдѣльныя области, ячейки, подъячейки разныхъ производствъ и препятствовавшимъ передвиженію рабочихъ силъ. Противоположность интересовъ цеха и мануфактуры оказывалась, та-

кимъ образомъ, непримиримой. Вопросъ шелъ о жизни или смерти для обѣихъ борющихся сторонъ. Соединеніе рабочихъ было боевымъ лозунгомъ мануфактуристовъ. И философы ихъ разъясняли, на своемъ языкѣ, этотъ лозунгъ, возводили его на степень универсальныхъ обобщеній. Весь міръ изображался ими въ видѣ организаціи матеріальныхъ частицъ, соединяющихся согласно имманентнымъ законамъ. Видимаго исключенія не составлялъ и „духъ“: его характеризовали, какъ тѣло... само собою разумѣется тѣло... особенное, „тонкое“ (Гоббесъ), обладающее качествами и способностями, рѣзко выдѣляющими его изъ среды остальныхъ организмовъ,—тѣло высшаго ранга.

Очередной темой была тема о *внутреннемъ* строеніи предпріятія. Ее и разрабатывали подробно. Писались трактаты о персонифицированномъ капиталѣ.

Подобными же трактатами наводняла книжный рынокъ французская буржуазія во вторую половину XVIII ст. Тогда она сводила рѣшительные счеты со старымъ режимомъ, который своей системой *промышленной регламентаціи* ставилъ преграды дальнѣйшему развитію капитализма. Опять мануфактуристамъ приходилось доказывать, что необходимой предпосылкой успѣха капиталистическихъ предпріятій является возможность свободно комбинировать составные элементы капитала, вести производство, не руководствуясь указаніями свыше, не вырабатывая товары по установленнымъ центральною властью образцамъ. Долой регламентацію! никакого вмѣшательства въ область технико-производственной дѣятельности! пусть развитіе предпріятій отвѣчаетъ ихъ внутреннему строенію, совершается „естественнымъ“ путемъ. А что такое внутреннее строеніе предпріятій, мы зна-

емъ: это царство матеріи и механическихъ процессовъ. Отсюда обобщеніе: человѣкъ—это машина, природа—это машина.

Существуетъ лишь единая великая природа и единый великій законъ вѣчнаго измѣненія всѣхъ вещей. Нельзя дѣятельность природы объяснять какими-либо потусторонними причинами. Движеніе матеріи обусловливается ею самой, точнѣе ея собственной силой (Гольбахъ). Организаторская воля опять, какъ видите, весьма преобразилась, но наличность ея констатируется и признается безусловно необходимой.

Иное положеніе вещей было въ эпоху, когда сложилось и развивалось картезіанское міропониманіе. Мануфактура, ведя борьбу съ ремесломъ, находила себѣ поддержку въ лицѣ правительства французской монархіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ такъ назыв. „система концессій“, такъ назыв. „кольбертизмъ“, уничтоженіе промышленной автономіи цеховъ и передача права регламентаціи производства въ руки государства. Борьба мануфактуры съ цехомъ, правда, напряженная и безостановочная, не переходила въ борьбу со старымъ режимомъ, съ организаціей отсталыхъ формъ хозяйства, взятыхъ, какъ соціально-политическое цѣлое. Мануфактуристы не выступали въ качествѣ революціонныхъ „штурм-унд-дренгеровъ“. Наблюдалось равновѣсіе основныхъ мотивовъ буржуазнаго міровоззрѣнія: чаша вѣсовъ не склонялась въ сторону механистическихъ толкованій.

III

Картезіанство.

Мы охарактеризовали двойной дуализмъ картезіанскаго ученія—противоположеніе Бога и міра, души и тѣла. Остовъ системы, ея основные элементы даны. Выяснимъ ближе ихъ взаимную связь.

Богъ, душа, тѣло, по терминологіи Декарта,—три субстанціи. Но понятіе субстанціи, какъ его опредѣлялъ Декартъ (res, quae ita existit, ut nulla alia re ad existendum indigeat,—нѣчто, для своего существованія не нуждающееся ни въ какой другой вещи) безъ всякихъ оговорокъ можетъ быть приложено только къ Богу. Богъ—безконечная субстанція, души и тѣла—субстанціи конечныя, подчиненныя. Они противополагаются Богу, но существовать безъ него не могутъ. Проводя рѣзкую разграничительную черту между „организаторскимъ“ и „организуемымъ“ началами, идеологъ буржуазіи спѣшитъ подчеркнуть, что дуализмъ его нельзя понимать превратно, въ смыслѣ полнаго обособленія названныхъ началъ, отрицанія всякой зависимости между ними. Организуемые *нуждаются* въ организаторѣ, подчиненныя организаторы—въ организаторѣ верховномъ. Безъ верховнаго организатора не мыслимо предпріятіе. Внѣ мануфактурной мастерской, помимо руководительства мануфактуристовъ пролетаріатъ, работать не можетъ, средствъ къ существованію не имѣетъ.

Но, завися отъ Бога, души и тѣла другъ отъ

друга не зависятъ. Это двѣ субстанціи, исключающія и ограничивающія одна другую. Мы уже изложили взглядъ Декарта на жизнь тѣла, какъ на нѣчто, не тождественное душевной дѣятельности. Это очень важная и интересная подробность его системы, послужившая предметомъ особенно внимательнаго анализа и особенно ожесточенныхъ споровъ для послѣдующихъ философовъ. Сдѣланная Декартомъ постановка вопроса, сколь странной она не представляется въ наши дни, находитъ себѣ вполнѣ естественное объясненіе, если мы станемъ обсуждать ее не абстрактно, не „чисто логически“, а приведемъ въ связь съ соотношеніемъ соціальныхъ группъ, собранныхъ подъ кровлею мануфактуры.

Разъ тѣло существуетъ, какъ совершенно обособленная отъ души субстанція, разъ между ними лежитъ непроходимая пропасть, то спрашивается: какимъ же образомъ душа можетъ вліять на тѣло и познавать послѣднее? Декартъ отвѣчалъ: *только* черезъ Бога. Только черезъ Бога мы можемъ воздѣйствовать на наше тѣло, только черезъ идею Бога мы можемъ имѣть представленіе о нашемъ тѣлѣ. Связь двухъ подчиненныхъ субстанцій устанавливается единственно третьей, подчиняющей субстанціей.

Промежуточныя организаторскія звенья—„индивидуальныя души“ могутъ выполнять свою организаторскую роль лишь при наличности верховнаго организаторскаго центра. Лишь послѣдній приводитъ ихъ въ соприкосновеніе съ пролетаріатомъ — „матеріей“ — въ рамкахъ организованнаго цѣлаго, мануфактурной мастерской, лишь послѣдній обусловливаетъ возможность совмѣстнаго существованія и совмѣстной производительной дѣятельности ихъ и пролетаріата.

Соединеніе души и тѣла называется человѣкомъ. Принимая во вниманіе все вышесказанное, мы получаемъ, такимъ образомъ, выводъ: декартово понятіе о человѣкѣ есть не что иное, какъ дальнѣйшее распространеніе опредѣленной формы мышленія, „опредѣленнаго способа представленія фактовъ, опредѣленнаго типа ихъ соединенія въ психикѣ“. Мы видѣли, что міръ, въ системѣ Декарта, организованъ по типу мануфактурнаго предпріятія. Декартово понятіе о человѣкѣ, въ свою очередь, воспроизводитъ организацію мануфактурной мастерской.

Но организаторъ, хотя бы подчиненный, все же организаторъ. И если первой предпосылкой всякаго познанія вещей является, по мнѣнію Декарта, связь съ высшей субстанціей, обладаніе идеей божества, то при детальной разработкѣ своихъ гносеологическихъ взглядовъ Декартъ разсматриваетъ душу, какъ чисто организующее начало, непосредственно противопоставленное „матеріи“.

Это—substantia cogitans sive mens, *мыслящая* субстанція. Именно въ мышленіи—и только въ немъ одномъ—сущность души или духа. Выражаясь языкомъ метафизики, мышленіе—аттрибутъ духа. Подобное опредѣленіе говоритъ о тѣхъ функціяхъ, которыя организаторы считали исключительно имъ принадлежащими. Мы имѣемъ дѣло съ культомъ умственнаго труда, точнѣе съ культомъ способности вести сложное хозяйство, учитывать его наличныя силы, планомѣрно комбинировать ихъ. Какъ извѣстно, въ глазахъ общества мануфактурнаго періода высшей наукой являлась математика. Ею усиленно занимались, ибо она отвѣчала потребностямъ мануфактуры, организація которой сводилась именно къ сложному сочетанію и распредѣленію факторовъ производства. Сложность организаціи служила ей источникомъ успѣха въ борьбѣ

со старымъ цехомъ, отличавшимся примитивностью своего внутренняго строенія. И искусство точнаго анализа, точнаго расчета, точнаго контроля, было ея военнымъ искусствомъ. Отсюда—„экономическій раціонализмъ“. Отсюда раціонализмъ вообще. „Мыслить—это считать“, гласила знаменитая формула Гоббеса.

„Я (т. е. мой духъ, моя душа) мыслю,—слѣдовательно, существую“. Мое бытіе, бытіе моего духа вытекаетъ единственно изъ моего мышленія, а не изъ какого-нибудь дѣйствія. Я—организаторъ и, какъ таковой, могу существо вать, только выполняя организаторскія функціи, а не исполни тельскія: вотъ что означаетъ декартово утвержденіе, если его перевести на языкъ классовыхъ отношеній.

Нельзя дѣлать такого умозаключенія: „я гуляю, слѣдовательно, я существую“; можно лишь сказать“: я мыслю, что я гуляю, слѣдовательно, я существую“. Актъ передвиженія моего тѣла не есть *мой* актъ, такъ какъ тѣло—не „я“, а лишь матеріальная машина, мнѣ принадлежащая. Лишь когда я учитываю, контролирую данный актъ, тогда я могу говорить о наличности моего „я“, лишь тогда на сцену выступаетъ организаторская субстанція.

Истинно то, что „я“ постигаю ясно и отчетливо. Помощью чувствъ нашего тѣла ясно и отчетливо постигать предметы нельзя. Истинное познаніе пріобрѣтается лишь путемъ мышленія. Только мышленіе даетъ предметы въ чистомъ видѣ, отметая все, не составляющее ихъ сущности. Только оно охватываетъ безконечное разнообразіе формъ, которыя принимаютъ тѣла, безконечные процессы измѣненій. Обычное, наивное воззрѣніе представляетъ внѣшній міръ такимъ, какимъ онъ рисуется сквозь призму чувствъ: оно учитываетъ форму, какъ

сущность тѣла, приписываетъ тѣламъ качества, которыя слѣдуетъ отнести на счетъ нашего чувственнаго воспріятія.

Между тѣмъ, эти качества могутъ быть отняты у тѣла, и все же тѣло не перестаетъ существовать. Развѣ воскъ, который мы осязаемъ, какъ твердое тѣло, будучи расплавленъ, обращается въ ничто? Только безъ одного свойства существованіе тѣлъ не возможно, это аттрибутъ матеріальной субстанціи — протяженіе. Качественнаго различія тѣлъ не существуетъ.

О какихъ реальныхъ фактахъ говорятъ эти силлогизмы?

Средневѣковый строй зналъ категоріи рабочихъ (подмастерьевъ), закрѣпленныхъ за строго опредѣленнымъ цехомъ, смотря по ихъ профессіи, зналъ, напр., шорника, обойщика, красильщика, каретника, работавшихъ въ разныхъ мастерскихъ и у разныхъ хозяевъ. Хозяинъ могъ брать въ свою мастерскую только рабочихъ данной профессіи и квалификаціи, но цеховые уставы не позволяли ему извлекать выгоды изъ труда рабочихъ другихъ, хотя бы и родственныхъ профессій. Мануфактура объединила въ одномъ предпріятіи и шорника, и обойщика, и красильщика, и каретника. Профессія потеряла свое прежнее значеніе. Представители разныхъ профессій оказались участниками одной общей трудовой операціи, звеньями одной общей цѣпи. Для организатора нѣтъ теперь многообразія тѣлъ, которыхъ не могла бы „охватить“ организующая воля. Понятіе о рабочемъ только какъ о шорникѣ или только какъ объ обойщикѣ уступаетъ мѣсто понятію о рабочемъ вообще. Профессія „сущности“ рабочей силы болѣе не составляетъ. Мануфактуристъ по своему усмотрѣнію опредѣляетъ составъ профессій въ своей мастер-

ской, комбинируетъ ихъ, одни вводитъ, другія изгоняетъ. При этомъ двери его предпріятія открыты—что было особенно крупной новостью,—для рабочихъ, необученныхъ, т. е. не обладающихъ, никакими спеціальными знаніями не связанныхъ прочными узами ни съ какой профессіей.

Предприниматель имѣетъ передъ собой не несоизмѣримыя величины, не отдѣльныя рабочія группы, а массу, которую слѣдуетъ считать однородной. Отнимите у понятія о рабочемъ признакъ профессіи,—понятіе остается. Оно становится „чистымъ“ понятіемъ, получается понятіе о рабочей силѣ. И образованіе этого понятія предприниматель-мануфактуристъ квалифицируетъ, какъ актъ своей организаторской воли. Лишь мышленіе, лишь критическая обработка матеріала, представляемаго внѣшнимъ міромъ, дѣлаетъ для насъ этотъ міръ такимъ, какимъ онъ существуетъ въ реальности, а не въ фикціи.

Средневѣковому ремесленнику цеховой уставъ давалъ, такъ сказать, рабочихъ, какъ нѣчто готовое, какъ нѣчто заранѣе и разъ навсегда обусловленное въ своихъ качествахъ и проявленіяхъ. Для мануфактуриста рабочіе—масса, которую онъ преобразуетъ, которой онъ придаетъ желательныя ему формы.

Когда создавались мануфактурныя организаціи, между прочимъ, одно обстоятельство, кажущееся намъ теперь столь обычнымъ и естественнымъ, останавливало на себѣ особенное вниманіе современниковъ. Описывая устроенное въ XVI в. типографское предпріятіе Кобергеровъ, нѣкто Нейдерферъ считаетъ нужнымъ подчеркнуть слѣдующую подробность: „*Въ извѣстный часъ* они (подмастерья) должны были приходить на работу и уходить съ работы; ни одного изъ нихъ не пускали безъ дру-

гихъ въ домъ,.. но они должны были поджидать одинъ другого передъ воротами дома“ *). Это— сенсаціонное нововведеніе: именно, какъ о таковомъ, говоритъ о немъ цитированный авторъ. Предприниматель, собирая подъ одной кровлей рабочихъ разныхъ профессій, устанавливаетъ для всѣхъ одно и то же *строго*-опредѣленное начало и одинъ и тотъ же *строго*-опредѣленный конецъ работы. Того требуетъ совмѣстное выполненіе цѣлаго ряда рабочихъ операцій, имѣющихъ мѣсто въ мастерской: оно должно быть соразмѣрено во времени. Каждая категорія рабочихъ въ извѣстную единицу времени вырабатываетъ извѣстное количество детальныхъ частей продукта, производствомъ котораго занято предпріятіе, и это количество должно точно отвѣчать количествамъ другихъ частей вырабатываемыхъ другими категоріями рабочихъ. Малѣйшая несоразмѣренность во времени имѣетъ своимъ результатомъ нѣкоторую дезорганизацію производства. Всѣ исполнительныя ячейки должны дѣйствовать одновременно и въ теченіе одинаковаго числа часовъ. Руководители озабочены урегулированіемъ рабочаго дня.

Сдѣланное мануфактурой нововведеніе вызываетъ разработку философскаго понятія о времени. Время, объясняетъ Декартъ, нельзя считать свойствомъ матеріи: оно „модусъ мышленія“, родовое понятіе, создаваемое послѣднимъ. Другими словами, оно указываетъ на организаторскую волю. Мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ проявленій послѣдней,— съ однимъ изъ средствъ, помощью которыхъ „духъ“, мыслящій субъектъ орьентируется въ данныхъ матеріальнаго міра.

---

*) Цитир. у Зомбарта („Совр. капитал.“, т. I, стр. 371); курсивъ нашъ.

Такъ обосновывается позиція критическаго реализма. До „прекрасныхъ аранжуесскихъ дней“ этого реализма—до Канта еще далеко, но отправныя предпосылки уже намѣчены.

Старая мелко-буржуазная, ремесленная организація хозяйства рушится. Наступаетъ царство мануфактуры. Образуется классъ собственниковъ рабочей силы, широкія массы, свободно привлекаемыя и отталкиваемыя крупными предпріятіями. Китайскія стѣны, раздѣлявшія профессіи, уничтожаются. Отъ „матеріи“ отвлекаются свойства и качества, прежде за нею утверждавшіяся. Выясняется, что она—простое протяженіе и единственная ея способность—способность двигаться, измѣняться, формироваться, точнѣе способность быть приводимой въ движеніе, измѣняемой, формируемой.

Мануфактуристы выполняютъ „творческую“ миссію. Безъ нихъ—рабочая масса—ничто! Они организуютъ ее во всѣхъ сферахъ ея производительной дѣятельности, опредѣляютъ детально всѣ техническіе процессы, которыя она совершаетъ.

Вещи не даются нашему „духу“ безъ всякихъ условій. Ошибочно думать, будто достаточно раскрыть наши чувства—и мы получимъ вещи готовыми, такими, какими онѣ въ дѣйствительности являются. Съ подобнымъ матерьяломъ оперировать мы не можемъ. Необходимо его перерабатывать помощью нашей организаторской способности—мышленія. Безъ мышленія, *безъ субъекта нѣтъ объектовъ. Мы можемъ разсматривать тѣла только, какъ объекты,* только какъ несамодѣятельную, инертную субстанцію.

Философія отнынѣ—вѣрная служанка капитала. Знаменитый путь *сомнѣнія*, которымъ шелъ Декартъ, создавая свою систему, его протестъ противъ ходячихъ воззрѣній на характеръ и сущность

нашего познанія, являлся идеологическимъ отраженіемъ пути, по которому развивались новыя хозяйственныя фирмы, отраженіемъ атаки, которую мануфактура повела противъ цеха. Переоцѣнка философскихъ цѣнностей опредѣлялась передвиженіями въ организаторскихъ верхахъ и организуемыхъ низахъ. Новые организаторы, новые организуемые—новыя понятія о Богѣ и душѣ, новыя понятія о матеріи. Цеховой способъ присвоенія продуктовъ смѣняется капиталистическимъ: выдвигается проблема познанія. Познавать, организовать, эксплуатировать—это три разные термина, покрывающіе, въ представленіи буржуазныхъ идеологовъ, другъ друга, имѣющія тождественное содержаніе.

Присвоеніе достигается мануфактурой не тѣми путями, при помощи не тѣхъ производителей, какіе были въ распоряженіи цеха. Старыя гносеологическія предпосылки, заявляетъ Декартъ, изжили свой вѣкъ. Нельзя при помощи средствъ, рекомендованныхъ старой, школьной философіей, получать истинныя понятія о вещахъ. Познавательный механизмъ долженъ быть во всѣхъ своихъ частяхъ пересмотрѣнъ.

Въ подобномъ пересмотрѣ Декартъ, какъ извѣстно, и видѣлъ главную задачу своей философской дѣятельности, видѣлъ „новое откровеніе“, сообщенное имъ міру.

IV.

Спиноза.

Картезіанская система, по традиціонному объясненію историковъ философіи, изобилуетъ противорѣчіями, которыя и предопредѣлили фатальнымъ образомъ ея дальнѣйшее развитіе. Требовалось преодолѣть лежавшій въ основѣ ученія дуализмъ—дуализмъ Бога и міра, дуализмъ духа и тѣла, каковую задачу и выполняли послѣдующіе философы.

На первыхъ порахъ, впрочемъ, дуализмъ Бога и міра не удостаивается вниманія со стороны философовъ. Такъ называемые окказіоналисты заняты исключительно пересмотромъ вопроса о взаимоотношеніи духа и тѣла. Почему такъ произошло, почему начали именно съ этого пункта, новѣйшія комментаторы исторіи философіи не выясняютъ. И выяснить, оперируя на почвѣ чисто логическихъ разсужденій, нельзя не только данный вопросъ, но и вообще вопросъ объ эволюціи картезіанскихъ предпосылокъ.

Декартъ первый далъ общую схему мануфактурной метафизики. И эта схема отвѣчала тому внутреннему строенію капиталистическихъ предпріятій, которое имѣлось въ данный моментъ на лицо. Но мануфактура развивалась,—и развилась въ направленіи все большей и большей централизаціи своихъ составныхъ элементовъ и факторовъ. И на

этомъ пути первымъ знаменательнымъ явленіемъ было установленіе болѣе прочной зависимости промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ отъ верховнаго руководителя. Въ раннемъ періодѣ образованія крупныхъ капиталистическихъ организацій (напр. Verlagssystem и домашняя промышленность) эти промежуточныя звенья фигурировали въ качествѣ „посредниковъ“. Мануфактура постепенно лишала ихъ извѣстной доли самостоятельности, которой они обладали, постепенно превращала ихъ въ простыя колесики сложнаго исполнительскаго организма, механически дѣйствующіе. Они становятся уже не посредниками, а выполнителями воли главы предпріятія. Правда, въ рамкахъ ихъ профессіи имъ предоставлены извѣстныя полномочія, и они все же выступаютъ, какъ организаторы. Но *каждый* ихъ организаторскій актъ мыслимъ только, какъ актъ, санкціонированный свыше. Они дѣйствуютъ именемъ предпринимателя. Непосредственнаго—т. е. вполнѣ самостоятельнаго воздѣйствія на организуемую ими рабочую массу они не оказываютъ.

Декартъ уже отмѣтилъ зависимость, въ которую они попали, но отмѣтилъ въ общихъ чертахъ и нѣсколько не ясно. „Души“ все-таки у него могутъ вліять на тѣло, тѣнь извѣстной самостоятельности, какъ-ни-какъ, сохраняютъ. Дальнѣйшее усиленіе зависимости промежуточныхъ организаторовъ отъ верховнаго руководителя сдѣлало подобную постановку вопроса уже неудовлетворительной. Бо́льшая опредѣленность реальныхъ отношеній требовала большей опредѣленности и въ области идеологіи. Окказіоналисты, во главѣ съ Гейлинксомъ вносятъ въ картезіанство соотвѣтствующую поправку.

Движенія тѣла вызываются не волевыми актами души. Точно также тѣло не можетъ порождать въ насъ представленія. И если нашимъ желаніямъ отвѣчаютъ извѣстныя движенія тѣла, то это объясняется волею высшаго духовнаго существа,— Бога. Каждый разъ *по поводу* нашего хотѣнія Богъ заставляетъ тѣло двигаться, каждый разъ *по поводу* извѣстнаго тѣлеснаго движенія онъ вызываетъ въ насъ соотвѣтствующее представленіе. „Ты скажешь: мы двигаемъ, мы ломаемъ твердыя и большія тѣла и испытываемъ въ себѣ безконечную силу. Дѣтское это утвержденіе. Мы не двигаемъ, ни ломаемъ; но при наличности нашего хотѣнія движеніе, которое произвелъ создатель міра и неизмѣнно производитъ, опредѣляется такъ, что ломаетъ, дѣлаетъ, двигаетъ тѣла „(Dices: nos movemus, nos frangimus multa corpora... et infinitam vim in nobis nos experimur. Resp. Zam satis expunximus; puerilem illum persuasionem; nos non frangimus *ad arbitrium nostrum* motus, quem mundi conditor effecit et conservando coutinuo efficit, itu determinatur, ut frungat, ut dividat, ut moveat quaedam corpora“ *)Наше хотѣніе—лишь поводъ, „случайная причина“, causa occasionalis для проявленія божественной воли.

Аналогичная поправка вносится и въ картезіанскую теорію познанія. Декартъ связалъ возможность познанія вещей съ идеей Бога. Но опять-таки въ данномъ случаѣ онъ сдѣлалъ указаніе лишь самаго общаго характера: существованіе Бога является условіемъ познанія вещей. Дальнѣйшую разработку его тезисъ получилъ въ произведеніяхъ Ник. Мальбранша. Душа, ничего общаго не имѣю-

*) Arnoldi Geulincx Antverpiensis opera philosophica, Pucognovit j. P. N. Land. v. II, Metaphysica vera, стр. 191.

щая съ тѣломъ, можетъ познавать вещи лишь помощью идей. Тѣла не даютъ намъ идей. Равнымъ образомъ, идеи не создаются душой. Онѣ, эти первообразы вещей, содержатся въ Богѣ. И, созерцая Бога, души могутъ получать, такимъ образомъ, свѣдѣнія о мірѣ тѣлесномъ, познавать его.

Всякое сношеніе души и тѣла только черезъ Бога. Всякое сношеніе промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ съ организуемой массой только съ санкціи верховнаго организатора!

Но этого мало. Процессъ централизаціи элементовъ и факторовъ мануфактуры подвигается впередъ. Дѣлается второй шагъ въ области устраненія противорѣчій и недомолвокъ картезіанской философіи. Гейлинксъ и Мальбраншъ, категорически отказывая индивидуальнымъ душамъ въ самостоятельности, тѣмъ не менѣе, не ставили ихъ окончательно на одну доску съ тѣлами. Система Спинозы, сложившаяся въ странѣ наиболѣе передоваго для той эпохи капитализма, въ Голландіи, достигшей промышленнаго расцвѣта, провозглашаетъ полное равенство „душъ“ и „тѣлъ„ передъ лицомъ всемогущаго божества. Духъ и тѣло отнынѣ не субстанціи (вопреки утвержденію Декарта), не разные классы, противостоящіе и враждебные другъ другу; мышленіе и протяженіе теперь не болѣе, какъ два аттрибута *единой*, всеохватывающей, всецентрализующей субстанціи. Движеніе матеріи и дѣятельность души лишь двѣ стороны *одного и того же* процесса. Ни о какомъ взаимодѣйствіи между душой и матеріей не можетъ быть и рѣчи.

Все, что совершается, существуетъ одновременно въ формѣ мышленія и въ формѣ протяженія: вотъ единственно что мы можемъ утверждать. Если разсматривать явленія подъ одной формой, мы получимъ одинъ рядъ причинъ, если разсматри-

вать тѣ же явленія подъ другой формой, получимъ другой рядъ причинъ. Оба ряда, такъ сказать, равноцѣнны, съ одинаковой необходимостью обусловливаются волей производящаго ихъ Бога. Точка надъ і поставлена.

Душа — идея тѣла. Тѣло — „идеатъ“ (объектъ) души. Всякая вещь—и духъ и тѣло.

Причинамъ матеріальнаго ряда нельзя приписывать способности производить дѣйствія и измѣненія въ духовномъ ряду. То же самое вѣрно и относительно причинъ духовнаго ряда: какой-либо актъ душевной дѣятельности можетъ вызвать только новыя душевныя движенія. Мы въ правѣ говорить лишь о строгомъ соотвѣтствіи въ смѣнѣ дѣйствій обоихъ рядовъ.

Конечныя вещи, слѣдовательно, не только тѣла, но и индивидуальныя души,—преходящія измѣненія (модусы) божественной субстанціи. Онѣ существуютъ лишь въ послѣдней, сами по себѣ немыслимы, сами по себѣ — ничто. Болѣе того, душу слѣдуетъ понимать, не какъ нѣчто цѣльное и недѣлимое. Недѣлима и цѣльна одна субстанція; а душа—механическое соединеніе отдѣльныхъ представленій и идей. Homo sum et nihil humanum mihi alienum est: я — организуемый и ничто изъ свойствъ и признаковъ организуемой массы мнѣ не чуждо! Какъ организуемая масса, бывшіе „посредники“, существовать безъ верховнаго руководителя, безъ предпринимателя-капиталиста не могутъ. Какъ организуемая масса, бывшіе „посредники“ находятъ себѣ работу въ мануфактурномъ предпріятіи въ качествѣ детальныхъ „производителей“, въ качествѣ спеціалистовъ по части выполненія какой-нибудь одной изъ многочисленныхъ подчиненно-организаторскихъ функцій. Наряду съ дифференціаціей представителей физическаго тру-

да, въ мануфактурѣ совершается процессъ дифференціаціи и представителей труда интеллектуальнаго. Соотвѣтственно этому происходитъ „раздробленіе“ индивидуальной души. Что касается матеріи, то послѣдняя, еще со временъ Декарта, фигурируетъ у философовъ въ „раздробленномъ“ видѣ, фигурируетъ какъ до безконечности дѣлимое нѣчто. Теперь же организаторскіе „низы“, очутившіеся въ весьма непривелегированномъ положеніи, буржуазная философія надѣляетъ свойствомъ, въ которомъ имъ раньше упорно отказывала.

Ученіе о безконечномъ многообразіи преходящихъ матеріальныхъ явленій дополняется ученіемъ о многообразіи несубстанціональныхъ душъ. Такимъ образомъ, наличность душъ въ мірѣ, не вноситъ дисгармоніи въ стройный механизмъ послѣдняго. И тѣмъ съ большимъ правомъ Спиноза могъ заявлять: ex necessitate divinae naturae infinita infinitis modis sequi debent, изъ необходимости божественной природы должны вытекать (или, какъ поясняетъ одинъ новѣйшій комментаторъ спинозовской системы *), производиться) безконечными способами безконечныя явленія.

„Изъ Бога вытекающій, т. е. Богомъ осуществляемый и въ Богѣ содержащійся міръ сущностей, есть міръ безконечныхъ индивидуальностей; этотъ міръ представляетъ единство или связь силъ, которыя если разсматривать ихъ по отношенію другъ къ другу, качественно различны; эта связь эмпирически проявляется во временной послѣдовательности и пространственномъ существованіи явленій, раскрывающихъ переданную въ количественныхъ отношеніяхъ картину качественнаго единства силъ“ **).

*) A. Wenzel: „Die Weltauschauung Spinozas“, I, стр. 293.
**) ibid., стр. 294.

Итакъ, никакихъ качественныхъ различій въ мірѣ становленія нѣтъ, т. е. нѣтъ никахъ качественныхъ различій для верховныхъ руководителей между всѣми элементами и факторами мануфактурной мастерской. Предприниматели имѣютъ передъ собой однородную массу. Но однородность этой массы не исключаетъ пестраго разнообразія ея внѣшнихъ формъ, ея измѣненій, — напротивъ, требуетъ такого разнообразія. Говоря, что послѣднее вытекаетъ „изъ необходимости божественной природы", Спиноза не занимался чисто схоластическою игрою терминовъ, лишенною всякаго реальнаго содержанія. Нѣтъ, на своемъ спеціальномъ языкѣ, онъ характеризовалъ внутреннее строеніе капиталистическихъ предпріятій и называлъ іерархію рабочихъ и іеріархію промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ необходимой предпосылкой, жизненнымъ нервомъ мануфактурнаго производства. Такъ это и было въ дѣйствительности.

Цѣлое немыслимо безъ существованія частей; неизмѣнная, сама себѣ всегда равная, вѣчная субстанція немыслима безъ непрестанной модификаціи, безъ непрестанной смѣны конечныхъ вещей, количественно разныхъ. „Facile concipiemus totam naturam unum esse individuum, cujus partes, hoc est omnia corpora, infinitis modis variant, absque ulla totius individui mutatione". Вся природа—индивидуумъ, части котораго безконечно разнообразны, но это разнообразіе не обусловливаетъ ни малѣйшаго измѣненія цѣлаго.

Изъ сущности божественной природы вытекаетъ ея *самоограниченіе.*

Но часть, въ свою очередь, немыслима безъ цѣлаго; будучи взята отдѣльно отъ него, она, повторяемъ, ничто. И познаніе вещей возможно только тогда, когда отдѣльныя вещи разсматриваются въ

связи съ цѣлымъ,—въ связи съ Богомъ. Вещи разумъ можетъ постигать только какъ необходимыя правленія единой субстанціи, — sub specie aeternitatis, подъ формой вѣчности.

Правда, въ своей теоріи познанія Спиноза отводитъ извѣстную роль чувственному воспріятію и опыту. Поскольку тѣла и души признаются равноцѣнными явленіями, качественно однородными, постольку внѣшній міръ у Спинозы не обращается въ фикцію, постольку голландскій философъ находитъ нужнымъ считаться и съ опытомъ и съ чувственнымъ воспріятіемъ. Опытъ, чувственное воспріятіе для него непремѣнное условіе познанія вещей, но условіе предварительное и истинныхъ, „адэкватныхъ“ понятій о вещахъ не дающее. Требуется извѣстный организаторскій актъ. Тѣла—матеріалъ, заключающій въ себѣ больше, чѣмъ заключается въ чувственномъ воспріятіи. Чтобы извлечь изъ нихъ это нѣчто „большее“ необходимо брать ихъ во взаимной связи, сравнивать и сопоставлять ихъ другъ съ другомъ. Мануфактурный рабочій — детальный рабочій и использовать его „услуги“ можно лишь при условіи соединенія въ одномъ предпріятіи другихъ „тѣлъ“, рабочихъ другихъ профессій. Но и взаимной связи тѣла для истиннаго познанія мало. Съ помощью ея мы познаемъ лишь „пребываніе“ вещей, преходящія явленія. Мыслящій субъектъ, индивидуальная душа— то же тѣло. Онъ во всемъ подчиненъ высшей организаторской волѣ. Организуя и контролируя извѣстную область трудовыхъ операцій, выполняемыхъ въ мастерской, бывшій „посредникъ“ не можетъ считать эту область самодавлѣющимъ цѣлымъ. Его „познаніе“ не полно, если не будетъ установлена связь высшаго порядка,—зависимость всѣхъ тѣлъ и вещей отъ главной организующей основы, отъ единой субстанціи.

И эта зависимость конечныхъ вещей, тѣлъ и душъ отъ единой субстанціи есть, вмѣстѣ съ тѣмъ полное поглощеніе ихъ послѣдней. Спиритуализмъ превращается въ пантеизмъ. Ничего не существуетъ кромѣ Бога, все въ немъ и все—Онъ.

Величественная, очаровывающая система! такова почти всеобщая оцѣнка спинозовскаго міропониманія. Наиболѣе далекій отъ всякихъ „мірскихъ помысловъ“ человѣкъ, идеальнѣйшій типъ мыслителя, исключительно преданнаго чистому умозрѣнію—такова всеобщая оцѣнка личности Спинозы. Но... когда Спиноза умеръ, то, какъ извѣстно, погребальную колесницу, везшую его останки, съ большой помпой провожалъ fine fleur голландской буржуазіи. А если мы познакомимся поближе съ кругомъ его знакомыхъ и корреспондентовъ, то опять встрѣтимся съ fine fleur'омъ—и не только голландской, но и всемірной—буржуазіи. Объяснять вниманіе, которымъ послѣдняя, въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей, удостаивала отшельника—философа, простымъ очарованіемъ его системы, глубиной и послѣдовательностью его мышленія не приходится. Буржуазія чтила въ Спинозѣ своего барда.

Спинозовское міропониманіе—пѣснь торжествующаго капитала,—капитала, все поглощающаго, все централизующаго. Внѣ единой субстанціи нѣтъ бытія, нѣтъ вещей: внѣ крупнаго, мануфактурнаго предпріятія производители существовать не могутъ. Первый членъ капиталистическаго „символа вѣры“, переведенный нѣкогда на философскій языкъ впервые Декартомъ, получаетъ теперь особенно ясную и рѣшительную формулировку.

V.

Лейбницъ.

„Читая всѣ эти утвержденія, можно подумать, что мы имѣемъ передъ собою не протестантскаго философа конца XVI и начала XVIII вв., а кого-либо изъ прежнихъ католическихъ писателей". Рѣчь идетъ о Лейбницѣ, мечтавшемъ о томъ, „чтобы весь человѣческій родъ составилъ какъ бы одну общину подъ управленіемъ Бога", чтобы всѣ государства слились „въ одну организацію, которую всего скорѣе слѣдуетъ назвать церковью". Историкъ философіи права, слова котораго мы цитируемъ *), положительно изумленъ подобными анахронистическими воззрѣніями. Но онъ все-таки пытается дать нѣкоторое объясненіе и связываетъ ихъ съ неразвитостью политическаго строя тогдашней Германіи. Тамъ „мысль была обречена или на абстрактныя построенія, лишенныя практической силы, или на воспроизведеніе идеаловъ, уже отживших свой вѣкъ". Безспорно, въ описываемую эпоху Германія, по сравненію съ Англіей, Франціей или Голландіей, являлась страной отсталой въ экономическомъ, а слѣдовательно, и политическомъ отношеніяхъ. Но это обстоятельство еще не позволяетъ характеризовать взгляды Лейбница, какъ идеологію общества, стоявшаго на грани средневѣковья. Не о среднихъ, феодальныхъ вѣкахъ говорили его взгляды. Идея божества, кото-

*) П. И. Новгородцевъ: „Изъ лекцій по исторіи философіи права. Ученія новаго времени", стр. 147—148.

рую онъ выдвигалъ, была идеей, принадлежавшей какъ разъ одной изъ новыхъ группъ, боровшихся съ умиравшимъ строемъ. Это опять божественная субстанція, опять представленіе о „верховной волѣ“ капиталистической буржуазіи... Впрочемъ, Богъ Лейбница ввелъ въ заблужденіе не одного только московскаго профессора. По очень распространенному среди историковъ философіи мнѣнію, божество не играетъ никакой существенной роли въ лейбницевой системѣ и авторъ „Монадологіи“ и „Начала природы и благодати“ могъ бы свободно обойтись безъ этого добавочнаго понятія, оставленнаго въ наслѣдіе отъ среднихъ вѣковъ.

Напротивъ, у Лейбница Богъ такой же необходимый центръ міровой жизни, какъ и у другихъ „великихъ метафизиковъ“. Ошибочная оцѣнка его роли объясняется, несомнѣнно, той далью разстоянія, которая раздѣляетъ его и міръ. Передъ нами „безличный руководитель“, притомъ настолько подчинившій себѣ и „матерію“ и „промежуточныя организаторскія звенья“, что ни о какомъ, не только прямомъ, но и опосредствованномъ воздѣйствіи названныхъ элементовъ другъ на друга не можетъ быть и рѣчи. Въ данномъ отношеніи Лейбницъ идетъ дальше окказіоналистовъ. Тѣ учили, что при наличности извѣстнаго хотѣнія въ нашей душѣ Богъ производитъ *каждый разъ* соотвѣтствующее движеніе въ тѣлѣ и, наоборотъ, при наличности извѣстнаго тѣлеснаго движенія вызываетъ соотвѣтствующее представленіе въ душѣ. По мнѣнію Лейбница, подобная постановка вопроса предполагаетъ все-таки большую близость организуемыхъ началъ къ божественной субстанціи, противорѣчитъ понятію о совершенства Бога. Онъ сравниваетъ душу и тѣло съ двумя часами, которые одновременно заведены. Движеніе стрѣлокъ

на однихъ часахъ въ каждый данный моментъ строго соотвѣтствуетъ движенію стрѣлокъ сосѣднихъ часовъ, причемъ ни тѣ, ни другія не регулируютъ другъ друга, и вмѣшательства со стороны ихъ владѣльца не требуется. Аналогичнымъ образомъ Богъ, при актѣ творенія, опредѣляетъ разъ навсегда душу и тѣло къ строгой согласованности ихъ параллельныхъ дѣйствій. Такова предустановленная гармонія между означенными началами.

Богъ Лейбница—собственникъ образцово поставленнаго предпріятія и самъ превосходный организаторъ. „При твореніи міра онъ избралъ планъ возможно наилучшій, соединяющій въ себѣ *величайшее разнообразіе вмѣстѣ съ величайшимъ порядкомъ*. Наиболѣе экономическимъ образомъ распорядился онъ мѣстомъ, пространствомъ, временемъ: при помощи наипростѣйшихъ средствъ онъ произвелъ наибольшія дѣйствія“ *).

Если философія Спинозы есть апоѳеозъ поглощенія производителей мануфактурнымъ капиталомъ, то философія Лейбница—апоѳеозъ организаціоннаго строительства мануфактуристовъ. Лейбницевъ міръ — это грандіозная мастерская съ сложнѣйшей іерархіей рабочихъ подчиненныхъ организаторовъ. Каждый изъ нихъ на своемъ мѣстѣ, дѣйствія каждаго строго предопредѣлены, трудъ каждаго „утилизируется“ съ наибольшей выгодой. Согласованность исполнительскихъ процессовъ различныхъ группъ наблюдается полнѣйшая. Каждая группа вѣдаетъ лишь область своихъ детальныхъ функцій, которыя и выполняетъ съ точностью, обуславливаемой сложностью общаго хода работъ.

---

*) Г. И. Лейбницъ. Избранныя философскія сочиненія. Перев. членовъ психолог. общ. подъ редакц. В. П. Преображаго, стр. 332.

Организуемые „низы“ въ подобномъ предпріятіи не имѣютъ ни малѣйшей тѣни самостоятельности: „матеріи“ отказывается въ ея прежней субстанціональности. Организуемые низы отданы подъ контроль организаторскихъ низовъ: „матерія“, потерявшая свою прежнюю субстанціональность, можетъ мыслиться лишь въ извѣстной связи съ организаторскимъ началомъ, лишь, какъ опекаемая непрестанно послѣднимъ, причемъ это начало—низшаго ранга. Реформируется понятіе о духѣ. Сущность духа въ мышленіи, училъ Декартъ. Лейбницъ мышленіе считаетъ достояніемъ только высшихъ организаторскихъ звеньевъ. Низы послѣднихъ вѣдь такъ сблизились съ низами организуемой массы! Души могутъ существовать, пребывая въ безсознательномъ состояніи. Такъ возникаетъ своеобразное понятіе о простѣйшемъ организуемомъ звенѣ, о низшей нематеріальной субстанціи, монадѣ тѣла. Историки философіи сообщаютъ намъ, что, создавая подобное понятіе, Лейбницъ окончательно устранилъ картезіанскій дуализмъ духа и тѣла, который даже въ спинозовской системѣ оставилъ нѣкоторый слѣдъ—въ видѣ противопоставленія мышленія и протяженія.

Въ мірѣ множество монадъ. Соединеніе ихъ образуетъ организмы. И въ организмахъ монады располагаются въ іерархическомъ порядкѣ. Одна монада, монада души оказывается доминирующей; другія окружаютъ ее въ видѣ тѣла: это монады подчиненныя. Но качественной разницы между ними нѣтъ.—Какъ и Спиноза, Лейбницъ отрицаетъ наличность качественныхъ различій между организуемой массой и промежуточными организаторскими звеньями передъ лицомъ верховнаго „руководителя“.

Монады отличаются другъ отъ друга только

степенью своего совершенства, самодѣятельности, отчетливости своихъ представленій. Монады тѣла—монады, какъ бы пребывающія въ состояніи дремоты или полусна. Монады души энергичнѣе ихъ, лучше организованы, яснѣе все себѣ представляютъ.

Какъ и организмы, весь міръ не что иное, какъ іерархія монадъ, монадъ, безконечно разнообразныхъ въ своемъ внутреннемъ строеніи. Нѣтъ двухъ совершенно одинаковыхъ монадъ. Образцовое мануфактурное предпріятіе зиждется на образцово разнообразномъ составѣ исполнительнаго персонала. Детализація профессіи, повторяемъ,—вѣрнѣйшій козырь въ рукахъ мануфактуристовъ, завоевывающихъ себѣ территорію національнаго хозяйства. Въ Германіи мануфактурѣ приходилось имѣть дѣло съ очень сильнымъ противникомъ—старымъ ремесленнымъ строемъ: потому вопросы объ организаціонномъ строительствѣ стояли передъ идеологами нарождавшейся капиталистической буржуазіи на первомъ планѣ. Потому Лейбницъ подробно разрабатывалъ его. Потому, между прочимъ, онъ доказывалъ, что многоразличіе явленій есть непремѣнное условіе совершенства того цѣлаго, въ рамкахъ котораго она имѣетъ мѣсто.

Другой необходимый признакъ образцоваго предпріятія — строжайшая согласованность трудовыхъ процессовъ, выполняемыхъ отдѣльными исполнительскими группами

Объ этой именно согласованности говоритъ ученіе о предустановленной гармоніи. Въ такомъ же соотношеніи, какъ душа и тѣло, находятся между собою всѣ монады. Дѣятельность каждой изъ нихъ точно отвѣчаетъ дѣятельности всѣхъ другихъ. При этомъ каждая изъ нихъ представляетъ собою настоящій замкнутый міръ, куда нѣтъ доступа ни-

какимъ постороннимъ элементамъ. „Монады вовсе не имѣютъ оконъ, чрезъ которыя что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти“. Здѣсь, несомнѣнно, подчеркивается изолированная роль отдѣльныхъ категорій рабочихъ и отдѣльныхъ категорій исполнителей-организаторовъ по отношенію другъ къ другу. Детальные исполнители ограничены кругозоромъ своихъ трудовыхъ операцій и производятъ послѣднія, не считаясь съ тѣмъ, что дѣлаютъ другія группы въ данный моментъ. Знакомство съ общимъ ходомъ работъ въ предпріятіи отъ нихъ не требуется, и они имъ не обладаютъ. Непосредственнаго взаимодѣйствія на технической почвѣ между отдѣльными группами нѣтъ. Отдѣльныя группы напоминаютъ части сложной машины, имѣющія каждая особую конструкцію, но дѣйствующія въ строгой согласованности другъ съ другомъ.

VI.

Беркли.

„Прежде думали, что цвѣтъ, фигура, движеніе и прочія ощущаемыя качества или акциденціи дѣйствительно существуютъ внѣ духа; и на этомъ основаніи казалось необходимымъ предполагать нѣкоторый немыслящій субстратъ или субстанцію, въ которомъ они существуютъ, такъ какъ они не могутъ быть мыслимы существующими сами по себѣ. Впослѣдствіи, убѣдившись съ теченіемъ времени, что цвѣта, звуки и прочія ощущаемыя вторичныя качества не существуютъ внѣ духа, лишили субстратъ или матеріальную субстанцію этихъ качествъ, оставивъ при немъ лишь первичныя качества—фигуру, движеніе и т. под., которыя еще продолжали мыслить существующими внѣ духа и потому нуждающимися въ поддержкѣ матеріальнаго носителя“ *).

Теперь съ этимъ „матеріальнымъ носителемъ“ сводятся послѣдніе счеты. Его лишаютъ послѣдняго достоянія—„первичныхъ качествъ“ и обращаютъ въ ничто. Правда „обращеніемъ“ его въ ничто были заняты и Спиноза и Лейбницъ. Но пантеизмъ Спинозы выдвигая антитезу протяженія и мышленія, лишь уравнивалъ въ правахъ духъ и матерію передъ лицомъ верховной субстанціи. Монадологія Лейбница, съ своей стороны, несмотря

*) Д. Беркли: „Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія“, пер. подъ ред. Н. Г. Дебольскаго, стр. 115.

на свой спиритуализмъ, всетаки сдѣлала нѣкоторую уступку изгнанному „матеріальному носителю“: низшая изъ лейбницевыхъ монадъ—всетаки содержитъ въ себѣ отзвуки своего матеріальнаго происхожденія. „Являющійся тѣлесный міръ имѣетъ въ монадахъ свой твердый фундаментъ“. Такимъ образомъ Лейбницъ, хотя и идеалистъ, но не разорвалъ совершенно связи съ реализмомъ. Крайнимъ послѣдствіемъ чистаго идеализма было бы признать тѣлесныя вещи чистыми феноменами, чисто субъективными представленіями, безъ всякой реальности, которая лежала бы въ ихъ основаніи, и совершенно отвергнуть объективность реальнаго, чувственнаго міра (Швеглеръ). Подобную задачу выполнила философская система, созданная въ обстановкѣ, которая, по распространенному воззрѣнію, отнюдь не могла способствовать никакимъ полетамъ мысли въ область „запредѣльнаго“. Англичане — народъ практическій, ихъ мышленіе „трезвое“; матеріализмъ и эмпиризмъ—ихъ „національная“ философія—и вдругъ... рѣшительное слово метафизики было произнесено въ ихъ средѣ и притомъ философомъ, который какъ разъ исходилъ изъ предпосылокъ, заимствованныхъ у корифеевъ „національной“ философской литературы. Въ обзорахъ исторіи философіи этому обстоятельству придается особенное значеніе. Имъ пользуются для доказательства тезиса о банкротствѣ, необходимо постигающемъ „опытное“ міровоззрѣніе, когда послѣднее разовьетъ свои выводы до логическаго конца.

На самомъ дѣлѣ, появленіе системы клойнскаго епископа Джорджа Беркли не должно насъ удивлять. Разница между „опытной“ и спекулятивной философіей для буржуазіи не такъ велика, какъ это съ перваго взгляда можетъ показаться. Мы

отмѣтили уже въ общихъ чертахъ ту экономическую атмосферу, въ которой капиталистическая буржуазія проникается симпатіями къ „положительнымъ“ воззрѣніямъ. Но, сегодня эмпирически настроенная, завтра она заявляетъ себя на сторонѣ идеализма. Характеръ ея идеологіи опредѣляется характеромъ борьбы за существованіе, которую она ведетъ въ данный моментъ. Періоду Sturm und Drang'a англійской капиталистической буржуазіи отвѣчалъ матеріализмъ Гоббеса. Почва для мануфактуры расчищена, для мануфактуристовъ наступаютъ болѣе спокойныя времена: матеріализмъ Гоббеса смѣняется половинчатой системой Локка. Дальнѣйшее укрѣпленіе позиціи мануфактуры обуславливаетъ возможность антиматеріалистическихъ выступленій.

При этомъ необходимо принять во вниманіе, что англійская мануфактура въ началѣ XVIII ст., какъ извѣстно, опередила въ техническомъ отношеніи континентальныя капиталистическія предпріятія. Ея большей организованности, болѣе рѣзко подчеркнутымъ взаимоотношеніямъ группъ и классовъ, сосуществующихъ подъ ея кровлей, должна, естественно, отвѣчать и большая рѣшительность въ формулировкѣ идеологической системы, которая „оправдывала“ бы ее.

„Матеріальнаго носителя“ нѣтъ.

Изъ рамокъ дѣйствительности, данной въ нашемъ сознаніи, мы выступать не можемъ. Даже то, что до сихъ поръ считалось наиболѣе объективнымъ, принадлежитъ не объекту, а субъекту.

Еще картезіанство выясняло субъективную цѣнность чувственныхъ качествъ (цвѣта, вкуса и т. д.). Беркли исходитъ изъ этого положенія, какъ уже неоспоримо утвержденнаго, и главное вниманіе

его сосредоточено на анализѣ качествъ „первичныхъ“.

Ошибочно мнѣніе, будто нашъ умъ надѣленъ способностью создавать отвлеченныя идеи о вещахъ. Въ дѣйствительности качествъ и состояній вещи, взятыхъ отдѣльно другъ отъ друга, не существуетъ. И только въ томъ случаѣ, если опытъ говоритъ намъ, что извѣстная часть вещи можетъ быть отдѣлена отъ цѣлаго, мы можемъ расчленить соотвѣтствующую сложную идею (представить, напримѣръ, руку отдѣльно отъ туловища, глазъ или носъ отдѣльно отъ головы). При отсутствіи этого условія расчлененія идеи произойти не можетъ. Нельзя говорить, напр., о человѣкѣ вообще. Замѣчая извѣстныя черты сходства тѣлосложенія и качествъ Петра, Якова и Ивана, нашъ умъ старается отвлечь отъ частныхъ идей о каждомъ изъ названныхъ лицъ то, что составляетъ ихъ особенности, что обусловливаетъ ихъ индивидуальное существованіе, и подбираетъ лишь общіе признаки: получается идея человѣка, человѣческой природы, въ которой содержатся цвѣтъ, но цвѣтъ вообще, ростъ, но ростъ вообще. Но это былъ бы—фокусъ нашего ума. Идея человѣка можетъ быть только идеей человѣка бѣлокожаго, чернокожаго или краснокожаго, человѣка прямого или сгорбленнаго, человѣка высокаго, средняго или низкаго роста.— Возьмемъ нѣкоторыя другія, носящія еще болѣе отвлеченный характеръ идеи.

Число—совокупность единицъ. Отвлеченной единицы не существуетъ.

Ариѳметическія теоріи, если ихъ мыслить внѣ связи съ названіями и фигурами, съ частными считаемыми вещами, лишены всякаго предметнаго содержанія. Ариѳметика всецѣло подчинена практикѣ. И, будучи оторвана отъ практики, она „стано-

вится узкой и пустой". Цифры—лишь *знаки*, созданныя для облегченія памяти и счета, а отнюдь не вещи. Благодаря связи, установленной между этими знаками и опредѣленнымъ количествомъ вещей, мы получили возможность устанавливать, въ каждомъ случаѣ, пропорціональность послѣднихъ. Цифры даютъ намъ указаніе относительно того, какъ правильно распоряжаться вещами. Одни и тѣ же вещи могутъ обозначаться различными числами, въ зависимости отъ отношеній, въ которыхъ мы разсматриваемъ ихъ. Мы имѣемъ обозначенія 1, 3, 36 для одного и того же протяженія; разница получается отъ того, сравниваемъ ли мы это протяженіе съ ярдомъ, футомъ или дюймомъ. „Число такъ очевидно относительно и зависимо отъ человѣческаго познанія, что странно было бы подумать, чтобы кто-нибудь могъ приписать ему абсолютное существованіе внѣ духа". „Мы говоримъ: одна книга, одна страница, одна строчка и т. п., всѣ онѣ равно единичны, хотя однѣ изъ нихъ заключаютъ въ себѣ нѣсколько другихъ. Во всѣхъ случаяхъ ясно, что единица означаетъ особую комбинацію идей, произвольно составляемую духомъ".

Равнымъ образомъ, не существуетъ ни абсолютнаго движенія, ни абсолютнаго пространства. Чтобы представить движеніе, требуется представить minimum два тѣла, относительное положеніе которыхъ измѣняется. Если бы существовало всего одно тѣло, то ни о какомъ движеніи мы не могли бы говорить. Человѣкъ, находящійся на борту корабля, одновременно движется и не движется: по отношенію къ бортамъ корабля онъ пребываетъ въ состояніи покоя; по отношенію къ землѣ назвать его пребывающимъ въ состояніи покоя нельзя. По отношенію къ востоку онъ совершаетъ движеніе од-

ного порядка, по отношенію къ западу — другого порядка. Взятое внѣ всякаго внѣшняго отношенія движеніе немыслимо.

Оно можетъ опредѣляться лишь какъ одна изъ составныхъ частей того или иного комплекса нашихъ конкретныхъ воспріятій. Такую же роль играетъ пространство. Нельзя составить себѣ идеи чистаго пространства, отрѣшеннаго отъ какого-либо тѣла. Если, вызывая движеніе въ той или другой части нашего тѣла, мы видимъ, что данное движеніе совершается безъ сопротивленія, мы утверждаемъ: здѣсь *пространство*; встрѣчая препятствія, мы заключаемъ о наличности *тѣлъ*. Чѣмъ оказываемое сопротивленіе слабѣе, тѣмъ болѣе чистымъ представляется намъ пространство. Такимъ образомъ, говоря о чистомъ или пустомъ пространствѣ, мы не обозначаемъ идеи, „отличной отъ тѣла или движенія или мыслимой безъ нихъ, хотя, конечно, мы склонны думать, что каждое имя существительное выражаетъ опредѣленную идею, которую можно отдѣлить отъ всѣхъ прочихъ“. Если бы весь міръ, кромѣ моего тѣла, уничтожился, я бы сказалъ, что чистое пространство осталось: я могъ бы утверждать, что части моего тѣла имѣютъ возможность двигаться по всѣмъ направленіямъ, не встрѣчая никакихъ препятствій; но если бы со всѣмъ міромъ уничтожилось и мое тѣло, то не было бы движенія, не было бы и пространства.

Первичныя качества наблюдаются въ многобразныхъ сочетаніяхъ съ качествами вторичными. Эти сочетанія и называются предметами. Такъ, даны вмѣстѣ извѣстный вкусъ, цвѣтъ, запахъ, извѣстная фигура и консистенція: мы имѣемъ яблоко. Другія сочетанія качествъ составляютъ дерево, камень, книгу и т. д. Но мы знаемъ, что вторичныя

качества внѣ воспринимающаго субъекта не существуютъ. Несомнѣнно, и первичныя качества мы должны приписать тому же субъекту.—Иначе цѣльнаго предмета мы никакъ не получимъ: всѣ части должны, такъ сказать, находится въ одномъ мѣстѣ. „Различныя ощущенія или идеи, запечатлѣнныя въ чувственности, какъ бы смѣшаны или соединены онѣ ни были между собой (т. е. какіе бы предметы онѣ ни образовывали) не могутъ иначе существовать какъ въ духѣ, который ихъ воспринимаетъ.“ Нѣтъ на малѣйшихъ основаній заключать о безусловномъ существованіи немыслящихъ вещей безъ какого бы то ни было отношенія къ ихъ воспринимаемости. Быть для вещи это быть воспринимаемой: esse—это percipi.

Но,—можетъ быть сдѣлано возраженіе,—заключать подобнымъ образомъ значитъ заключать, что міръ каждую минуту уничтожается и что онъ—пустая видимость. Если, „я“, воспринимающій субъектъ пересталъ въ данный моментъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ воспринимать вещи, послѣднія, слѣдовательно, перестаютъ существовать? Вовсе нѣтъ. Онѣ перестаютъ существовать лишь во мнѣ, конечномъ духѣ. Но я—не единственная имѣющаяся въ мірѣ духовная субстанція. „Такъ, когда я закрываю глаза, то вещи, которыя я видѣлъ, могутъ продолжать существовать, но только въ другомъ духѣ“.

Высшій духъ, Богъ, содержитъ въ себѣ прообразы вещей. Это онъ вызываетъ въ насъ идеи.

Всѣ наши идеи, ощущенія, понятія, вещи, нами воспринимаемыя—не активны. Они „косныя, мимолетныя, преходящія состоянія“. Идея не можетъ воздѣйствовать на другую идею, измѣнять послѣднюю, явиться причиною чего-нибудь. Съ природой нашего духа, дѣятельной, недѣлимой, не-

уничтожаемой субстанціи, ничего общаго они не имѣютъ. Духъ не творитъ ихъ извнутри себя. Они привносятся въ него волею всемогущаго Бога.

Такова іерархія основныхъ понятій системы Беркли. Соціально-экономическое истолкованіе ея сводится къ слѣдующему.

При изложеніи картезіанской доктрины мы уже говорили, какое классовое содержаніе имѣетъ формула: внѣ субъекта нѣтъ объектовъ. Теперь зависимость рабочихъ отъ капиталиста-организатора подчеркивается съ особой силой. Каждая вещь существуетъ лишь какъ воспринимаемая; если бы существовали вещи внѣ субъекта, это значило бы, что „Богъ, безъ всякаго основанія, создалъ безчисленное множество вещей, безполезныхъ и не служащихъ никакой цѣли“. Рабочія руки внѣ мануфактурнаго предпріятія—масса, не могущая ничего производить, никакими средствами къ существованію не располагающая.

Субъекту принадлежитъ все въ вещахъ, даже то, что до тѣхъ поръ считалось наиболѣе объективнымъ. Другими словами, руководитель предпріятія опредѣляетъ теперь рѣшительно всѣ детали труда рабочаго, не говоря уже о томъ, что спросъ на ту или иную квалификацію всецѣло относится къ области его организаторскихъ функцій.

Субъектъ воспринимаетъ Ивана, Петра, Якова только какъ извѣстные индивидуальные комплексы: рабочій персоналъ каждаго даннаго предпріятія въ каждый данный моментъ представляетъ изъ себя величину, отличную отъ рабочаго персонала, имѣющагося въ каждый другой моментъ. „Притяженіе и отталкиваніе рабочихъ должно производиться безъ всякихъ препятствій“: въ воспринимаемыхъ комплексахъ никакихъ рѣшительно абсолютныхъ элементовъ нѣтъ. Все—относительно.

Вещи не уничтожаются, если даже тотъ или иной субъектъ ихъ въ данную минуту не воспринимаетъ: извѣстная группа рабочихъ не перестаетъ служить капиталу, если даже подъ началомъ извѣстнаго организатора, въ извѣстной мастерской, въ извѣстномъ предпріятіи перестаетъ находить себѣ работу. Рабочіе иередвигаются изъ одной мастерской въ другую, изъ одного предпріятія въ другое. Иваны, Петры, Яковы, исчезнувъ съ поля „моего“ зрѣнія, продолжаютъ существовать, какъ воспринимаемые комплексы, но только комплексы другихъ „духовъ“.

Наконецъ, вопросъ о взаимоотношеніи между индивидуальными „духами“, вещами“ и Богомъ. Это отношеніе, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ дѣло съ идеологіей развитой мануфактуры. Правда, говоря о „субъектѣ“, объ индивидуальныхъ „духахъ“, Беркли почти все время распространяется по поводу ихъ „организаторскихъ“ функцій. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не забываетъ, что это—„промежуточныя“ организаторскія звенья и, какъ таковыя, должны быть отмѣчены чертами исполнительной психологіи. И онъ отказываетъ индивидуальнымъ „духамъ“ въ самостоятельности, въ *непосредственномъ* воздѣйствіи на организуемую массу. Его духи „извнутри себя“ идей не творятъ. Послѣднія даются имъ свыше. Съ другой стороны, организуемая масса никакого воздѣйствія на „духовъ“ оказывать ни можетъ. Отношеніе между названными элементами всецѣло опредѣляется волей верховной субстанціи. Нося воспринимаемыя вещи въ себѣ, духи связаны съ ними чисто внѣшнимъ образомъ, чисто механически.

VII.

Юмъ.

Цитаты изъ произведеній общепризнаннаго, яркаго защитника экономической политики мануфактуристовъ:

„Ни одно государство не должно бояться того, что его сосѣди настолько усовершенствуются во всѣхъ искусствахъ и мануфактурахъ, что ничего не станутъ покупать у него... Что происходитъ въ томъ случаѣ, когда нація обладаетъ какимъ-нибудь *спеціальнымъ* производствомъ, какимъ является, напримѣръ, производство суконъ въ Англіи? Не повредитъ ли намъ вмѣшательство сосѣдей въ эту область промышленности? Я отвѣчу, что если какой-нибудь продуктъ считается спеціальностью страны, то послѣдняя, несомнѣнно, обладаетъ какими-нибудь особенными естественными преимуществами для производства этого товара; и если она, не смотря на эти преимущества, теряетъ свою мануфактуру, то должна обвинять въ этомъ свою собственную лѣнь, или недостатки своего государственнаго устройства, но не промышленность своихъ сосѣдей. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что развитіе промышленной дѣятельности въ сосѣднихъ странахъ усиливаетъ потребленіе каждаго отдѣльнаго вида товаровъ и что, слѣдовательно, спросъ на спеціальный продуктъ можетъ постоянно держаться на одномъ и томъ же уровнѣ или даже усиливаться, не смотря на конкурренцію иностранной промышленности. Но если бы онъ уменьшился, слѣдуетъ ли считать это событіе столь пагуб-

нымъ? Если трудолюбіе сохранилось, то его *легко перенести изъ одной отрасли промышленности въ другую; напримѣръ, суконщики будутъ вырабатывать полотно, шелкъ, желѣзо или какой-нибудь другой товаръ,* на который будетъ существовать спросъ. Нечего опасаться, что всѣ отрасли человѣческой дѣятельности будутъ исчерпаны, и что нашимъ мануфактуристамъ, пока они останутся на одномъ уровнѣ съ мануфактуристами сосѣднихъ странъ будетъ грозить опасность остаться безъ работы... Конкуренція между соперничающими націями скорѣе служитъ къ поддержкѣ ихъ промышленной дѣятельности. Для народа выгоднѣе производитъ *различные продукты*, чѣмъ имѣть одну большую мануфактуру, которая занимаетъ всѣ руки".

Намѣчается, такимъ образомъ, теорія постояннаго измѣненія мануфактуръ. Доказывается взглядъ, согласно которому капиталъ ни съ какою спеціальной областью производства не связанъ. Выражаясь современнымъ моднымъ терминомъ, онъ эластиченъ—и эластиченъ при этомъ настолько, что не знаетъ также территоріальныхъ рамокъ и большая или меньшая степень бѣдности страны не служитъ непреодолимымъ препятствіемъ для его развитія. Нельзя утверждать, что „если исключить дурную политику и случайности, болѣе богатыя страны всегда будутъ стоять выше тѣхъ, которыя бѣдны. Богатая страна привлечетъ къ себѣ и сохранитъ всѣ мануфактуры, требующія большихъ капиталовъ или большой ловкости; но бѣдная отниметъ у нея всѣ тѣ производства, которыя проще... Мануфактурные продукты Лондона—сталь, кружева, шелкъ, книги, кареты, часы, мебель, наряды, но производство полотна и шерсти сосредоточивается въ провинціи".

Если какая-нибудь нація перегнала другую въ области торгово-промышленной дѣятельности, то побѣжденной націи бываетъ трудно вернуть потерянное „вслѣдствіе большаго трудолюбія и большей ловкости первой, а также вслѣдствіе того, что ея купцы обладаютъ большими капиталами и, слѣдовательно, могутъ довольствоваться сравнительно—меньшимъ барышемъ. Но эти преимущества до извѣстной степени уравновѣшиваются дешевизной труда у всякой націи, не обладающей ни обширной торговлей, ни большимъ количествомъ золота и серебра. Вслѣдствіе этого, мануфактуры мало-по-малу мѣняютъ свое мѣстопребываніе; онѣ покидаютъ страны и области, уже обогащенныя ими, и переселяются туда, куда ихъ привлекаетъ дешевизна жизненныхъ припасовъ и труда; обогативъ и эти мѣста, онѣ по тѣмъ же причинамъ снова переселяются."

Процессъ измѣненія, о которомъ говорила первая изъ приведенныхъ цитатъ, является частнымъ эпизодомъ процесса постояннаго международнаго передвиженія мануфактуры. Таковъ „естественный, обычный ходъ дѣлъ". Стоя на почвѣ подобнаго воззрѣнія, нашъ авторъ ведетъ борьбу противъ „меркантилизма", разрушаетъ вѣру въ то, будто богатство страны опредѣляется исключительно обиліемъ обращающихся въ ней денегъ, отрицаетъ за послѣдними „истинную", „абсолютную цѣнность", объявляетъ ихъ простыми условными знаками. Стоя на почвѣ подобнаго воззрѣнія, онъ анализируетъ ростъ и паденіе процента, выставляетъ желательнымъ лозунгомъ внутренней и внѣшней политики: „не мѣшать естественному ходу дѣлъ". Стоя на почвѣ подобнаго воззрѣнія, онъ наконецъ создаетъ философскую систему.

Экономическія произведенія Давида Юма *) весьма поучительный комментарій къ этой системѣ, болѣе того, вообще къ философскимъ системамъ мануфактурнаго періода. Юмъ даетъ важное свидѣтельское показаніе, какого мы не имѣемъ отъ другихъ, въ той или иной степени, родственныхъ ему философовъ. Родство же его со всѣми фигурировавшими въ предыдущихъ главахъ мыслителями, несомнѣнно. Но классовыя симпатіи послѣднихъ можно вскрыть, лишь установивши соотвѣтствіе между сочетаніями понятій, съ которыми они оперируютъ, и организаціей извѣстныхъ производственныхъ фактовъ. Юмъ прямо указываетъ на классовый родникъ своего философскаго творчества.

Въ основѣ экономическаго міросозерцанія Юма лежитъ, какъ мы отмѣтили, динамическая оцѣнка мануфактурнаго предпріятія. Мануфактурное предпріятіе есть нѣчто, слагающееся изъ вѣчно измѣнчивыхъ элементовъ, нѣчто, постоянно преобразующееся и переходящее съ мѣста на мѣсто. „Безличный характеръ верховнаго руководителя обозначается необыкновенно ярко: этому руководителю безразлично не только, что производить (сукно, бумагу или шелковыя ткани), но и какъ производить, съ какимъ рабочимъ персоналомъ. Сегодня трудъ лондонскаго высококвалифицированнаго рабочаго, завтра китайца „довольствующагося поденной платой въ три полупенса“ **) одинаково можетъ быть использованъ въ интересахъ успѣха мануфактурнаго производства.

Позиція философскаго скептицизма, занятая Юмомъ, отвѣчаетъ именно подобному представленію о капиталическомъ организмѣ.

---

*) Мы привели отрывки изъ нихъ по переводу М. О. Гершензона („Библ. эконом.“), стр. 83, 77, XX.

**) Ibid., стр. 78.

Все относительно. Мы не можемъ говорить ни о какихъ строго-постоянныхъ явленіяхъ и величинахъ. Нѣтъ никакой субстанціи, не только матеріальной, — какъ доказывалъ еще Беркли, — но и духовной. Правда, существуетъ божество, но божество это—высшая абстракція „безличнаго руководителя", освобожденнаго отъ своихъ „мелочныхъ заботъ". Оно слишкомъ далеко отъ міра. Богъ Юма — понятіе деистическое. Міръ, такъ сказать, предоставленъ самому себѣ. Правда, безусловно не отрицается и существованіе внѣшняго міра внѣ воспринимающей и мыслящей личности. Но что можно сказать о независимо отъ насъ существующей „матеріи"? только одно: въ основѣ внѣшняго міра лежатъ какія-то невѣдомыя силы", какое-т таинственное нѣчто.

„Между Беркли и Юмомъ нельзя не замѣтить огромнаго сходства. Для Беркли внѣшнее существованіе является чѣмъ-то совершенно непонятнымъ, даже безсмысленнымъ (такъ какъ мы вѣдь не имѣемъ ничего, кромѣ представленій, и представленія могутъ существовать только въ умѣ и могутъ быть только созданіемъ ума). Юмъ, если и признаетъ такое существованіе, то считаетъ его совершенно непостижимымъ и скорѣе даже не дѣйствительнымъ бытіемъ, а какою-то тѣнью. Для Беркли esse=percipi. Нѣчто подобное этому взгляду мы находимъ и у Юма". И Іодль, мнѣніе котораго мы привели *) цитируетъ слова Юма: „нѣтъ ни одного представленія и ни одного воспріятія изъ тѣхъ, которыя имѣются въ нашемъ сознаніи и въ нашемъ воспоминаніи, которое не было бы представляемо, какъ существующее. Но ясно, что

*) Фридрихъ Іодль: „Давидъ Юмъ" пер. А. А. Мейера, стр, 71.

представленіе о существованіи не можетъ быть получено ни изъ какого особаго воспріятія, которое сознавалось бы нами отчетливо на ряду съ другими объектами. Оно является не чѣмъ инымъ, какъ самимъ сознаніемъ воспріятія и представленія объекта. Просто думать о чемъ-нибудь и думать о чемъ-нибудь, какъ существующемъ,— это одно и то же. Все, что мы представляемъ, мы представляемъ, какъ существующее. Всякое образующееся у насъ представленіе есть представленіе о существующемъ".

Лондонскій квалифицированный рабочій можетъ быть завтра, при извѣстной ситуаціи съ успѣхомъ замѣненъ китайцемъ, довольствующимся поденною платой въ шесть полупенсовъ. Квалификація, опредѣленныя профессіональныя качества получаютъ, въ глазахъ мануфактуристовъ, относительное значеніе. Онѣ, такъ сказать, отвлекаются отъ личности рабочаго.

Капиталъ относитъ ихъ на счетъ свой организаторской воли,—наряду съ различными условіями, опредѣляющими и „регулирующими" процессъ работъ въ мастерскихъ. Соотвѣтственно этому, опять мы—какъ и въ философской системѣ Беркли—встрѣчаемся съ комплексами явленій, не характеризующихъ матеріи (по терминологіи Юма, таинственнаго „нѣчто"), какъ таковой.

Въ силу извѣстнаго инстинкта, мы вѣримъ въ наши чувства и заключаемъ о существованіи внѣшняго міра, который отъ нашего воспріятія не зависитъ и въ случаѣ гибели всѣхъ обладающихъ чувственностью существъ отнюдь не уничтожился бы. „Люди, слѣдуя этому могучему и слѣпому природному инстинкту, всегда считаютъ, что образы, добавляемые нами чувствами, и есть внѣшніе объекты, но не подозрѣваютъ, что первые не что

иное, какъ представленія вторыхъ". *) Мы убѣждены, что бѣлый столъ, находящійся въ данную минуту передъ нами, является чѣмъ-то внѣшнимъ по отношенію къ нашей душѣ. Но современные философы, заявляетъ Юмъ, не оспариваютъ того, что всѣ чувственныя качества—бѣлизна, твердость и пр. качества вторичныя и существуютъ не въ объектахъ: „они—наши представленія, не имѣющія соотвѣтствующаго внѣшняго архетипа или модели". То же самое слѣдуетъ сказать и о такъ называемыхъ первичныхъ качествахъ. Идею протяженія, напр., мы получаемъ исключительно изъ ощущеній осязанія и зрѣнія. Путемъ отвлеченія, абстрагированія, подобной первичной идеи создать мы не можемъ. „Протяженіе, недоступное ни зрѣнію, ни осязанію, не можетъ быть представлено; точно также недоступно человѣческому представленію такое протяженіе, которое было бы и осязаемо и видимо, но не было бы ни твердымъ, ни мягкимъ, ни чернымъ, ни бѣлымъ. Пусть кто-нибудь попробуетъ представлять себѣ треугольнымъ, который не будетъ ни рàвно,—ни разностороннимъ и стороны котораго не будутъ имѣть предѣльной длины, и также не будутъ стоять другъ къ другу въ отдѣльномъ отношеніи; это лицо вскорѣ убѣдится въ нелѣпости всѣхъ схоластическихъ понятій объ абстракціи и общихъ идеяхъ". Юмъ идетъ по пути, намѣченному Беркли, выдвигаетъ понятіе объ индивидуализированныхъ „комплексахъ". Не существуетъ человѣка вообще: существуетъ *или* Петръ *или* Иванъ *или* Яковъ. Не существуетъ для мануфактуры разъ навсегда опредѣленнаго типа рабочаго, „рабочаго вообще", а существуетъ *или* лондонскій квалифицированный рабочій *или* ки-

*) Давидъ Юмъ: „Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія", пер. С. И. Церетели, стр. 176.

таецъ, довольствующійся поденной платой въ шесть полупенсовъ.

„Лишите матерію всѣхъ ея представимыхъ качествъ и вы до нѣкоторой степени уничтожите ее, оставивъ только какое-то неизвѣстное *нѣчто*“... Противъ подобнаго понятія „не одинъ скептикъ не сочтетъ нужнымъ возражать“.

Объ этомъ пріемлемомъ для скептика „нѣчто“, объ этой преображенной матеріи, преображенномъ внѣшнемъ мірѣ мы ничего болѣе подробнаго не знаемъ. Единственно отношеніе причинности позволяетъ намъ приподнять нѣсколько завѣсу тайны, скрывающую названный міръ, пріобрѣсть нѣкоторую увѣренность въ его существованіи.

Мануфактура совершаетъ свое безостановочное путешествіе по національнымъ и міровой территоріямъ. Иванъ смѣняется Петромъ, Петръ—Яковымъ. Ни относительно Петра, ни относительно Ивана, ни относительно Якова мануфактуристы не могутъ сказать, что трудъ того или другого рѣшительно ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть ими утилизированъ. Возможны всевозможныя комбинаціи разныхъ рабочихъ силъ. Возможно, что китаецъ, довольствующійся поденной платой въ шесть полупенсовъ или какой-нибудь другой малоквалифицированный рабочій окажутся болѣе вѣрнымъ источникомъ капиталистической прибыли, чѣмъ представители высококвалифицированнаго труда. Все дѣло въ коньюнктурѣ даннаго момента.

Между факторами, на первый взглядъ, исключающими всякую мысль о возможности ихъ сочетанія, можетъ быть установлена тѣсная связь, тѣсное взаимодѣйствіе. Самыя незначительныя данныя производства могутъ привести къ самымъ крупнымъ результатамъ. Гора можетъ родить мышь и мышь—гору.—Вотъ общая соціально-экономиче-

ская подоплека знаменитыхъ разсужденій Юма о причинности.

Ходъ послѣднихъ таковъ.

Знанія отношенія причинности нельзя достичь путемъ апріорнаго мышленія. Человѣкъ, обладающій какими угодно геніальными умственными дарованіями, не въ состояніи открыть причинъ или дѣйствій наблюдаемаго имъ единичнаго объекта. Пусть сила разума Адама была совершенна: отсюда не слѣдуетъ, чтобы Адамъ могъ заключать отъ прозрачности и текучести воды о возможности въ ней захлебнуться. „Ни одинъ объектъ ни проявляетъ въ своихъ доступныхъ чувствамъ качествахъ ни причинъ, его породившихъ, ни дѣйствій, которыя онъ произведетъ. Если бы намъ показали какой-нибудь объектъ и предложили высказать свое мнѣніе относительно дѣйствія, которое онъ произведетъ, — какимъ образомъ, скажутъ намъ, должны были бы мы дѣйствовать въ такомъ случаѣ? Наше заключеніе было бы вполнѣ произвольнымъ“. Да, вполнѣ произвольнымъ, съ точки зрѣнія послѣдовательнаго мануфактуриста, на основаніи профессіональныхъ качествъ какого-нибудь опредѣленнаго быта рабочихъ строить выводъ о о томъ „дѣйствіи“, которое неминуемо должно получится для мануфактуры, если послѣдняя взумаетъ ввести означенныхъ рабочихъ въ свои мастерскія. И китаецъ можетъ принести мануфактурѣ золотыя горы. Принимая во вниманіе только его профессіональныя качества, принципіально отвергать всякую возможность примѣненія его труда— это „схоластика, это абстракція!“ Вѣдь дѣйствіе *совершенно отлично отъ причины* и въ силу этого никогда не можетъ быть открыто въ ней“.

Билліардный шаръ катится по прямой линіи къ другому шару. Я размышляю о дѣйствіи, которое

первый долженъ оказать на другого. Развѣ я не могу представить себѣ въ данномъ случаѣ сотни различныхъ комбинацій, одинаково возможныхъ? Оба шара могутъ, столкнувшись, остаться въ состояніи обсолютнаго покоя. Первый шаръ можетъ отскочить отъ второго въ обратномъ или какомъ угодно направленіи, по прямой или какой угодно линіи. Всѣ мои предположенія, поскольку я исхожу изъ наличности воспринимаемыхъ мною качествъ объекта, имѣютъ свой reuson d'etre. И, a priori разсуждая, я не могу сдѣлать сколько-нибудь обоснованнаго выбора между различными моими предположеніями. Самыя смѣлыя изъ нихъ, въ данномъ случаѣ, являются одинаково основательными.

Схоластикѣ и обстракціи долженъ быть противопоставленъ опытъ. Наблюдая впервые передачу движенія посредствомъ толчка (напр., случай съ *билліардными шарами*), единственное, что мы можемъ сказать—это то, что намъ дается извѣстное *соединеніе* явленій. Но о *связи* явленій мы можемъ говорить лишь тогда, когда изъ неднократнаго опыта убѣдимся въ постоянномъ чередованіи, постоянной послѣдовательности ихъ.

Однако и опытъ не даетъ намъ познанія отношенія причинности, не вскрываетъ сущности связи между явленіями подмѣченными нами. Развѣ тогда, когда мы путемъ ряда наблюденій, констатировали эту связь, въ высшемъ мірѣ произошло какое-либо измѣненіе, подсказавшее намъ идею связи? Ровно никакого. Мы лишь чувствуемъ эту связь въ нашемъ воображеніи, мы лишь можемъ при наличности извѣстнаго явленія предсказывать, слѣдствія, обычно сопровождающія его. „Итакъ, когда мы говоримъ, что одинъ объектъ связанъ съ другимъ, мы *только* подразумѣваемъ подъ этимъ, что они *пріобрѣли связь въ нашихъ мысляхъ* и

что они даютъ поводъ къ заключенію, въ силу котораго каждое изъ нихъ является доказательствомъ существованія другого—заключенію, нѣсколько необычайному, но повидимому, достаточно обоснованному". „Повидимому", ибо опять-таки абсолютной увѣренности въ постоянствѣ подмѣченной нами связи мы имѣть не можемъ. Если каждыя сутки солнце заходитъ, смѣняется тьмой, нельзя утверждать, что такой порядокъ явленій вѣчный и незыблемый. Можетъ случится, что въ одинъ прекрасный день закатъ солнца не воспослѣдуетъ или закатъ солнца не обусловитъ собою наступленія тьмы... Пусть длиннымъ рядомъ опытовъ будетъ доказано, что трудъ рабочихъ извѣстной квалификаціи дастъ для мануфактуристовъ одни и тѣже строго опредѣленные результаты, все же никакого вѣчнаго, абсолютнаго закона тутъ нѣтъ. Извѣстная степень производительности или непроизводительности, прибыльности или убыточности, получающаяся при примѣненіи труда рабочихъ опредѣленной квалификаціи, можетъ быть строго установлена для данной коньюнктуры не только національнаго, но и мірового рынка. Но мануфактура—вѣчный „путешественникъ" и вѣчно измѣняющаяся величина. Правда, принимая во вниманія и всѣ ея наличныя, совершающіяся въ данный моментъ измѣненія и всѣ измѣненія возможныя въ болѣе или менѣе ближайшемъ или отдаленномъ будущемъ, означенная оцѣнка квалификаціи можетъ считаться имѣющей обязательную цѣнность; но „эластичности" промышленнаго капитала, какъ доказываетъ Юмъ, въ сущности нѣтъ границъ. И нѣтъ ничего не возможнаго въ томъ, что существующая коньюнктура измѣнится кореннымъ образомъ, что существующій порядокъ слѣдованія явленій — зависимость извѣстной прибыльности

предпріятій отъ утилизаціи труда рабочихъ опредѣленной выучки и ловкости будутъ нарушены.

Связь между объектами имѣетъ лишь субъективное значеніе, дается лишь въ воспринимающемъ и мыслящемъ субъектѣ.

При этомъ Bestimmungsgrund'омъ, „опредѣляющимъ основаніемъ“ является *привычка*. „Предположимъ, что человѣкъ... прожилъ на свѣтѣ достаточно долго для того, чтобъ замѣтить, что сходные объекты или явленія постоянно связываются другъ съ другомъ: каковъ-же результатъ этого опыта? Человѣкъ начинаетъ тотчасъ же заключать о существованіи одного объекта при появленіи второго; однако, весь его опыть не далъ ему идеи или знанія той скрытой силы, съ помощью которой одинъ объектъ производитъ другой, и онъ не принуждается къ выводу этого заключенія какимъ-либо процессомъ разсужденія... Существуетъ какой-то *принципъ*, заставляющій его приходить къ данному заключенію. *Принципъ этотъ есть привычка, или навыкъ*.“ Привычка наблюдать связанными два какихъ-либо явленія принуждаетъ насъ ожидать наступленія одного, когда второе уже имѣется на лицо. *Она—организующее начало* „привычка есть великій *руководитель* человѣческой жизни“ (ibid., стр. 48); она—„столь необходима для существованія нашего рода и *регулированія* нашего поведенія при всякихъ обстоятельствахъ и случайностяхъ человѣческой жизни“ (стр. 60).

За него утверждается приматъ надъ другимъ организующимъ началомъ—надъ умомъ. Умъ человѣческій слабъ, ограниченъ, подверженъ возможнымъ ошибкамъ и заблужденіямъ. И „мудрая природа“ ввѣрила заботу о сохраненіи человѣческаго существованія не ему, а „инстинкту, или механическому стремленію, непогрѣшимому въ своихъ

дѣйствіяхъ, могущему обнаруживаться при первомъ же проявленіи жизни и мысли и независимому отъ всѣхъ вымученныхъ дедукцій разумѣнія".

Намѣчается, такимъ образомъ, вопросъ о соотношеніи организаторскихъ звеньевъ.

Мануфактура, апологетомъ который выступаетъ Юмъ, есть предпріятіе, достигшее высокой централизаціи своихъ составныхъ элементовъ и факторовъ. И если авторъ „Трактата о человѣческой природѣ" и „Изслѣдованія человѣческаго разумѣнія" своимъ ученіемъ о субъективной цѣнности матеріала, доставляемаго намъ воспріятіями внѣшняго міра, подчеркнулъ степень зависимости „низшихъ пластовъ" мастерской отъ капитала, то, равнымъ образомъ онъ не могъ обойти молчаніемъ и вопроса о степени подчиненности и промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ. И, дѣйствительно, онъ высказывается по данному вопросу съ большой опредѣленностью. Подобно теоретику развитыхъ формъ голландскаго капитализма, защитникъ англійскихъ мануфактуристовъ отрицаетъ за бывшими „посредниками" послѣднюю тѣнь самостоятельности. Какъ нѣтъ матеріальной субстанціи, такъ нѣтъ и субстанціи духовной. Душа—не что иное, какъ комплексъ извѣстныхъ явленій, лишенныхъ какого бы то ни было „носителя". Помимо простой суммы впечатлѣній и идей ничего нельзя найти въ „личности", въ томъ, что принято называть „я", Промежуточные организаторы организованы іерархически. Ихъ функціи дифференцированы. Мало того, капиталъ производитъ въ ихъ рядахъ постоянныя измѣненія. И Юмъ учитъ: ни одинъ элементъ психической жизни ни на одну минуту не остается въ статическомъ положеніи. Общее между различными элементами души — одно: всѣ они элементы „организующіе".

Что касается ихъ отношенія къ организуемой матеріи, къ тѣлу, то Юмъ опредѣляетъ это отношеніе, какъ связь глубоко таинственную: „есть ли въ природѣ принципъ болѣе таинственный, нежели связь души и тѣла, принципъ, благодаря которому предполагаемая духовная субстанція пріобрѣтаетъ надъ матеріальной такое вліяніе, что самая утонченная мысль можетъ дѣйствовать на самую грубую матерію?“ „Движеніе нашего тѣла слѣдуетъ за поведѣніемъ нашей воли—это мы сознаемъ ежеминутно, но средствъ съ помощью которыхъ это происходитъ, энергіи, благодаря которой воля производитъ столь необычайное дѣйствіе—мы не только не сознаемъ непосредственно, но они и всегда будутъ ускользать отъ самого тщательнаго изслѣдованія“. Это — частный случай отношенія причинности.

Таинственный характеръ носитъ, какъ мы выясняли выше, и соотвѣтствіе между явленіями природы и теченіемъ процессовъ нашего мышленія. Опять выдвигается на сцену *параллелизмъ* двухъ рядовъ явленій,—постоянная злободневная тема „мануфактурной“ философіи. Обсуждая эту тему, Юмъ высказывается не въ духѣ окказіоналисткаго рѣшенія. Какъ и Лейбницъ, онъ находитъ, что предположить вмѣшательство божественной воли „по каждому отдѣльному поводу значитъ противорѣчить идеѣ о совершенствѣ Бога, идеѣ, которую онъ защищаетъ (ibid., стр. 77—78). И онъ опредѣляетъ означенное соотвѣтствіе, означенный параллелизмъ, какъ своего рода предустановленную гармонію: „существуетъ нѣчто *вродѣ предустановленной гармоніи* между порядкомъ природы и слѣдованіемъ нашихъ идей, и хотя силы, управляющія первымъ, намъ совершенно неизвѣстны, тѣмъ не менѣе наши мысли и представленія,

какъ мы видимъ, слѣдуютъ одному порядку съ другими созданіями природы". Согласно мнѣнію Лейбница, подобное соотвѣтствіе имѣетъ своимъ источникомъ Бога. Юмъ, повторяемъ, какъ истинный идеологъ капиталистическаго класса, идеи верховнаго руководителя и организатора всего существующаго не отрицаетъ. Но его верховный руководитель и организаторъ „безличенъ" еще въ большей степени, чѣмъ верховный руководитель и организаторъ, фигурирующій въ системѣ Лейбница (не забудьте, что капиталъ, интересы котораго „оправдываетъ" Юмъ, куда эластичнѣе, чѣмъ германская мануфактура XVIII в.). Правда, міръ созданъ и устроенъ Богомъ, но Богъ Юма слишкомъ далекъ отъ міра, съ его „грубой" и „неразумной" матеріей и несубстанціональными душами. Въ своемъ распоряженіи „верховный руководитель" имѣетъ слишкомъ много посредствующихъ организаторскихъ силъ. И первая изъ нихъ, настоящій намѣстникъ Бога на землѣ—всемогучая хранительница рода человѣческаго—привычка.

VIII.

Кантъ.

Если стать на „чисто логическую“ точку зрѣнія, то дальнѣйшимъ шагомъ по пути развитія взглядовъ, высканныхъ Беркли и Юмомъ, должна была явиться система, которая принципъ „πάντα ῥεῖ, все течетъ, все измѣняется, все относительно“ обосновывала бы въ болѣе категорической, болѣе безусловной формѣ,—другими словами, которая бы устранила изъ списка своихъ философскихъ понятій понятіе о потустороннемъ субстратѣ міра и сверхчувственной „сущности“ явленій (о таинственномъ „нѣчто“). Исторія философіи, дѣйствительно, знаетъ подобную систему, точнѣе, даже нѣсколько варіацій послѣдней, но... „чистая логика“ не отвѣчаетъ „объективной логикѣ фактовъ“. Исправленіе и реставрація взглядовъ Беркли и Юма имѣли мѣсто въ новѣйшее время. А рѣшительнымъ словомъ „мануфактурной“ философіи слѣдуетъ считать доктрину, не только не сдѣлавшую вышеозначеннаго шага, а, напротивъ, нѣсколько вернувшую философію назадъ.

Организація мануфактуръ, продиктовавшая Юму его міросозерцаніе, была типомъ предпріятій, уже стоявшихъ на рубежѣ новой технико-хозяйственной эры. Въ своихъ экономическихъ опытахъ Юмъ противопоставляетъ *ручную* технику техникѣ крупнаго производства, примѣнявшаго болѣе или менѣе усовершенствованныя орудія. Такое противопоставленіе не являлось типичнымъ для противопоставленія мелкаго, цехового, ремесленнаго производства и мануфактуры.

Классическая мануфактурная организація знаетъ методы преимущественно ручной техники. Въ рамкахъ этой организаціи усовершенствованныя орудія, машины лишь медленно завоевываютъ себѣ права гражданства. XVIII вѣкъ—вѣкъ постепеннаго накопленія изобрѣтеній въ области промышленной техники, накопленія, завершившагося настоящей революціей—открытіемъ парового двигателя.

Хотя въ ту минуту, когда Юмъ создавалъ свою философскую систему, промышленность еще не была революціонизирована, однако роль орудій крупнаго производства начала уже настолько обозначаться, что наиболѣе проницательные наблюдатели (въ томъ числѣ и Юмъ) не могли ее игнорировать. А усовершенствованіе орудій, какъ извѣстно, имѣло своимъ слѣдствіемъ постепенно развивавшійся процессъ, уравненія техническихъ пріемовъ. Детализація профессіи мало-по-малу теряла почву подъ ногами; капиталъ становился все эластичнѣе и эластичнѣе. Вмѣстѣ съ этимъ должны были изживать себя тѣ формы идеологіи, которыя обусловливались внутреннимъ строеніемъ хозяйственныхъ организацій, опиравшихся на базисъ детализированнаго труда. Міровоззрѣніе Юма указываетъ на то, что названный базисъ былъ уже нѣсколько расшатанъ. Такъ именно обстояло дѣло въ Англіи.

Иное дѣло Германія, гдѣ произнесено было „рѣшительное слово“ мануфактурной философіи. Тамъ преобладала еще мануфактура классическаго типа.

„Несчастная *страсть* къ схематическимъ построеніямъ“, которой страдалъ кенигсбергскій мыслитель и которую нынѣ единодушно осуждаютъ его поклонники и комментаторы, вытекаетъ именно изъ названнаго обстоятельства. Каждая изъ фи-

лософскихъ системъ, разсмотрѣнныхъ нами, содержитъ въ себѣ описаніе ряда организуемыхъ и организаторскихъ звеньевъ и функцій, но столь *подробнаго описанія* этихъ звеньевъ и функцій, какое сдѣлалъ Кантъ, ни въ одной изъ системъ мы не находимъ. Собственно новаго въ оцѣнкѣ той или другой функціи, въ опредѣленіи мѣста, которое то или другое звено занимаетъ въ общей цѣпи, Кантъ далъ сравнительно немного. Его предшественники частями намѣтили предложенную имъ постановку вопросовъ.

Такъ, о субъективномъ (т. е. организаторскомъ) характерѣ чувственныхъ качествъ училъ еще Декартъ. Тотъ же Декартъ доказывалъ, что организаторской функціей слѣдуетъ считать *время*. На счетъ организаторскихъ функцій отнесено было, какъ извѣстно, и пространство—Клойнскимъ епископомъ. Но Кантъ ставитъ точку надъ *і*. Онъ ясными и отчетливыми штрихами обрисовываетъ лѣстницу исполнительскихъ и руководительскихъ постовъ, начиная съ ея верховъ и кончая низами, стараясь не упустить изъ виду ни одной ступени,—шагъ за шагомъ отъ низшихъ проявленій внутренней жизни субъекта, отъ чувственной интуаціи „восходитъ“ къ наиболѣе „чистымъ“, наиболѣе „свободнымъ“ актамъ нашего „я“.

Время и пространство—формы чувственнаго воззрѣнія, категоріи—формы нашего разсудка, идеи—формы чистаго разума: вся рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же—о *формирующихъ, т. е. организующихъ началахъ*. И вся „Критика чистаго разума“ есть не что иное, какъ ученіе о томъ, съ помощью сколь многоразличныхъ, расположенныхъ въ послѣдовательномъ, іерархическомъ порядкѣ, организаторскихъ инстанцій субъектъ превращаетъ хаосъ внѣшняго міра въ нѣчто цѣльное и строй-

ное. Картина сложной организаціи мануфактурныхъ мастерскихъ воспроизводится въ деталяхъ.

Но мы не будемъ на этихъ деталяхъ останавливаться, не будемъ къ каждому изъ организующихъ звеньевъ подыскивать соотвѣтствовавшій ему факторъ производства. Это могло бы послужить предметомъ весьма интереснаго, но спеціальнаго изслѣдованія. Здѣсь же мы ограничимся указаніями самаго общаго характера.

Задача, которую мы все время преслѣдовали,— вскрывать, какъ взаимоотношеніе трехъ главныхъ группъ, участвующихъ въ производствѣ, отражается въ порядкѣ и связи понятій, составляющихъ достояніе той или иной философской системы. И въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ вопросъ: какъ авторъ философской системы, на своемъ своеобразномъ языкѣ, передалъ противоположность позицій рабочихъ, исполнительски— организаторскаго персонала и главныхъ руководителей капиталистическихъ предпріятій.

И такъ, прежде всего, какую роль въ кантовской системѣ играетъ „матерія“, „внѣшній міръ“. Она существуютъ и, по увѣренію Канта, существуетъ не только въ субъектѣ, но и внѣ его. Опытъ признается необходимой предпосылкой нашего познанія. „Всякое познаніе начинается съ опыта“. Но и только: дальше простого констатированія самаго факта существованія внѣшняго міра за предѣлами нашего „я“, самаго факта наличности опыта Кантъ не идетъ. „Матерія“ привлекаетъ къ себѣ вниманіе Канта лишь постольку, поскольку она является организуемой массой. При этомъ оказывается, что, помимо способности быть организуемой, никакими способностями и качествами она, въ сущности, не обладаетъ. Даже понятіе причинной связи никакъ изъ опыта нельзя вывести.

Чтобы какой-либо опытъ былъ возможенъ, требуется, въ качествѣ предварительнаго даннаго, извѣстная психическая организація, извѣстное организующее начало. Таковъ общій тезисъ. А, въ частности, отношеніе причинности — одно изъ проявленій этого начала, одна изъ его функцій.

Утверждается (беремъ общій тезисъ) ясная и простая истина: чтобъ предпріятіе могло существовать, долженъ существовать предприниматель— организаторъ, который бы его вызвалъ къ жизни. Тогда какъ реальный смыслъ перваго упомянутаго нами „необходимаго“ условія познанія таковы: чтобы предпріятіе могло существовать, должны существовать и рабочіе. Но какіе рабочіе? какого-нибудь опредѣленнаго типа квалификаціи? Отнюдь нѣтъ. Они должны существовать, какъ индивидуальныя явленія. Сегодня для выполненія трудовыхъ процессовъ требуются Иваны, завтра Петры, послѣзавтра Яковы. Квалификація и профессія рабочаго персонала для капитала безразличны. Кантъ, въ данномъ отношеніи, становится временами на почву почти безусловнаго релятивизма. Здѣсь онъ выступаетъ уже какъ истолкователь новыхъ вѣяній, намѣтившихся въ промышленномъ мірѣ и договаривается до формулы: „явленія суть простыя представленія, помимо существованія въ насъ нигдѣ не существующія“. Предметы, вещи обращаются, такимъ образомъ, какъ и у Беркли и Юма въ комплексы извѣстныхъ воспріятій. Субстанціональность матеріи рѣшительно отвергается. Но, въ противоположность комплексамъ, съ которыми мы встрѣчались въ системахъ Беркса и Юма, кантовыя комплекты носятъ болѣе статическій, болѣе устойчивый характеръ. Моменты ихъ измѣненій подчеркиваются Кантомъ менѣе ярко. Это

вполнѣ понятно: измѣненія внутренней организаціи мануфактурныхъ предпріятій въ Германіи совершались болѣе медленнымъ темпомъ, чѣмъ въ Англіи.

И, въ общемъ, взглядъ Канта на міръ феноменовъ, какъ извѣстно, не отличается прямолинейностью и выдержанностью. Кое-что отъ „наивнаго реализма“ противопоставленный послѣднему „критицизмъ“ сохранилъ. Кантъ отказывается дать какое-либо *опредѣленіе* реальности, но *наличность* послѣдней все-таки *устанавливаетъ*. За порогомъ нашей чувственности все-таки имѣется нѣчто умопостигаемое, нѣчто интеллигибельное—міръ „вещей въ себѣ“. „Вещи въ себѣ“ играютъ въ системѣ Канта роль извѣстнаго *предѣла*, ограничивающаго субъективизмъ нашего познанія.

Теперь вопросъ объ организаторскихъ звеньяхъ. Каково понятіе Канта о душѣ? о субъектѣ? Существуетъ ли душа или субъектъ, какъ носитель извѣстныхъ способностей и качествъ, какъ субстанція? Рѣшеніе предлагается опять въ *феноменалистическомъ* духѣ, т. е. Кантъ заявляетъ, что никакому опредѣленію понятіе души не подлежитъ; мы можемъ говорить съ опредѣленностью лишь о комплексѣ психическихъ силъ. Но этимъ понятіе души, по кантовской терминологіи, идея души не упраздняется. Мы не можемъ ее познать, но можемъ и должны установить идею ея, какъ извѣстное формальное начало. Она позволяетъ намъ ставить тѣ или иныя проблемы, даетъ намъ извѣстныя правила. Она есть сверхъестественный, интеллигибельный центръ нашей внутренней дѣятельности и нашего внутренняго творчества. — Подобно тому, какъ для мануфактурнаго производства рабочій персоналъ не можетъ представлять изъ себя никакой постоянной, разъ навсегда опре-

дѣленной величины, точно также и организаторскія коллегіи составляются изъ элементовъ перемѣнныхъ. Капиталъ эластиченъ. Но поскольку эластичность нѣмецкаго мануфактурнаго капитала въ XVIII ст. не велика и, поскольку подчиненныя организаторскія звенья разсматриваются именно какъ звенья организаторскія, а не исполнительскія, постольку идеологъ нѣмецкой буржуазіи находитъ возможнымъ защищать статическое представленіе о душѣ.

А заключительное звено организаторской цѣпи? И его существованіе косвеннымъ путемъ констатируется. Правда, опять-таки мы имѣемъ „форму“, имѣемъ идею чистаго разума. Но эта идея необходима: она сообщаетъ всему мірозданію высшее единство. И если опредѣлить, что такое Богъ, доказать, помощью находящихся въ нашемъ распоряженіи познавательныхъ средствъ, его существованіе мы лишены возможности, то, съ другой стороны, нельзя доказать факта его небытія... Позиція получается такимъ образомъ двойственная.

И такова именно общая позиція, занятая Кантомъ. Но двойственность эта не мѣшала и не мѣшаетъ идеологамъ опредѣленныхъ группъ буржуазіи считать его философскую систему наиболѣе совершенной и наиболѣе грандіозной изъ всѣхъ системъ, созданныхъ на протяженіи исторіи философіи. Дѣйствительно, главнѣйшія проблемы мануфактурнаго мышленія въ ней подчеркнуты необыкновенно ярко: это — проблемы о строгой соразмѣрности, согласованности, іерархій частей организованнаго цѣлаго, о „внутреннемъ факторѣ“ — силѣ, заложенной въ основѣ организма и дирижирующей имъ.

IX.

Фихте, Шеллингъ, Гегель.

На сцену выдвигаются опять „внутреннія противорѣчія“, рѣшающія, согласно традиціонному взгляду, судьбу философскихъ системъ. Ученіе Канта признается неудовлетворительнымъ—не достаточно послѣдовательнымъ и прямолинейнымъ.

„Въ системѣ его не находили цѣлостнаго понятія замкнутаго единства; полагали, что своимъ анализомъ и расчлененіемъ онъ нарушилъ живую связь духа, и поэтому искали теперь такихъ идей, которыя бы способны были обнять собою сполна—и притомъ по возможности сразу—все содержаніе духовной жизни... Уже съ чисто научной точки зрѣнія критическую философію считали неудовлетворительной, разъ не всѣ принципы ея могутъ быть выведены изъ одного абсолютнаго принципа. Обстоятельство, воспрепятствовавшее Канту придать такую формальную законченность его философской системѣ, усматривали въ сдѣланномъ имъ допущеніи, что познаніе всегда постулируетъ извѣстное нѣчто, лежащее за предѣлами его самого, такое нѣчто, къ которому мы никакъ не можемъ подойти ближе, но которое, напротивъ того, отъ насъ ускользаетъ—это вещь въ себѣ. А такое допущеніе и привело къ самопротиворѣчію въ философіи Канта и находилось, кромѣ того, въ связи съ ничѣмъ необоснованнымъ различіемъ, которое онъ полагалъ между содержаніемъ и формой познанія“ *).

*) „Исторія новѣйшей философіи“. Г. Геффдинга, (изд. редакц. „Образованіе“), стр. 115.

Возникаютъ системы такъ назыв. объективнаго идеализма. Дуализмъ духа и „вещи въ себѣ“, формы и содержанія познанія „преодолѣвается“: вводится понятіе *абсолюта*, который обуславливаетъ собою *всѣ* противорѣчія и *все* многообразіе явленій духовной и міровой жизни.

Правда, при объясненіи генезиса названныхъ системъ, цитированный нами авторъ, не довольствуется простымъ указаніемъ на „внутреннія противорѣчія“ кантовской доктрины, какъ на факторъ, опредѣляющій развитіе послѣкантовской философіи. Онъ въ данномъ случаѣ идетъ нѣсколько дальше цеховыхъ спеціалистовъ по части „обзоровъ“ философскихъ движеній и пытается связать ученіе новой школы мыслителей съ исторической средой, съ тѣми „мотивами, которыя вообще присущи были духу, потребностямъ и направленію цѣлой эпохи“. Онъ находитъ, что широкій розмахъ, „смѣлость“ обобщеній характеризующіе объективныхъ идеалистовъ или, какъ онъ предпочитаетъ ихъ называть, „романтиковъ“, вытекаютъ изъ революціонныхъ теченіи конца XVIII ст. „Конецъ XVIII столѣтія былъ временемъ могучаго движенія. Французская революція возбудила умы. Она ниспровергла все, что держалось прочно до тѣхъ поръ, и захотѣла перестроить на новой почвѣ все человѣческое общество. Даже тамъ, гдѣ ея практическіе идеалы и выводы не получили признанія, они все-таки внушали *свое стремленіе къ абсолютнымъ точкамъ зрѣнія*, къ проведенію *безъ оглядки* разъ выставленныхъ принциповъ. Столь часто примѣнявшееся сравненіе спекулятивнаго движенія въ Германіи съ современнымъ ему революціоннымъ движеніемъ во Франціи — болѣе чѣмъ простая аналогія“ *).

*) Ibid., стр. 116 (курсивъ нашъ).

Безспорно, объективные идеалисты проявили немало смѣлости въ средѣ спекулятивныхъ построеній. Безспорно, нѣчто общее между французскимъ революціоннымъ движеніемъ конца XVIII ст. и нѣмецкимъ философскимъ движеніемъ начала XIX стол. имѣется. Но только это „общее“ отнюдь не позволяетъ проводить никакихъ рискованныхъ параллелей. Оно сводится къ тому, что оба означенныя движенія—симптомы развитія промышленной, капиталистической буржуазіи: далѣе идутъ различія. Стремленіе объективныхъ идеалистовъ къ абсолютнымъ точкамъ зрѣнія какъ разъ ничего общаго съ революціоннымъ темпераментомъ и революціонными начинаніями французской буржуазіи не имѣетъ. Французская буржуазія ставила своей задачей рѣшительную борьбу противъ опеки государства надъ промышленностью, противъ промышленной регламентаціи, установленной старымъ режимомъ. Если раньше, при своихъ первыхъ дебютахъ, французская мануфактура мирно уживалась съ автократической монархіей, не только не протестовала противъ попечительныхъ мѣропріятій со стороны послѣдней, но даже находила ихъ весьма желательными для себя, то теперь французскій капиталъ достигъ значительной степени устойчивости и эластичности, и вмѣшательство со стороны правительства въ его дѣла онъ считалъ уже слишкомъ тяжелымъ бременемъ. Еще физіократы, какъ извѣстно, провозгласили принципъ: „руки прочь!“ „laissez faire!“ Нѣмецкій капиталъ, идеологами котораго выступаютъ объективные идеалисты, напротивъ, исповѣдовалъ еще вѣру въ спасительное дѣйствіе правительственной опеки.

О реакціонномъ, а вовсе не революціонномъ характерѣ экономическихъ идеаловъ „романтиковъ“

свидѣтельствуетъ политико-экономическій трактатъ одного изъ нихъ. Въ своемъ „Закрытомъ торговомъ государствѣ“ Фихте Старшій доказываетъ необходимость самой строгой, чисто цеховой регламентаціи промышленности.

Правительство образцоваго, по терминологіи Фихте „разумнаго“ государства (Vernunftstaat) не должно допускать, чтобы кто-нибудь изъ его „подданныхъ“ занимался тѣмъ или инымъ производствомъ, не выдержавши предварительнаго испытанія, не удостовѣривши правительственныхъ агентовъ въ своемъ профессіональномъ умѣньи и ловкости. Подобнаго рода требованіе является въ наши дни типичнымъ для Mittelstund'a, мелкой буржуазіи, буржуазіи ремесленниковъ, надѣющейся путемъ созданія искусственныхъ преградъ остановить побѣдоносное шествіе крупнаго капитала и спасти себя, такимъ образомъ, отъ неминуемой гибели. То же требованіе предъявляла къ государству, какъ явствуетъ изъ трактата Фихте, нѣмецкая „фабрика“ (Fabrike), точнѣе мануфактура начала XIX вѣка.

Обыкновенно, при описаніяхъ промышленной „эволюціи“, упускается изъ виду или не оттѣняется должнымъ образомъ одинъ важный моментъ, который, между тѣмъ, даетъ ключъ къ уясненію вопроса о причинахъ общественной и политической реакціи, наступившей въ Западной Европѣ послѣ періода Великой Французской революціи. *Это моментъ упорной борьбы мануфактуры съ нарождающимся машиннымъ производствомъ, съ фабрикой*, въ точномъ смыслѣ послѣдняго термина. Исторія экономики не знаетъ такихъ случаевъ когда какая-либо форма производства уступила бы мѣсто другой безъ предварительнаго, болѣе или менѣе длительнаго и ожесточеннаго поединка.

Мануфактура исключенія изъ общаго правила не составила. Послѣдовательное введеніе машиннаго инвентаря въ обиходъ капиталистическихъ, предпріятій, совершавшееся, начиная съ конца XVIII в., сопровождалось постепенно усиливавшимся противодѣйствіемъ со стороны вытѣсняемыхъ производственныхъ формъ. Мануфактура, игравшая до тѣхъ поръ роль прогрессивнаго экономическаго фактора мало-по-малу становится носительницей реакціонныхъ тенденцій. И *она именно* создаетъ почву для „поворота назадъ", наблюдавшагося въ соціальной и политической жизни Европы.

Истолкователи мануфактурнаго міровоззрѣнія требуютъ проведенія принципа „закрытыхъ дверей" въ области какъ внутренней, такъ и внѣшней экономической политики. Машина нивеллируетъ трудовые процессы, постепенно уничтожаетъ систему детальной дифференціаціи исполнительскихъ постовъ, замѣняя квалифицированный трудъ всюду трудомъ малоквалифицированнымъ или неквалифицированнымъ. „Полная свобода труда! полная свобода рабочаго договора!" раздастся вскорѣ лозунгъ новослагающейся капиталистической организаціи. Ограниченіе свободы заниматься любымъ производствомъ, регламентація производственной дѣятельности — вотъ „первыя основанія", first principles платформы мануфактуристовъ, пытающихся продлить дни своей промышленной диктатуры.

Число рабочихъ каждой профессіи должно быть ограничено! „Оно (государство) должно не только опредѣлять численность вообще всего сословія обрабатывающихъ, но и численность тѣхъ, кто посвящаетъ себя какой-нибудь особой отрасли искусства (профессіи)" *).

*) I. G. Fichte: „Der geschlossene Handelstaht" (изд. Reklam'a стр. 24).

Границы каждаго государства должны быть совершенно закрыты для торговцевъ—иностранцевъ. „Aller Verkehr mit dem Ausländer muss den Unterthanen verboten sein und unmöglich gemacht werden“ (всякое сношеніе съ иностранцемъ требуется запретить и сдѣлать невозможнымъ для подданныхъ) *)

Итакъ полное устраненіе конкуренціи, царящей въ промышленномъ мірѣ! Современный автору цитируемаго трактата міръ превратился въ единое, громадное торговое государство: въ этомъ обстоятельствѣ — источникъ общественныхъ бѣдствій. Границъ отдѣльныхъ государствъ какъ бы не существуетъ; никакая регулярная производительная дѣятельность немыслима. Стоитъ кому-нибудь заняться извѣстнымъ дѣломъ—сейчасъ отовсюду являются конкуренты, рынокъ переполняется товарами, цѣны на послѣдніе падаютъ, производители раззоряются. „Возникаетъ безконечная война всѣхъ противъ всѣхъ... И эта война становится все ожесточеннѣе, несправедливѣе, опаснѣе по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ больше растетъ населеніе міра, чѣмъ больше пріобрѣтеній дѣлаетъ торговое государство, чѣмъ больше развивается производство и искусство (промышленность) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивается количество обращающихся товаровъ, а съ ними потребности становятся все болѣе и болѣе разнообразными. Что, при простомъ образѣ жизни націй совершалось раньше безъ великихъ несправедливостей и притѣсненій, обращается, благодаря повышеннымъ потребностямъ, въ вопіющую несправедливость, въ источникъ великихъ золъ. Покупатель старается отнять товары у продавца; поэтому требуетъ онъ свободы тор-

*) ibid., стр. 35.

говли, т. е. свободы для продавца скитаться по рынкамъ, свободы не находить сбыта товарамъ и продавать ихъ значительно ниже ихъ стоимости. Поэтому требуетъ онъ сильной конкуренціи между производителями (Fabrikanten) и купцами"...*).

Единственное средство, которое бы могло спасти современный міръ, которое бы уничтожило зло въ корнѣ,—это, по мнѣнію Фихте, расколоть міровое государство на отдѣльныя самодовлѣющія тѣла. Каждое такое тѣло, каждое „закрытое торговое государство" получитъ возможность урегулировать свои внутреннія экономическія отношенія. Оно сумѣетъ и добывать и обрабатывать все, что нужно для удовлетворенія потребностей его гражданъ. Оно осуществитъ идеальную организацію производства.

Эта идеальная организація основывается на строгомъ разграниченіи профессій и на „использованіи" детальнаго труда.

Успѣхъ производства зависитъ отъ искусства и сноровки, сообщающихъ „при цѣлесообразномъ примѣненіи малѣйшей силы силу, въ тысячи разъ большую". „Искусство и сноровка получаются черезъ непрестанное упражненіе, получаются благодаря тому, что каждый *всю свою жизнь* посвящаетъ одному опредѣленному дѣлу и направляетъ какъ всѣ свои силы, такъ и всѣ свои помыслы на это дѣло. Необходимыя для существованія человѣчества отрасли труда должны быть такимъ образомъ раздѣлены. Только при этомъ условіи сила дѣйствуетъ наиболѣе плодотворно" (ibid., стр. 39).

Граждане „разумнаго" государства заключаютъ между собой договоры относительно права зани-

*) ibid.. стр. 72.

маться той или иной профессіональной дѣятельностью. „Сословіе производителей („художниковъ“) распадается на нѣсколько подсословій, и исключительное право на извѣстную область производства („искусства“) основывается на договорѣ между производителями. „Откажитесь отъ использованія данной области; мы, съ своей стороны отказываемся отъ использованія другой области“... (ibid., стр. 23).

„Лишь путемъ ограниченія извѣстная отрасль труда становится собственностью класса, который ею занимается“, (ibid., стр. 61).

И сама собственность есть не что иное, какъ *исключительное* право на извѣстнаго рода *дѣйствія*, имѣющія отношенія къ тому или другому предмету или группѣ предметовъ. Собственность— это „идеальное, и непосредственное реальное обладаніе вещью“. Права собственности не существуетъ безъ права удерживать всѣхъ остальныхъ людей отъ использованія вещи, которою пользуется тотъ или иной индивидуумъ. „Лишь благодаря отрицанію или наличности чужой дѣятельности утверждается или не утверждается мое право собственности“.

Итакъ, всюду ограниченіе, регламентація и дифференцированіе профессій и занятій.

Вмѣсто всемірной путешественницы, о которой повѣствовалъ въ свое время Юмъ, мы видимъ передъ собою противницу малѣйшихъ передвиженій, мизантропку—домосѣдку, пытающуюся спасти свое хозяйство, огородившись отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ системой искусственныхъ заставъ... И, приглядываясь ближе къ ея хозяйству, мы можемъ сдѣлать надлежащую оцѣнку „смѣлости“, проявленной ея адвокатами—„объективными идеалистами“. Сравнительно простому

строенію новыхъ капиталистическихъ предпріятій противополагается сложный, громоздскій, въ мельчайшихъ деталяхъ строго соразмѣренный механизмъ: это именно обстоятельство и подчеркиваютъ объективные идеалисты, выдвигая свою „абсолютную“ точку зрѣнія, свой принципъ безусловнаго *единства*. Сходящая съ исторической сцены мануфактура заставляетъ своихъ идеологовъ повторить то, что было сказано въ дни ея дебютовъ, въ дни ея поединка съ цеховымъ ремесломъ и побѣдъ, одержанныхъ надъ послѣднимъ.

Какъ извѣстно, въ исторіи объективнаго идеализма сыграла большую роль спинозовская система. Въ пробужденіи интереса къ этой системѣ обыкновенно усматриваютъ одинъ изъ *мотивовъ*, обусловившихъ развитіе новой философской школы. Но дѣло въ томъ, что пробужденіе названныхъ интересовъ—фактъ, требующій самъ по себѣ объясненія. О забытой системѣ вспомнили и начали ее усиленно штудировать потому, что въ ней какъ разъ заключался матерьялъ, на который былъ въ данный моментъ спросъ со стороны идеологовъ мануфактурнаго производства,—готовыя формулы, отвѣчавшія господствовавшимъ въ ихъ лагерѣ настроеніемъ. Всеобъединяющая, всепоглощающая субстанція Спинозы могла служить прекрасной моделью при выработкѣ новыхъ „абсолютныхъ“ понятій, подсказанныхъ критическимъ положеніемъ мануфактуры,—но только моделью и ничѣмъ больше.

Такъ возникаютъ ученія абсолютнаго монизма. Доказывается, что нѣтъ ничего внѣ единаго, всеобъемлющаго начала, что все изъ него вытекаетъ, что все безконечное разнообразіе явленій—актъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый актъ, его творчества: лишь дифференцируясь, лишь *ограничивая*

себя, это начало можетъ себя проявлять. Таково абсолютное „я“ Фихте Старшаго, единственный субстратъ индивидуальнаго „я“ и „не—я“. Таково абсолютное тождество Шиллинга, порождающее изъ себя антитезу субъекта и объекта, антитезу количественнаго, а не качественнаго характера. Такова абсолютная „идея“ „Логосъ“ Гегеля, развертывающаяся въ непрерывной цѣпи логическихъ ограниченій.

„*Я* полагаетъ самого себя“, „*Я* полагаетъ *не-я*“, „*я* полагаетъ ограниченное *я*, какъ противоположность ограниченному не-я“—училъ Фихте. Верховное организующее начало является источникомъ собственнаго существованія.

Матеріальный міръ („не-я“) существуетъ лишь, какъ продуктъ творческой дѣятельности верховнаго организующаго начала. Послѣднее начало ограничиваетъ себя, „дѣлится“; равнымъ образомъ, „ограничивается“ матеріальный міръ.

Обратите вниманіе на терминологію Фихте и сопоставьте ее съ тѣмъ, что говорится объ „ограниченіяхъ“ въ „закрытомъ торговомъ государствѣ“. Фихте-экономистъ комментируетъ Фихте-философа. Рѣчь идетъ о дифференціаціи, какъ о необходимой предпосылкѣ процессовъ производства. Безъ этой дифференціи нѣтъ производства. „Абсолютъ“ безъ „ограниченій“—ничто.

Только путемъ ограниченія и „дѣленія“ получается единство всего. Только ограниченіе и дѣленіе даетъ жизнь всему міру. Общая картина міра, какъ умопостигаемаго, такъ и матеріальнаго сводится такимъ образомъ, къ непрерывному ряду процессовъ ограниченія и дѣленія.

Приведемъ нѣсколько силлогизмовъ, обрисовывающихъ означенную точку зрѣнія Фихте.

„*Я* полагаетъ себя ограниченнымъ черезъ не-я“.

Въ этомъ положеніи заключаются два соподчиненныхъ и противоположныхъ другъ другу положенія: а) „не-я“, какъ нѣчто дѣятельное, опредѣляетъ *я* и послѣднее начало, будучи ограничено, „страдаетъ“; но всякая дѣятельность можетъ вытекать лишь изъ *я*; потому мы имѣемъ положеніе: *я* опредѣляетъ себя посредствомъ абсолютной дѣятельности. Другими словами, *я* является одновременно и дѣятельнымъ и страдающимъ. Подобное противорѣчіе грозитъ разрушить единство сознанія: необходимо примиреніе противоположностей. Синтезомъ выставленныхъ положеній („*я* есть опредѣляющее“ „*я* есть опредѣляемое“) является новое положеніе: *я* опредѣляетъ себя *частью*, опредѣляется *частью*. Или: сколько частей реальности *я* утверждаетъ въ себѣ, столько именно частей отрицанія *я* утверждаетъ въ не-я; сколько частей реальности *я* утверждаетъ въ не-я, столько частей отрицанія оно утверждаетъ въ самомъ себѣ. Такъ опредѣляется „взаимодѣйствіе“.

„*Я* опредѣляетъ себя“.

Поскольку *я* опредѣляетъ себя *само*, постольку оно является началомъ дѣятельнымъ. Поскольку *я* опредѣляетъ *себя* самаго, постольку оно является началомъ страдательнымъ. Т. е. за нимъ одновременно утверждается и реальность и отрицаніе: получается явное противорѣчіе, которое необходимо устранить.

А устранить его возможно путемъ слѣдующаго положенія *я ограничиваетъ* свою дѣятельность посредствомъ страданія, а свое страданіе—посредствомъ своей дѣятельности. На сцену выступаетъ понятіе количества: въ *я* утверждается вся реальность, какъ абсолютное количество; *нѣкоторое* данное количество дѣятельности, будучи реальностью, сравнительно съ цѣльной реальностью

является отрицаніемъ послѣдней или страданіемъ. Противорѣчіе устраняется въ понятіи „субстанціональности“.

„*Я* ограничивается посредствомъ не-*я*“. „*Я* заключаетъ въ своей дѣятельности реальность“.

Требуется преодолѣть новое противорѣчіе. Простая дѣятельность *я* не составляетъ основанія для реальности не-*я*. Простая дѣятельность не-*я* не составляетъ основанія для страданія *я*. *Я* развиваетъ двоякаго рода дѣятельность. Дѣятельность одного рода направлена „наружу“. На эту дѣятельность производится толчекъ въ обратномъ направленіи другого рода дѣятельность стремится, такъ сказать, вогнать *я* въ него самого.

Она достигаетъ своей цѣли, *ограничиваетъ* первую дѣятельность. Но затѣмъ немедленно происходитъ реакція. Снова *я* устремляется вдаль, за предѣлы себя самого,—за предѣлы своей субъективности. Снова слѣдуетъ „толчекъ“ со стороны противоположнаго рода дѣятельности. Такъ *я* непрерывно *ограничиваетъ* себя. И въ этомъ процессѣ самоограниченія *каждый разъ* создается *особый* видъ представленій.

Первое ограниченіе неограниченной субъективности даетъ въ итогѣ ощущеніе. При этомъ *я* ограничиваетъ себя безсознательно, благодаря чему ощущеніе учитывается, какъ результатъ какой-то посторонней силы — результатъ внѣшняго возбужденія. Далѣе, когда *я* мысленно реагируетъ на ощущеніе, получается интуиція. „Отражая“ процессъ интуиціи, *я* создаетъ „образы“, отличные отъ дѣйствительныхъ вещей, соотвѣтствующихъ имъ. Въ восходящемъ порядкѣ актовъ ограниченія слѣдуютъ разсудокъ, сила сужденія, разумъ.

Безъ ограниченія неограниченной самой по себѣ

дѣятельности *я* *нѣтъ* представленія, и *нѣтъ* міра объектовъ.

Таковы примѣры изъ такъ называем. теоретической части Наукословія. Если заглянемъ теперь въ такъ наз. практическую часть послѣдняго, и тамъ мы найдемъ не менѣе любопытныя разсужденія о роли „ограниченій".

„*Я* должно быть полагаемо черезъ самого себя". „*Я*, какъ разумъ, является полагаемымъ черезъ не-я". Абсолютное *я* и мыслящее *я*—противоположности. И устранить означенное противорѣчіе можно только слѣдующимъ образомъ: практическое *я* (сущность котораго сводится къ дѣятельности) должно преодолѣть предѣлъ, который теоретическое *я* поставило себѣ, ограничивъ себя посредствомъ не-*я*. Подобное ограниченіе квалифицируется, какъ необходимое условіе для проявленія абсолютнаго *я*. *Я* создаетъ представляемый міръ, *я* мыслитъ для того, чтобы имѣть возможность дѣйствовать, быть „волей". Безъ ограниченія нѣтъ дѣйствія. Нѣтъ дѣйствія безъ не-*я* безъ міра, абсолютное *я* полагаетъ массы индивидуальныхъ, конечныхъ *я*. Лишь распылившись на индивидуумы, оно можетъ развивать свою дѣятельность.

Приведенные примѣры даютъ наглядное представленіе объ общей схемѣ, которой Фихте пользуется при своихъ умозрительныхъ построеніяхъ. А послѣдній примѣръ уже ясно указываетъ, гдѣ „зарыта собака",—какова реальная подоплека абстрактныхъ силлогизмовъ нашего философа.

Его силлогизмъ—безконечные перепѣвы одного мотива, выдвинутаго мануфактурной идеологіей. Это—славословіе въ честь всеспасающей *спеціализаціи*. Дефференцируйте профессіи и функціи и строго соразмѣряйте ихъ! въ этомъ ваша сила, въ

этомъ залогъ вашего успѣха! учили идеологи мануфактуры въ классическій періодъ ея развитія. Идеологи мануфактуры, сходящей съ міровой сцены, повторяютъ слова своихъ предшественниковъ, съ тою, впрочемъ разницей, что ими *подчеркивается преимущественно* первая часть выставленнаго положенія: дифференцируйте профессіи и функціи безъ конца!

Подобная, нѣсколько измѣненная постановка вопроса находитъ себѣ естественное объясненіе. Главный вопросъ, подтачивающій благосостояніе мануфактуры—усовершенствованныя, крупныя орудія производства. Послѣднія нивеллируютъ трудовые процессы, практикуемые въ предпріятіяхъ, и, слѣдовательно, составъ исполнительскихъ силъ. Идеологи отмирающей организаціи промышленности учли означенное обстоятельство. И протестъ ихъ противъ новыхъ вѣяній въ промышленности облекается, по-преимуществу, въ форму протеста противъ нивеллировки профессій и функціи или, что въ данномъ случаѣ одно и тоже,—въ форму апологіи возможно большаго разнообразія элементовъ и техники производства.

Если внимательно присмотрѣться къ спекулятивнымъ построеніямъ Фихте, мы убѣдимся, что онъ постоянно прибѣгаетъ къ одному и тому же пріему: именно, онъ занятъ все время подыскиваніемъ и установленіемъ ряда промежуточныхъ звеньевъ, которыя бы связывали понятія о тѣхъ или иныхъ высшихъ „началахъ“ съ тѣми или иными понятіями „низшаго ранга“. Въ этомъ и заключается его методъ примиренія „противорѣчій“. Возьмемъ противорѣчіе наиболѣе общаго характера—противорѣчія *я* и не-*я*. Это—не что иное, какъ нѣсколько переряженная, нѣсколько завуалированная антитеза духовнаго и матеріальнаго на-

чала. Но мы знаемъ, что во всѣхъ системахъ буржуазнаго міропониманія „матерія“ считается началомъ подчиненнымъ (даже у матеріалистовъ, которые, повторяемъ, отмѣчаютъ его подчиненное положеніе, вводя понятіе „силы“). Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло — не съ примиреніемъ простыхъ противоположностей, а съ выясненіемъ факта подчиненія.

Даны двѣ неравноцѣнныя величины: требуется найти третью, которая бы соединяла ихъ: такова обычная задача, рѣшаемая Фихте. Въ переводѣ на языкъ групповыхъ соотношеній, установившихся въ мануфактурныхъ мастерскихъ, это означаетъ вотъ что. Существуетъ *организаторъ* и существуетъ извѣстная *организуемая* группа. Но техника производства такова, что данный организаторъ непосредственно данную группу не организуетъ; между нимъ и ею стоитъ третье лицо или особая группа которыя и являются непосредственно связывающимъ, т. е. организующимъ элементомъ. Однимъ, словомъ, рѣшается вопросъ о „промежуточныхъ организаторскихъ звеньяхъ“. Абсолютное *я*—верховный, безличный руководитель мануфактурнаго предпріятія. Абсолютное *я* должно себя непремѣнно „ограничить“, чтобы получить возможность дѣйствовать, должно распастся на массу индивидуальныхъ *я*: этимъ утверждается та истина, что „безличный руководитель“ ведетъ техническую сторону производства не самъ. Онъ долженъ имѣть штаты подчиненныхъ ему организаторовъ. И по отношенію къ нему названные организаторы играютъ исполнительскую роль. Такимъ образомъ, они одновременно и организаторы и организуемые. Въ этомъ и заключается ихъ миссія „примиряющихъ началъ“: они принадлежатъ заразъ и къ „верхамъ“ и къ „низамъ“ мануфактурной организаціи

и потому могутъ являться соединяющимъ мостикомъ между тѣми и другими.

Комментаторы фихтевской философіи удивляются, что, необыкновенно высоко ставя индивидуальность, обожествляя ее въ лицѣ абсолютнаго *я*, Фихте, тѣмъ не менѣе, приписалъ той же индивидуальности, въ лицѣ конечныхъ *я*, „преходящее значеніе“, значеніе жалкаго орудія, жалкой жертвы верховнаго начала. „Въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Фихте еще съ большей строгостью высказывается по поводу преходящаго значенія абсолютной личности—въ *странномъ противорѣчіи* (курсивъ нашъ В. Ш.) съ тѣмъ вѣсомъ, который онъ въ другихъ случаяхъ полагаетъ на индивидуальность. Въ концѣ концовъ, индивидуальностью оказывается у него то, что не должно существовать, ограниченіе, которое подлежитъ устраненію, отрицаніе, которое уничтожается... Фихте постигаетъ Немезида“ (Геффдингъ). Немезида постигла скорѣе самого автора цитированныхъ словъ, стоящаго на чисто раціоналистической точкѣ зрѣнія. Оперируя съ абстрактнымъ понятіемъ о человѣкѣ, объ индивидуальности, онъ усмотрѣлъ странное противорѣчіе тамъ, гдѣ этого противорѣчія нѣтъ. Индивидуальность индивидуальности розь. Фихте противополагаетъ индивидуальность, характеризующую „верховнаго руководителя“, индивидуальности, характеризующей подчиненнаго организатора, а не просто индивидуальность себя самой. И въ подобномъ противопоставленіи, какъ для Фихте, такъ и для его комментаторовъ, накакого противорѣчія быть не можетъ.

Какъ послѣдовательный апологетъ мануфактуры, Фихте, дѣйствительно, долженъ былъ индивидуальности промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ придать весьма и весьма условное значеніе.

И его взглядъ на эти звенья отличается не меньшей прямолинейностью, чѣмъ, напр., взглядъ Спинозы. Авторъ „Наукословія“, подобно голландскому мыслителю, отрицаетъ за конечными *я*, за индивидуальными душами великую субстанціональность. Передъ лицомъ верховнаго организатора, абсолютнаго *я*, принципіальной, качественной разницы между субъектомъ и объектомъ, согласно воззрѣнію Фихте, не существуетъ.

Равнымъ образомъ, невысокую цѣну индивидуальности промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ придаетъ и система „абсолютнаго тождества“. Въ періодъ своего наиболѣе рѣшительнаго „абсолютнаго“ идеализма Шеллингъ заявлялъ: абсолютное — это тождество идеальнаго и реальнаго, безусловное безразличіе субъективнаго и безразличнаго. Разумъ есть абсолютный разумъ, поскольку онъ мыслится какъ означенное безразличіе. Необходимо отрѣшиться отъ мыслящаго *субъекта*. Необходимо также отрѣшиться отъ мысли о немъ, какъ о чемъ-то объективномъ, такъ какъ объективное можетъ быть только противоположностью мыслящаго субъекта. Мы должны пріучиться познавать вещи черезъ абсолютъ, отличая всѣ различія, являющіяся плодомъ нашего воображенія. Все въ абсолютѣ, ничего внѣ его. Абсолютъ—простое единство. Всякое бытіе опредѣляется закомъ тождества. То, что мы называемъ различіями вещей и явленій—различія *степени* количественныя различія.

Чистаго объекта и чистаго субъекта не существуетъ. Существуютъ лишь смѣшенія того и другого, смѣшеніе идеальнаго и реальнаго. Въ одномъ случаѣ преобладаніе на сторонѣ идеальнаго: мы имѣемъ то, что называется „духомъ“. Въ другомъ

случаѣ—преобладаніе реальнаго: мы имѣемъ „матеріальныя“ явленія.

Развитіе природы совершается „по тремъ потенціямъ“. Первая потенція—матерія и сила тяготѣнія: преобладаніе объекта. Вторая потенція — свѣтъ, внутреннее созерцаніе природы: здѣсь доминируетъ субъективное начало. Третья потенція—организмъ, который является производнымъ и свѣта и силы тяготѣнія. Въ сферѣ идеальнаго намѣчаются также три потенціи. Первая потенція—знаніе. Вторая потенція—дѣйствіе. Третья потенція—разумъ, въ которомъ осуществляется единство знанія и дѣйствія.

Мы не будемъ болѣе подробно останавливаться на характеристикѣ и анализѣ системы Шеллинга. Поскольку она воспроизводитъ воззрѣнія Спинозы и, отчасти, Лейбница (ученіе о смѣшеніяхъ идеальнаго и реальнаго), постольку относительно нея имѣетъ силу то, что мы говорили о пониманіи соотношеній организаторскихъ и организуемыхъ началъ въ системахъ названныхъ философовъ. И тамъ и здѣсь мы встрѣчаемся съ ярко оттѣненнымъ культомъ *централистическихъ* тенденцій мануфактурнаго производства. Что же касается новыхъ элементовъ, выдвинутыхъ философіей абсолютнаго тождества, то самымъ интереснымъ для насъ является ученіе Шеллинга о развитіи „по тремъ потенціямъ“. Но это ученіе не болѣе какъ варіація такъ назыв. антитетическаго метода Фихте,—метода, нами проанализированнаго выше. Опять даются два положенія, два начала, противоположныя другъ другу (а эта противоположность есть, какъ мы указывали, въ сущности, противоположность высшаго и низшаго, подчиняющаго и подчиненнаго началъ), и устанав-

ливается наличность промежуточнаго, связывающаго ихъ начала.

Отъ антитетическаго метода Фихте и ученія Шеллинга о потенцированіи одинъ шагъ до гегелевской діалектики. И по поводу нея, послѣ всего сказаннаго въ настоящей главѣ объ антитетическомъ методѣ, намъ остается сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній. „Реальная подоплека“ діалектики нами уже выяснена.

Гегель лишь полнѣе обосновалъ теорію развитія путемъ „противоположностей“, намѣченную двумя другими объективными идеалистами. Онъ лишь сильнѣе оттѣнилъ „внутреннюю необходимость“ названнаго процесса развитія, лишь установилъ еще болѣе тѣсную зависимость между отдѣльными моментами процесса, т. е. между отдѣльными звеньями іерархіи исполнительскихъ и руководительскихъ силъ. Его главное нововведеніе состоитъ въ томъ, что онъ утверждалъ за переходомъ отъ одного начала къ началу противоположному безусловно имманентный характеръ.

У Фихте первое и второе начало даются *лишь какъ отрицающія* другъ друга, лишь какъ отдѣльныя величины, служащія матерьяломъ для синтеза, осуществляемаго третьимъ элементомъ. У Гегеля процессъ отрицанія съ логической неизбѣжностью подготовляется внутри, въ рамкахъ даннаго тезиса. Всякое понятіе ограничено; будучи продумано или развито до конца, оно необходимо приводитъ къ своей противоположности.

Нововведеніе, сдѣланное Гегелемъ, подчеркиваетъ слѣдующій фактъ изъ области „реальныхъ“ отношеній. Дифференціація функцій и ролей въ мануфактурѣ достигаетъ своего maximum'а. Идетъ разслоеніе каждой отдѣльной исполнительской и каждой отдѣльной организаторской группы. Функ-

ціи, принадлежавшія какой-либо одной опредѣленной группѣ, распредѣляются между различными, вновь образующимися группами. Каждая группа дробится, выдѣляетъ изъ себя новыя. И идеологъ мануфактуристовъ учитываетъ этотъ процессъ дробленія, какъ процессъ *внутренняго развитія* того или иного „начала“.

Система Гегеля есть именно система подобнаго „дробленія“. Ограниченныя понятія до безконечности ограничиваютъ каждое само себя. Тезисы создаютъ безконечные переходы къ антитезисамъ и безконечную возможность „примиренія“ въ синтезисахъ. Совершается чистая, логическая эволюція міра.

Но въ реальной дѣйствительности намѣчалось нѣчто иное.

Не безконечную дифференціацію функцій и исполнительскихъ постовъ выдвигала теперь эта дѣйствительность. Подобная дифференціація отрицалась новой силой, утверждавшей свое господство въ промышленномъ мірѣ. Мануфактурная идеологія теряла почву подъ ногами.

Новыя времена—новыя пѣсни! И философія безконечно самоопредѣляющаго себя Логоса была какъ разъ лебединой пѣснью отживающаго міропониманія.

X.

Возрожденіе „мануфактурной“ философіи.

Фабрика смѣнила мануфактуру. Во внутренней структурѣ капиталистическихъ предпріятій, въ распредѣленіи факторовъ и элементовъ производства произошелъ радикальный переворотъ. Машина уничтожила ту сложную іерархію рабочихъ силъ, которая характеризовала мануфактурныя мастерскія. Намѣтился процессъ „деспеціализаціи“. Старый детальный трудъ сходитъ со сцены. Двери капиталистическихъ предпріятій широко открываются передъ неквалифицированными рабочими, въ томъ числѣ передъ женщинами и дѣтьми.

Соотвѣтственно этому выдвигаются новыя формы идеологіи.

Умозрительная философія теряетъ кредитъ въ буржуазномъ обществѣ. Правда, это происходитъ не сразу. Но не сразу и машина завоевала территорію промышленности. Число метафизическихъ системъ продолжаетъ нѣкоторое время расти. Это идеологи мануфактурной буржуазіи выставляютъ свои послѣднія боевыя силы. Мануфактура отстаиваетъ свои права на жизнь и свою идеологію съ большимъ мужествомъ,—прибѣгая, въ области послѣдней, къ „героическимъ“ средствамъ (въ родѣ панлогизма и абсолюта Гегеля), но... безуспѣшно. Новая техника, а съ нею новое буржуазное міропониманіе празднуютъ побѣду.

Спекулятивное мышленіе уступаетъ мѣсто естественно-историческому; ученію о „внутреннихъ факторахъ“, о силахъ, заложенныхъ въ организ-

махъ и дирижующихъ ими, противополагается ученіе объ опредѣляющей роли окружающей среды; похороненный критицизмомъ „наивный реализмъ“ воскресаетъ.

Чѣмъ объясняется положительный характеръ новыхъ идеологическихъ системъ? простымъ закономъ контрастовъ, простымъ стремленіемъ „сдѣлать обратное“ тому, что составляло „символъ вѣры“ вчерашняго дня? Нѣтъ, реальная подпочва новыхъ идейныхъ вѣяній нѣсколько иная. Если іерархическое, необыкновенно сложное раздѣленіе труда, строгая соразмѣренность и согласованность частей играли для мануфактуры роль боевыхъ средствъ, являлись главными условіями возможности ея успѣха, то новая капиталистическая организація опиралась на самыя простыя комбинаціи рабочихъ силъ. Различіе въ боевыхъ средствахъ и опредѣляло собою означенную противоположность идеологическихъ построеній. Профессіи, въ рамкахъ фабрики, такъ сказать, уравниваются, трудовые процессы начинаютъ послѣдовательно сводится къ одному общему типу.

Индивидуализированные „комплексы“ — Иванъ, Петръ, Яковъ исчезаютъ. Вмѣсто нихъ появляется въ мастерскихъ рабочій вообще. „Матеріи“ возвращаются экспропріированныя у нея „качества“.

Наличность самой широкой *однородной* рабочей массы, которую можно свободно притягивать и отталкивать,—вотъ что служитъ основной предпосылкой поступательныхъ шаговъ новаго промышленнаго капитала. И, естественно, идеологи послѣдняго, вырабатывая отвѣчающее ему міропониманіе, должны подчеркнуть значеніе матеріи, какъ фактора, опредѣляющаго существованіе и развитіе „живыхъ организмовъ“ (производственныхъ

организацій). Матерія реабилитируется. Буржуазное общество вводитъ культъ новаго кумира—„среды“... Правда, при этомъ не упускается изъ виду, что, какъ-ни-какъ, матерія остается матеріей, т. е. организуемой массой, и, какъ таковая, существовать безъ „руководителя“ не можетъ. И къ матеріи прикомандировывается, въ качествѣ спеціалиста по части организаторскихъ обязанностей, „сила“. Пишутся трактаты о Stoff und Kraft, (о „матеріи и силѣ“).

Спекулятивная философія отмираетъ, но... на время.

Происходитъ новая смѣна капиталистическихъ организацій. Утвердившейся на костяхъ мануфактуры фабрикѣ пришлось вступить въ поединокъ съ новымъ соперникомъ. Этотъ соперникъ—фабрика усовершенствованнаго типа, фабрика „вполнѣ автоматическая“.

„Малоквалифицированный трудъ, трудъ стариковъ, женщинъ и дѣтей въ ея рамкахъ примѣненія не находитъ. Женскій и дѣтскій трудъ, правда, былъ первымъ словомъ капиталистической утилизаціи машинъ, но не ея послѣднимъ словомъ“ *).

Современная, быстрыми шагами прогрессирующая техника потребовала высокой квалификаціи отъ представителей труда. „Для того, чтобы пускать въ ходъ или останавливать систему машинъ или аппаратовъ, необходимо общее знакомство съ механикой, т. е. требуется высокообученный трудъ. Далѣе, начиная и оканчивая каждый производственный процессъ, приходится считаться съ технологическими свойствами вырабатываемаго продукта, и, слѣдовательно, нужны спеціальныя техно-

*) Hanns Deutsch: „Qualifizierte Arbeit und Kapitalismus“, стр. 92.

логическія познанія и опытность". Кромѣ того, опять начинаетъ развиваться дифференціація рабочихъ функцій. Одновременно увеличивается число промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ. Объ этомъ обстоятельствѣ даетъ наглядное представленіе нижеслѣдующая таблица: *).

На сталелитейныхъ заводахъ приходится на каждыхъ	30—26	раб.	одно	долж.	лицо.
Въ прядильняхъ . .	18—15	„	„	„	„
На ткацкихъ фабрик.	12—10	„	„	„	„
На верфяхъ	16— 8	„	„	„	„
На машин. фабр. . .	12— 4	„	„	„	„
На газовыхъ завод. .	9— 4	„	„	„	„
На химическ. фабр. .	7— 6	„	„	„	„

Опять оказывается на лицо сложный, дифференцированный исполнительскій механизмъ въ предпріятіяхъ. Опять строгая согласованность и соразмѣрность частей становится вопросомъ жизни и смерти для предпріятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ капиталъ развиваетъ необыкновенную эластичность Совершается процессъ концентраціи отдѣльныхъ видовъ производства подъ эгидой гигантскихъ „смѣшанныхъ" предпріятій. Предпріятія „чистыя", спеціализировавшіяся на выработкѣ какого-нибудь одного опредѣленнаго продукта ведутъ упорную „войну за независимость", **) но дѣло ихъ проиграно. Концентрированныя промышленныя хозяйства, или, употребляя модный американскій терминъ промышленныя „комбинаціи" (combinations) послѣдовательно поглощаютъ ихъ.

*) Dr. ing. W. v. Oechelhäuser „Technische Arbeit einst und jetzt", стр. 28.

**) Ср., напр., описаніе борьбы между «чистыми вальцовками» и «смѣшанными предпріятіями» (gemischte Werke), сдѣланное въ книгѣ H. Mannstaedt'a: «Die Konzentration in der Eisenindustrie und die Lage der reine Walzwerke».

Какъ должны отразиться отмѣченныя нами явленія промышленнаго міра на „высотахъ“ идеологіи?

Сравненіе новѣйшей организаціи фабрикъ съ внутреннимъ строеніемъ мануфактуры уже a priori диктуетъ отвѣтъ: новая разновидность буржуазнаго міропониманія должна воспроизводить существенныя черты міропониманія мануфактурной эпохи. И, дѣйствительно, обращаясь къ фактамъ, мы можемъ подвердить вполнѣ основательность подобнаго заключенія. Заглянемъ ли мы въ область права, или искусства, или исторіи, или естественно-историческихъ наукъ, или философіи, всюду мы находимъ одно и тоже: поворотъ въ сторону субъективизма и идеализма *).

Какъ и въ классическіе дни мануфактурнаго производства, на первый планъ философія выдвигаетъ проблемы объ организмѣ, „внутреннемъ факторѣ“, „организующихъ началахъ“, „гармоническомъ сочетаніи частей“.

„Наивному реализму“ опять приходится отправляться въ могилу, а у „матеріи“ снова конфискуется все то, что ей было возвращено сравнительно недавно. Таковы философскія послѣдствія пораженія старой фабрики.

Создается почва для возрожденія старыхъ философскихъ авторитетовъ. Главнѣйшія системы мануфактурной философіи усиленно комментируются, исправляются и въ исправленныхъ редакціяхъ обслуживаютъ задачи оправданія новѣйшаго капи-

*) Въ области естественныхъ наукъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, напр., нео-ламаркизмъ, съ его культомъ «внутренняго фактора». Нео-ламаркизмъ противостоитъ дарвинизму—ученію, сосредоточившему вниманіе на понятіи «окружающей среды», ученію, сложившемуся въ эпоху «старой», «полуавтоматической» фабрики.

тализма. „Назадъ къ Канту!“ „Конецъ девятнадцатаго вѣка стоитъ подъ знакомъ Канта!“ Возникаетъ широкое неокантіанское движеніе, проникшее даже, какъ извѣстно, въ ряды соціалистическихъ партій. Приглядываются и къ спинозизму: и въ немъ находятъ нѣчто, могущее оказаться весьма и весьма полезнымъ для современности. Стараются использовать и Юма и даже Беркли: не останавливаются передъ почти полной реставраціей субъективнаго идеализма послѣдняго.

При этомъ необходимо различать два главные момента процесса воскрешенія „старыхъ боговъ“.

Первый изъ этихъ моментовъ отвѣчаетъ періоду, когда новая фабрика конституировалась, совершала свои первые завоевательные шаги. Этотъ моментъ характеризуется преобладаніемъ „кантіанскихъ“ мотивовъ. Идеологи новой буржуазной группы сосредоточиваютъ свое вниманіе преимущественно на выясненіи внутренней структуры производственныхъ организацій, на описаніи связей, устанавливающихся между отдѣльными факторами и элементами капиталистическаго производства. „Динамизмъ“ послѣдняго подчеркивается ими, но подчеркивается сравнительно весьма слабо. Усилившаяся „подвижность“ капитала, лихорадочно быстрый ростъ новѣйшей техники обусловили собою симпатіи означенныхъ идеологовъ къ тѣмъ изъ старыхъ философовъ, въ системахъ которыхъ предпосылки динамизма получили большее развитіе, чѣмъ у кенигсбергскаго профессора. Наступаетъ второй моментъ въ исторіи возрожденной философіи.

„Въ ранніе годы юности наивно—реалистическое міровоззрѣніе автора было расшатано „Пролегоменами“ *Канта*. Съ этого момента началось все его критическое мышленіе. Послѣднее привело

къ тому, что авторъ очень скоро призналъ непостижимую „вещь въ себѣ“ иллюзіей. Этимъ онъ вернулся къ вдохновителямъ *Канта—Беркли и Юму.*“ Такъ исповѣдуется одинъ изъ основателей *) наиболѣе модной въ наши дни философской школы.

Нео-кантіанство смѣняется „поворотомъ“ къ системамъ „докантовскаго“ мышленія.

---

*) Э. Махъ: «Анализъ и отношеніе физическаго къ психическому», пер. Г. Котляра, стр. 1.

XI.

В. Вундтъ.

Мы не будемъ излагать послѣдовательно исторіи современной философіи. Ограничимся тѣмъ, что отмѣтимъ нѣсколько эпизодовъ означенной исторіи, но эпизодовъ достаточно яркихъ и дающихъ надлежащее представленіе о курсѣ, принятомъ въ послѣднее время идеологіей авангарда промышленной, капиталистической буржуазіи.

Въ качествѣ перваго примѣра мы возьмемъ философскую систему Вильгельма Вундта.

При анализѣ ея, прежде всего, коснемся ученія о *„представленіяхъ—объектахъ“*.

Начальный этапъ всякаго познанія, учитъ Вундтъ, познаніе *наивное*. Для послѣдняго не существуетъ различія между представленіемъ и объектомъ. Затѣмъ наивное познаніе уступаетъ мѣсто познанію „рефлектирующему“, размышляющему, которое противополагаетъ объектъ представленію. Но при этомъ совершается крупная ошибка. Точка зрѣнія рефлексіи принимается за первоначальную и съ помощью ея думаютъ достичь единства „мышленія и бытія“,—единства, якобы, раньше—до торжества рефлектирующаго познанія—никогда не существовавшаго. Объектъ и представленіе квалифицируются рефлектирующимъ познаніемъ, какъ два совершенно отличные другъ отъ друга явленія, объекты. Допускается возможность существованія объекта *внѣ* нашего представленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность наличности представленія, не зависящаго

отъ объекта. Но необходимо имѣть въ виду, что раздѣленіе объекта и представленіе мы получаемъ мысленно, разлагая первоначально цѣльное „представленіе—объектъ“ на различные признаки. „Вѣдь само собой ясно, что, хотя рефлексія и способна производить *отвлеченныя* разложенія, но эти разложенія лишь тогда доказываютъ раздѣльность самихъ объектовъ, когда дѣйствительно возможно доказать, что продукты соотвѣтствующаго рефлексіи различенія существуютъ въ воззрѣніи какъ раздѣльные, или хотя бы только какъ допускающіе раздѣленіе. А этого нѣтъ именно въ настоящемъ случаѣ: *объекта никогда нельзя отдѣлить отъ представленія, и представленія—отъ объекта*“ *). Конечно, мы можемъ допускать существованіе предметовъ, въ данный моментъ нами и даже вообще никѣмъ не представляемыхъ: но этимъ предметамъ мы должны приписывать непремѣнно свойства „представленій—объектовъ“. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно представленій: данное представленіе можетъ не относиться непосредственно къ имѣющемуся на лицо предмету, или „ко всякому представленію можетъ присоединяться мысль, что содержащійся въ немъ объектъ не находится на лицо. Но въ томъ именно и состоитъ различіе между фактическимъ отношеніемъ и точкой зрѣнія рефлексіи, что послѣдняя основываетъ существованіе объекта лишь на мысли, присоединяющейся къ представленію, тогда какъ на самомъ дѣлѣ *представленіе всегда содержитъ въ себѣ объектъ* (курсивъ нашъ, В. Ш.), такъ что для устраненія его непосредственнаго присутствія, очевидно нужно сперва абстрагирующее мышленіе“ (ibid, ibid.).

*) «Система философіи», пер. А. М. Водена, стр. 58 (курсивъ, нашъ. В. Ш.).

Далѣе, разъ мы, стоя на точкѣ зрѣнія рефлектирующаго познанія, допускаемъ первоначальную раздѣльность представленія и объекта и объединеніе ихъ уже въ области мышленія, то мы должны указать такіе признаки, которые бы краснорѣчиво свидѣтельствовали о дѣйствительномъ соотвѣтствіи представленія и объекта, объ ихъ „адэкватности“. Но этого сдѣлать, категорически заявляетъ Вундтъ, никакая теорія познанія не можетъ. Въ стремленіи найти означенные признаки философія терпѣла всегда фіаско. „Перехода“ отъ представленія къ объекту и отъ объекта къ представленію, (если принимать ихъ за первоначально раздѣльныя величины) установить рѣшительно нельзя. И въ изобрѣтеніи понятія „вещи въ себѣ“ Вундтъ видитъ „окончательное признаніе этой неспособности найти соотношеніе между обоими фактами, между вполнѣ знакомымъ фактомъ представленія и вполнѣ незнакомымъ фактомъ существованія нѣкотораго объекта нашихъ представленій“.

Понятіе непредставляемаго объекта противополагается понятію безъ объектнаго представленія. И при этомъ между ними устанавливается извѣстная связь: совершенно отличное отъ предмета представленіе, тѣмъ не менѣе, указываетъ на предметъ „Вещь въ себѣ“ выставляется, какъ причина нашихъ представленій. Но—возражаетъ Вундтъ—отношеніе причины и слѣдствія возможно лишь какъ отношеніе между однородными членами цѣлаго, даннаго намъ въ опытѣ: говорить же объ отношеніи причинности между несоизмѣримыми величинами, изъ которыхъ одна находится по ту сторону опыта, не приходится. Болѣе послѣдовательности обнаруживаютъ, по мнѣнію Вундта, философы, придерживающіеся чисто идеалистическихъ взглядовъ. Но и они впадаютъ въ ошибку: именно, они

принимаютъ форму „размышляющаго“ познанія, отъ которой отправляются въ своихъ построеніяхъ, за предпосылку самого познанія. Для нихъ субъектъ—первоначально данная величина, а предметы—его продукты или дѣйствія. Но субъектъ не „предшествуетъ“ объекту. Какъ тотъ, такъ и другой „выдѣляются изъ нераздѣльнаго представленія—объекта лишь и тотъ моментъ, когда возникаетъ рефлексія абстрагирующаго мышленія по поводу различныхъ признаковъ упомянутаго объекта“.

Однако, возвратъ къ „наивному познанію“ не мыслимъ. Единственное, что можно и должно сдѣлать, это—предъявить къ рефлексіи два требованія. Во-первыхъ, слѣдуетъ остерегаться смѣшенія понятій, характеризующихъ рефлексію, съ первоначальнымъ воззрѣніемъ. Во-вторыхъ, слѣдуетъ всегда давать себѣ ясный отчетъ въ мотивахъ, опредѣляющихъ рефлексію къ различеніямъ признаковъ представленія — объекта, и производить оцѣнку реальнаго значенія названныхъ различеній только исходя изъ означенныхъ мотивовъ.

Мотивы эти, поясняетъ Вундтъ,—психологическаго характера.

Разложеніе представленія—объекта на представленіе и на объектъ обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ что наши „внутреннія“, психическія переживанія—двоякаго рода. Мы относимъ къ *представленіямъ* то что дается намъ непосредственнымъ опытомъ и чего мы не можемъ произвольно ни создавать, ни измѣнять. Наоборотъ, элементы, говорящіе о произвольной дѣятельности или воздѣйствіяхъ ихъ на насъ, относятся нами къ хотѣнію или къ чувствованіямъ. „Съ одной стороны мы подчинены связи, которая намъ дана, а съ другой—мы активно вмѣшиваемся въ эту связь“. На этой почвѣ возникаетъ взглядъ, согласно ко-

торому хотѣніе и представленіе рѣшительно противополагаются другъ другу, причемъ представленіе опредѣляется, какъ пассивное начало, какъ „способность“ претерпѣвать, и воля—какъ начало активное, какъ способность оказывать воздѣйствіе на развитіе „внѣшняго міра“. Подобное разграниченіе психическихъ элементовъ Вундтъ считаетъ неосновательнымъ: воля, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ играть пассивную роль, а представленія—активную (иногда представленія *принуждаютъ* волю дѣйствовать въ опредѣляемомъ ими направленіи).

Двойственность нашей психической природы надо понимать не какъ антитезу двухъ независимыхъ другъ отъ друга, несоизмѣримыхъ началъ—пассивнаго и активнаго, но какъ двойственность всего нашего внутренняго бытія, проявляющуюся въ двойственности функцій воли и представленія. Мы можемъ разсматривать волю то какъ опредѣляющую, то какъ опредѣляемую, а представленіе то какъ данное намъ, то какъ создаваемое нами. „Не только каждое изъ этихъ пониманій законно, но и тамъ, гдѣ получаетъ признаніе исключительно одно пониманіе, оно должно быть дополняемымъ другимъ: не существуетъ ни хотѣнія, ни представленія, которыя не были бы въ то же время и пассивными и активными, не обуславливались бы иными элементами сознанія, которые въ концѣ концовъ вступаютъ въ общую связь духовной причинности, и въ свою очередь не оказывались бы обуславливающими содержаніе нашего мышленія, исходными пунктами новыхъ духовныхъ дѣйствій“.

Такимъ образомъ, моменты пассивности и активности сами по себѣ еще не могутъ опредѣлять разграниченіе субъекта и объекта, будучи связаны съ цѣлымъ содержаніемъ сознанія и со всѣми составными

элементами послѣдняго. Въ качествѣ разграничивающаго фактора Вундтъ выдвигаетъ „*постоянство*, съ которымъ въ сознаніи всегда присутствуютъ чувственныя основы волевой функціи“. Рѣчь идетъ объ ощущеніяхъ напряженія, сопутствующихъ внѣшнимъ и внутреннимъ актамъ воли; эти ощущенія образуютъ качественно однородный и въ то же время устойчивый комплексъ, подобнаго которому не могутъ дать никакіе другіе элементы сознанія. Они почти всегда на лицо; и градація ихъ интенсивности служитъ показателемъ энергіи воли. „Лишь благодаря этой градаціи интенсивности связанныхъ съ волевой дѣятельностью ощущеній, сопровождающихъ движеніе и напряженіе, тотъ признакъ *самодѣятельности*, который свойственъ всякому хотѣнію, пріобрѣтаетъ могущее быть *представляемымъ* содержаніе, непосредственно соединяющееся съ чувствованіями, изъ которыхъ слагается волевой процессъ“. Слѣдовательно, мотивы, обуславливающіе разграниченіе субъекта и представленій, какъ объектовъ, относятся, въ значительной степени къ области представленій. Другими словами, названное разграниченіе мы можемъ получить *лишь* путемъ насильственнаго акта, совершаемаго нашимъ абстрагирующимъ мышленіемъ.

На самомъ дѣлѣ, субъектъ и объекты нераздѣльно связаны другъ съ другомъ. Мыслящее и мыслимое составляетъ единое, цѣльное содержаніе сознанія; ихъ отличія носятъ относительный, а не абсолютный характеръ. При каждомъ отдѣльномъ актѣ познанія мы имѣемъ нѣчто перемѣнное и нѣчто постоянное—мѣняющееся содержаніе представленій и постоянное воспріятіе нашей собственной дѣятельности. Каждый отдѣльный актъ познанія является, такимъ образомъ, одновременно „даннымъ“ и „произведеннымъ“.

Приведенныя разсужденія уже достаточно ярко обрисовываютъ Вундта какъ философа, ставящаго своей задачей борьбу съ матеріализмомъ или, выражаясь моднымъ терминомъ „Ueberwindung des Materialismus," „преодолѣніе матеріализма,—и при этомъ не заявляющаго себя на сторонѣ той школы, которая считается традиціонной противницей послѣдняго. Болѣе того, на первый взглядъ, можно заключить, что мы имѣемъ передъ собой, въ лицѣ автора „Системы философіи," наряду съ рѣшительнымъ борцомъ противъ матеріализма, *не менѣе рѣшительнаго* борца и противъ идеализма. Но подобное заключеніе было бы слишкомъ поспѣшнымъ.

Чтобы выяснить истинную цѣнность его антиидеалистическихъ выступленій, необходимо принять во вниманіе слѣдующія предпосылки соціально-экономическаго порядка.

Какъ мы уже отмѣчали выше, строеніе новѣйшей фабрики характеризуется, между прочимъ, увеличеніемъ кадровъ „подчинныхъ организаторовъ". Если и раньше, еще во времена мануфактурнаго производства, „подчиненные организаторы" по отношенію къ „верховному организатору" очутились въ положеніи „организуемой *массы*," въ положеніи простыхъ наемниковъ, „творящихъ волю" нанимающаго ихъ, то теперь, когда промышленныя предпріятія собираютъ подъ своей кровлей особенно большіе отряды ихъ, когда въ нѣкоторыхъ производствахъ они составляютъ десятую—пятнадцатую часть всего „исполнительскаго" персонала, когда іерархическая цѣпь ихъ значительно удлинилась—степень зависимости ихъ отъ капитала еще болѣе повысилась, гнетъ эксплуатаціи со стороны послѣдняго сдѣлался для нихъ еще болѣе

ощутительнымъ. Образовалась организаторская масса, готовая приравнивать себя, почти безъ всякихъ оговорокъ, къ пролетаріату. Въ свою очередь, на аналогичную точку зрѣнія естественно, становятся, и идеологи организаторскихъ „верховъ“: и они спѣшатъ подчеркнуть фактъ дальнѣйшаго „пораженія въ борьбѣ за существованіе“, постигшаго „промежуточныя организаторскія звенья“, „бывшихъ посредниковъ“, подчеркнуть его возможно болѣе рѣзко и безусловно.

Въ области философіи о подобномъ уравниваніи промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ и представителей „физическаго“ труда, „низшихъ исполнителей“ говоритъ именно стремленіе охарактеризовать „субъектъ“ и „объектъ“, „психическое“ и „физическое“ какъ нѣчто, составляющее „*нераздѣльное*“ цѣлое, стремленіе свести антитезу между названными явленіями къ познавательной фикціи. Ученіе Авенаріуса о принципіальной координаціи, ученіе Эрнста Маха объ отношеніи психическаго къ физическому, ученіе Вундта о представленіяхъ—объектахъ—все это ученія одного порядка, все это примѣры разрѣшенія одной и той же проблемы, поставленной передъ идеологами авангарда капиталистической буржуазіи, примѣры попытокъ передать съ помощью философскихъ символовъ отношеніе означенной буржуазіи къ факту роста и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „пораженія“ кадровъ исполнителей—организаторовъ.

Создаются системы самаго послѣдовательнаго, по мнѣнію ихъ авторовъ, монизма. Всѣ извѣстныя до сихъ поръ въ исторіи философіи антидуалистическія построенія объявляются неудовлетворительными. Новѣйшее міровоззрѣніе во всѣхъ явленіяхъ видитъ одновременно наличность и „субъективнаго“ и „объективнаго“ началъ. Различіе между

тѣмъ и другимъ понимается какъ различіе *не „субстанцій“ и даже не феноменовъ“, а лишь точекъ зрѣнія:* все зависитъ отъ того, съ какой стороны, подъ какимъ угломъ зрѣнія мы разсматриваемъ данное явленіе или фактъ.

Низшій исполнительскій персоналъ современной фабрики энергично опекается многочисленными штатами „руководителей“. Дѣятельность каждой рабочей группы неразрывно связана съ проявленіями „воли“ спеціальныхъ организаторовъ. И поскольку послѣдніе для „верховнаго руководителя“ играютъ роль эксплуатируемой, организуемой массы, постольку, въ глазахъ идеологовъ капиталистической буржуазіи, дѣйствія рабочей группы и дѣйствія ея организаторовъ учитываются какъ нѣчто нераздѣльное, нѣчто тождественное, и рабочая группа сливается съ группой ея организаторовъ въ единое цѣлое, разлагать которое на самодавлѣющіе элементы можно лишь искусственнымъ, „насильственнымъ“ путемъ, путемъ „заблуждающагося“ мышленія.

Отправляясь отъ представленія объ этихъ двухъ группахъ, слитыхъ въ единое цѣлое, идеологи буржуазіи, естественно, будутъ говорить не о двухъ различныхъ объектахъ „опыта“, а о „цѣлостномъ содержаніи“ послѣдняго, не о двухъ противоположныхъ „началахъ“, а объ одномъ. Такъ именно поступаетъ Вундтъ, развивая свою теорію познанія и выдвигая понятіе „представленія—объекта“. Такъ поступаетъ онъ и тогда, когда отъ теоріи познанія переходитъ къ разсмотрѣнію проблемы болѣе общаго характера,—проблемы о „духѣ“ и „природѣ“.

„Противоположность между духомъ и природой принципіально устраняется уже теоріей познанія“*).

*) „Система философіи“ (VI, 1, 2), стр. 353.

Точнѣе, для Вундта духъ и природа (матерія)— не субстанціи и не аттрибуты субстанцій, и различіе между ними сводится, опять-таки, къ различію точекъ зрѣнія, подъ угломъ которыхъ можно разсматривать то или иное явленіе, тотъ или иной фактъ.

До сихъ поръ монистическимъ взглядамъ Вундта нельзя было отказать въ извѣстной выдержанности. Нельзя, равнымъ образомъ заподозрить его въ идеалистическихъ симпатіяхъ. Но и его монизмъ и его отрицательное отношеніе къ идеализму исчерпываются формулировкой вышеуказанныхъ тезисовъ. Буржуазная идеологія остается всегда вѣрна самой себѣ. Радикальнымъ образомъ уничтожить всякую грань между „субъектомъ“ и „объектомъ“, „духомъ“ и „матеріей“, вполнѣ отожествить ихъ она не въ состояніи, ибо это было бы для нея равносильно акту самоуничтоженія. Подобное отожествленіе допустили для нея лишь постольку, поскольку рѣчь идетъ о „промежуточныхъ организаторскихъ звеньяхъ“. Но, наряду съ послѣдними вѣдь существуютъ „верховные руководители“ капиталистическихъ предпріятій, и отъ понятія **об**ъ этихъ руководителяхъ буржуазное міровоззрѣніе *отрѣшиться не можетъ*. Оно должно неминуемо вводить означенное понятіе всегда въ кругъ идей, составляющихъ остовъ тѣхъ или иныхъ философскихъ построеній и системъ, которыя создаются въ буржуазной средѣ. Антитеза „организующаго и организуемаго начала“ для буржуазнаго міровоззрѣнія неизбѣжна. Пусть организаторская „воля“, *какъ воля подчиненнаго организатора*, можетъ быть приравнена почти безъ остатка къ „матеріальнымъ“ явленіямъ, къ организуемой массѣ,—но *какъ воля верховнаго организатора* она вновь становится *организаторскимъ* началомъ и,

какъ таковая, противополагается началу организуемому. Преодолѣніе дуализма этихъ началъ можетъ, слѣдовательно, носить, въ системахъ буржуазныхъ мыслителей лишь условный, лишь частичный характеръ.

Болѣе того, выясняется крайне важное для пониманія буржуазныхъ философскихъ системъ обстоятельство: *дуалистическая точка зрѣнія,* какъ видно изъ предыдущаго, *распространяется и на само представленіе объ организаторской волѣ.* Послѣдняя можетъ быть и организующей и организуемой, и активной и пассивной, и „душой“ и „тѣломъ“, можетъ фигурировать то какъ „я“, то какъ „не-я“, то какъ въ большей или меньшей степени автономныя „личность“, индивидуумъ, то какъ нѣчто обезличенное, какъ простая составная часть извѣстнаго коллектива, или извѣстнаго организма.

Намъ уже приходилось раньше отмѣчать двойственный характеръ „организующаго начала“. Но въ системахъ старой, мануфактурной философіи онъ далеко не обозначался столь рельефно, какъ въ построеніяхъ новѣйшихъ мыслителей. Это понятно: „пафосъ разстоянія“, хотя и отдалялъ въ періодъ мануфактуры организаторскіе „низы“ отъ организаторскихъ „верховъ“, но все-таки, по сравненію съ тѣмъ, что наблюдается теперь, не былъ особенно великъ. Лишь новая фабрика повторяемъ, знаетъ, рѣшительное „пораженіе“, быструю и безповоротную „пролетаризацію“ подчиненныхъ организаторовъ. И, въ соотвѣтствіи съ этимъ, идеологи новой фабрики особенно широко пользуются противоположеніемъ организующаго и организуемаго, активнаго и пассивнаго организаторскаго начала“. Нельзя анализировать ихъ системы, не принимая во вниманіе послѣдняго обстоятельства:

ихъ системы, въ своихъ существенныхъ частяхъ, какъ разъ представляютъ собой не что иное, какъ болѣе или менѣе сложныя сочетанія силлогизмовъ, основывающихся на двойственномъ пониманіи „организаторской воли“, не что иное, какъ непрерывные ряды подстановокъ одного пониманія этой „воли“ другимъ. Въ подобныхъ подстановкахъ—секретъ иногда поистинѣ весьма изумительныхъ скачковъ изъ области монистическихъ воззрѣній въ область воззрѣній ярко-дуалистическихъ, изъ области послѣдовательно матеріалистическихъ воззрѣній въ область воззрѣній недвусмысленно идеалистическихъ,—скачковъ, которые съ немалымъ искусствомъ и столь часто практикуются новѣйшими философами.

Именно такого рода скачекъ совершаетъ Вундтъ, выдвигающій, вслѣдъ за ученіемъ о „представленіяхъ-объектахъ“ свои разсужденія о „психофизическомъ параллелизмѣ“. Судя по отправнымъ тезисамъ его философіи, изложеннымъ нами выше, мы, естественно, были бы должны ожидать отъ Вундта выдержанной въ антиидеалистическомъ духѣ доктрины. Разсужденія о психофизическомъ параллелизмѣ доказываютъ полную неосновательность подобныхъ ожиданій.

Въ тѣхъ случаяхъ, учитъ лейпцигскій метафизикъ, когда, анализируя содержаніе сознанія, мы наблюдаемъ въ немъ извѣстные перерывы, чисто психологическое толкованіе уступаетъ мѣсто психофизическому, т. е. психологическое стараются выяснить съ помощью физическаго. Но послѣдовательность требуетъ, чтобы къ помощи физическаго обращались не только въ видѣ исключенія, не только при означенныхъ особыхъ условіяхъ. И тамъ, гдѣ связь элементовъ нашего сознанія мы можемъ понять, оставаясь на почвѣ чисто психо-

логическаго разсмотрѣнія, мы должны также допускать психофизическій анализъ. Это называется принципомъ „психофизическаго параллелизма“: мы предполагаемъ, что для всякаго психическаго процесса имѣются какіе-либо соотвѣтствующіе физическіе процессы. „Подобно тому, какъ двѣ параллельныя линіи до безконечности въ своемъ протяженіи соотвѣтствуютъ другъ другу, но никогда не пересѣкаются, такъ и душевные процессы не выводимы непосредственно изъ сопутствующихъ имъ физіологическихъ, или послѣдніе изъ первыхъ, но всегда можно только констатировать, что извѣстныя измѣненія въ одной области соотвѣтствуютъ извѣстнымъ измѣненіямъ въ другой области. Однако эти соотносительныя измѣненія никогда не приводимы въ подобную же связь другъ съ другомъ, какъ та связь, которая, сообразно свойственнымъ имъ законамъ соединенія и теченія, устанавливается для физическихъ процессовъ, благодаря имѣющимъ для нихъ силу принципамъ природной причинности, или *и* для психическихъ процессовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они образуютъ непрерывный комплексъ“.

Однимъ словомъ, психофизическій параллелизмъ нельзя толковать какъ понятіе психофизической *причинности*. Отрицаніе послѣдняго понятія естественно вытекаетъ изъ соотношенія, существующаго между психологіей и физіологіей, которыя разсматриваютъ цѣльное содержаніе опыта съ двухъ единственно возможныхъ точекъ зрѣнія и устанавливаютъ исчерпывающее понятіе о причинностяхъ. Третьей точки зрѣнія, рѣшительно заявляетъ Вундтъ, существовать не можетъ. Принявъ ее, мы должны бы были вернуться къ картезіанской метафизикѣ души, должны были бы признать наличность двухъ совершенно отличныхъ другъ отъ

друга „опытовъ“. Цѣльность содержанія опыта была бы, такимъ образомъ, разрушена.

Получается любопытный ходъ доказательства: обосновывая дуализмъ психическаго и физическаго началъ, или, по его терминологіи психическаго и физическаго „рядовъ“, лейпцигскій профессоръ апеллируетъ, какъ къ высшей инстанціи, долженствующей своимъ безусловнымъ авторитетомъ оправдать его дуалистическіе взгляды, къ принципу строго послѣдовательнаго монизма. Противоположеніе названныхъ началъ или „рядовъ“ объясняется какъ необходимое слѣдствіе фактическаго единства этихъ началъ или рядовъ, единства „субъекта—объекта“, единства „духа—матеріи“. Мы имѣемъ дѣло съ варіаціей стараго, хорошаго знакомаго намъ мотива: цѣлое требуетъ непремѣнно расчлененія, дифференцированія его на части; безъ этого условія существованіе цѣлаго не мыслимо. Нова только формулировка выдвинутаго мотива. „Если стать на почву цѣльности всего опыта, „принципъ параллелизма“ представляется простымъ выраженіемъ именно того факта, что оба рода разсмотрѣнія, естественно-научный и психологическій, соотвѣтствуютъ дополняющимъ другъ друга точкамъ зрѣнія. Съ такихъ различныхъ точекъ зрѣнія какое-нибудь данное содержаніе опыта можетъ, конечно, *смотря по обстоятельствамъ* подходить подъ кругозоръ обѣихъ, но *въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ кругозоровъ оно должно принимать форму свойственной ему причинности*“. При этомъ цѣлое понимается не какъ „вещь въ себѣ“ или субстанція съ двумя аттрибутами. („Система философіи, стр. 374, курсивъ нашъ).

Другими словами, нововведеніе, предлагаемое Вундтомъ, сводится къ слѣдующему: берется старое понятіе о субстанціи и ея аттрибутахъ, существо-

ваніе самой субстанціи отрицается, отрицается также „относимость“ аттрибутовъ къ субстанціи, но *сохраняется то соотношеніе* между аттрибутами, которое обусловливалось наличностью ихъ общаго первоисточника. „Аттрибуты“ превращаются въ „ряды“, но это—реформа, въ сущности, больше словеснаго характера. И читая разсужденія Вундта на тему о томъ, что явленія и элементы одного „ряда“ могутъ опредѣляться исключительно явленіями и элементами только даннаго ряда, подлежатъ исключительно принципу причинности, характеризующими данный „рядъ“, и никакого воздѣйствія явленій и элементовъ одного ряда на явленія и элементы другого ряда происходить не можетъ, мы какъ бы заглядываемъ въ фоліанты старика Спинозы. „Изъ молекулярныхъ міровыхъ процессовъ мы можемъ выводить другіе молекулярные процессы, съ которыми они связаны по общимъ принципамъ природной причинности. А изъ психическихъ элементарныхъ процессовъ мы можемъ выводить сложныя психическія образованія, съ которыми они стоятъ въ связи по психологическимъ законамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію сообразно принципамъ психической причинности. Объяснить же вразумительнымъ образомъ одну изъ этихъ областей опыта другою *невозможно*“... Подобнаго рода тирады не что иное, какъ повтореніе соотвѣтствующихъ разсужденій автора „Этики“ и „Трактата объ улучшеніи разума“, но разсужденій, изложенныхъ на нѣсколько обновленномъ философскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ, утверждается „несоизмѣримость“ организующаго и организуемаго началъ. На мѣсто понятія объ организующемъ началѣ, *какъ* о началѣ, *организуемомъ*, которое выдвигалось ученіемъ о „представленіяхъ-объектахъ“, *под-*

ставляется понятіе объ организующемъ началѣ, какъ таковомъ, т. е. *организующемъ*. Организаторовъ („промежуточныя организаторскія звенья") можно разсматривать или какъ простыхъ исполнителей: въ этомъ случаѣ они сливаются почти безъ остатка съ прочей организуемой массой, и мы можемъ говорить о „цѣльномъ содержаніи опыта" и о „физіологіи". Но, въ то же время, мы можемъ сосредоточить свое вниманіе на признакахъ, роднящихъ ихъ съ верховными организаторами: подчиненные организаторы обладаютъ функціями, которыя приравнять къ функціямъ исполнительскаго персонала капиталистическихъ предпріятій никоимъ образомъ нельзя, такъ какъ эти функціи составляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, достояніе собственниковъ названныхъ предпріятій. Вотъ двѣ „единственно возможныя точки зрѣнія", вотъ соціально-экономическія предпосылки догмата о двухъ „параллельныхъ рядахъ". Одни и тѣ же лица, одни и тѣ же участники производства одновременно являются и исполнителями и руководителями; т. е. одновременно они играютъ двѣ соціальныя роли, выполняютъ двѣ различныя функціи, принадлежатъ къ двумъ различнымъ соціальнымъ категоріямъ.

Вундтъ идетъ дальше, старается поставить вопросъ о психофизическомъ параллелизмѣ возможно шире. Собственно, эмпирическій анализъ психической жизни приводитъ насъ лишь къ провозглашенію тезиса: каждый психическій процессъ сопровождается соотвѣтствующимъ физическимъ процессомъ. Но обратнаго тезиса: „каждому физическому процессу соотвѣтствуетъ психическій процессъ" мы при этомъ не дѣлаемъ: нѣкоторые физіологическіе акты не связаны ни съ проявленіями сознанія, ни съ „вспомогательными" процессами, имѣющими мѣсто въ центральной нервной системѣ.

Но мы можемъ стать на почву метафизики. И тогда физическіе процессы получатъ для насъ значеніе „объективацій процесса, подлинное бытіе котораго аналогично нашей собственной духовной жизни“, а все живое тѣло представится „однороднымъ психофизическимъ субстратомъ“ этой жизни. Малѣйшая часть означеннаго субстрата должна „обладать какой-либо психической цѣнностью“. И Вундтъ выступаетъ на защиту аристотелевскаго опредѣленія души: душа—это „энтелехія“ живого тѣла, „она есть вся цѣлевая связь духовнаго становленія и бываніе, которая во внѣшнемъ наблюденіи дана намъ какъ объективно—цѣлесообразное цѣлое. представляемое живымъ тѣломъ“.

До сихъ поръ мы могли констатировать лишь крушеніе монистическаго взгляда, выдвинутаго Вундтомъ въ качествѣ отправной предпосылки его міросозерцанія. Но, обосновывая антитезу двухъ „началъ“, авторъ „Системы философіи“ еще формально не высказывалъ исключительныхъ симпатій къ одному изъ нихъ: они до сихъ поръ формально признавались равноцѣнными. Теперь же Вундтъ явно нарушаетъ данное имъ обѣщаніе быть „объективнымъ“—на одинаково почтительномъ разстояніи держаться далеко и отъ матеріализма и отъ идеализма. За духовнымъ началомъ утверждается приматъ.

Впрочемъ, это обстоятельство не должно явиться неожиданностью. О своихъ „организаторскихъ“ симпатіяхъ Вундтъ заявилъ, на самомъ дѣлѣ, уже съ того момента, какъ только коснулся вопроса о психофизическомъ параллелизмѣ. Теперь онъ лишь поставилъ точку надъ і.

Все тѣлесное имѣетъ обязательно свой психическій коррелитъ. *Ни одинъ* рабочій какую бы простую функцію онъ ни выполнялъ, не можетъ

производить никакихъ продуктовъ, не можетъ найти примѣненія для своей рабочей силы, не можетъ существовать, не состоя подъ непосредственнымъ, детальнымъ „руководствомъ“ извѣстнаго организатора. „Подлинное бытіе“ его мыслимо лишь въ связи съ „бытіемъ“ послѣдняго. Вся производительная дѣятельность рабочаго персонала есть лишь „объективація,“ „отраженіе“ руководительской „воли“. „Тѣло“ имѣетъ единственное назначеніе—служить внѣшней оболочкой „духа“. Помимо этого назначенія оно—ничто.

Ученіе о психофизическомъ параллелизмѣ оказывается, такимъ образомъ, весьма и весьма искусно построенной апологіей „организаторскаго начала“. Съ перваго взгляда, это—примиренческая сравнительно безобидная теорія, не отводящая, правда, доминирующей роли организуемой „массѣ“, но и не обосновывающая верховенства организаторовъ. Но примиренческія попытки являются замаскированнымъ (а потому особенно опаснымъ) нападеніемъ. Такъ и въ данномъ случаѣ.

Сдѣланное Вундтомъ дополнительное разъясненіе прекрасно освѣщаетъ позицію сторонниковъ теоріи психофизическаго параллелизма. Въ формулѣ: „психическій и физическій ряды нигдѣ не встрѣчаются“ подчеркивается, въ данномъ случаѣ, слово *нигдѣ:* психическій рядъ характеризуется какъ продолженный настолько, что безъ сопутствія его ни *одно звено* физическаго ряда немыслимо. Но психическій рядъ—это „организаторы“, а „сопутствіе“ послѣднихъ означаетъ для „физическаго ряда“—для рабочихъ не что иное, какъ зависимость.

Одновременно съ этимъ, теорія психофизическаго параллелизма есть отрицаніе всякаго непосредственнаго взаимодѣйствія „рядовъ,“ всякой непо-

средственной зависимости ихъ другъ отъ друга. Припомнимъ то, что мы говорили по поводу соотношенія аттрибутовъ спинозовской субстанціи. Спинозовскій „духъ“ одинаково подчиненъ субстанціи, какъ и спинозовская матерія „тѣло“. Промежуточныя организаторскія звенья могутъ выполнять свои организаторскія функціи только какъ исполнители воли ворховнаго организатора. Все что они дѣлаютъ и приказываютъ, они дѣлаютъ и приказываютъ, по его распоряженію и его именемъ. „Духъ“ можетъ оказывать воздѣйствіе на „тѣло“ не иначе какъ опосредственнымъ путемъ—черезъ субстанцію, точнѣе, въ субстанціи. Теперь отъ параллелизма спинозовскихъ аттрибуттовъ вернемся къ параллелизму вундтовскихъ „рядовъ“.

Несомнѣнно, помимо признанія несоизмѣримости двухъ „началъ“, теорія психофизическаго параллелизма заключаетъ въ себѣ также признаніе подчиненной роли промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ. Опять мы имѣемъ дѣло съ игрою двумя понятіями—объ организаторахъ, какъ таковыхъ, и организаторахъ, какъ организуемыхъ. Послѣднее подставляется на мѣсто перваго, и вопросъ о „рядахъ“ получаетъ такое истолкованіе: психическій рядъ нигдѣ не встрѣчается съ физическимъ рядомъ, т. е. между ними не существуетъ никакого *непосредственнаго* взаимодѣйствія. Они обращаются въ соподчиненныя величины.

Но гдѣ же, въ такомъ случаѣ, величина ихъ подчиняющая? Имѣется ли въ философской системѣ Вундта понятіе, которое бы отвѣчало понятію верховнаго „руководителя“ капиталистическихъ предпріятій?

Имѣется;—и для ознакомленія съ нимъ мы должны заглянуть въ отдѣлъ вундтовской философіи, трактующій объ „онтологическихъ идеяхъ“.

Отправнымъ пунктомъ „онтологической“ проблемы, разсуждаетъ Вундтъ, является разложеніе „представленія-объекта“ на объектъ и на представленіе. Но первоначально они составляютъ нѣчто единое. Таковымъ считаетъ ихъ практическое житейское міросозерцаніе. Таковымъ, въ свою очередь, хочетъ ихъ видѣть теоретическая рефлексія. Она лишь по необходимости, въ интересахъ эмпирическаго анализа произвела означенное разложеніе, но, преслѣдуя задачи анализа болѣе широкаго—метафизическаго, стремится возстановить разрушенное единство. При этомъ она попадаетъ—откровенно заявляетъ лейпцигскій профессоръ—въ довольно затруднительное положеніе. Когда ставится проблема „природы“, то мы имѣемъ дѣло съ членами одного ряда и намъ дана *общая* „форма“: споры могутъ возникнуть только по поводу того или иного „содержанія“, вкладываемаго въ эту форму. „Можно сомнѣваться въ томъ, начинается ли современное міровое развитіе съ газообразно-хаотическаго начальнаго состоянія; но всегда необходимо будетъ мыслить себѣ какъ относительное начало какую-либо форму распредѣленія матеріи“. Точно также дѣло обстоитъ и съ проблемой „духа“. И здѣсь возможны споры о томъ или иномъ содержаніи: напр., мы доказываемъ приматъ хотѣнія въ комплексѣ психическихъ явленій, а противоположная школа выдвигаетъ на первый планъ представленія; но опять-таки нѣкоторое общее начало, общая канва для споровъ дана. „Остается неоспоримымъ одно, а именно, что надлежитъ предположить какъ первоначальное какое-либо *духовное* содержаніе, т. е. такое, которое слѣдуетъ себѣ мыслить по образцу явленій нашего сознанія“. Этого нельзя сказать относительно общей основы *всего* опыта. Въ данномъ случаѣ, неизвѣстной величиной, кото-

рую мы должны найти и опредѣлить, является не только содержаніе, но и сама форма. Намъ даются два ряда, два совершенно разнородные опыта и указаніе на нѣкоторое единство ихъ. Отсюда возможность самыхъ разнообразныхъ рѣшеній въ матеріалистическомъ или идеалистическомъ, монистическомъ или дуалистическомъ духѣ. Но недостаточность имѣющихся въ наличности данныхъ, тѣмъ не менѣе, не смущаетъ Вундта, не удерживаетъ его отъ экскурсіи въ область „запредѣльнаго“ par exellence. Капитализмъ немыслимъ безъ капиталистовъ! Требуется, во что бы то ни стало, отмѣтить ихъ дирижирующую роль. И идеологъ капиталистической буржуазіи, заявившій себя ранѣе ревностнымъ поборникомъ экспериментальныхъ знаній, обращается въ свою противоположность—въ не менѣе ревностнаго поборника метафизики.

Оказывается, что отсутствіе достаточныхъ данныхъ вовсе еще не позволяетъ намъ квалифицировать область запредѣльнаго, какъ „царство пустыхъ возможностей, въ которомъ разуму приходится вполнѣ уступить господство фантазіи“. Отъ отказа заниматься вообще антологической проблемой, аргументируетъ Вундтъ, мы мало выиграли. Подобный отказъ не уменьшилъ бы, а, напротивъ, увеличилъ бы трудность рѣшенія вопроса о соотношеніи духа и тѣла. Этимъ мы создали бы почву для торжества наиболѣе неудовлетворительной и поверхностной изъ антологическихъ точекъ зрѣнія—точки зрѣнія „вульгарнаго дуализма“.—Да, дѣйствительно, если говорить о двухъ независимыхъ другъ отъ друга рядахъ, характеризуя эти ряды какъ *подчиненные* какому-то общему началу *и, въ то же время, отрицать* названное начало, подобная позиція равносильна позиціи „вульгарнаго дуализма“ чистѣйшей воды. И Вундтъ спѣшитъ преодолѣть его. Онъ ссы-

лается при этомъ на примѣръ... картезіанства и философіи Вольфа. Выдвинувъ понятія о двухъ независимыхъ, не допускающихъ взаимнаго воздѣйствія субстанціяхъ духовной и матеріальной, обѣ философскія системы принуждены были установить связь между этими субстанціями черезъ посредство третьей, высшей субстанціи. „Этотъ историческій примѣръ явственно показываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ проблемой, отъ которой нельзя безъ дальнихъ разсужденій отдѣлаться ссылкой на ея неразрѣшимость".

Итакъ, философія должна, по мнѣнію Вундта, перешагнуть границы опыта, „дополнить" послѣдній. Требуется продолжать философскій анализъ до тѣхъ поръ, пока мы не получимъ идеи *единства,* охватывающей оба независящіе другъ отъ друга ряда. Высказавши подобный взглядъ, Вундтъ спѣшитъ сейчасъ же сдѣлать важную для него оговорку: онъ заявляетъ, что единство міра можетъ мыслиться нами *или* какъ единство матеріальное или какъ единство духовное; третьяго рѣшенія проблемы не существуетъ. Судя по предварительнымъ замѣчаніямъ, слѣдовало бы ожидать иной постановки вопроса. Вундтъ раньше доказывалъ категорически, что для построенія идеи мірового единства мы не располагаемъ никакими положительными данными, —никакимъ „содержаніемъ" и никакою „формулою". Другими словами, онъ обѣщалъ предложить намъ идею всеобщаго единства, созданную не по образу и подобію психическаго или матеріальнаго единства, единства какого-либо изъ двухъ „рядовъ". Теперь дѣлается замѣчаніе противоположнаго характера: читатели „Системы философіи" оповѣщаются, что авторъ ея намѣренъ надѣлить новое понятіе чертами, свойственными одному изъ противостоящихъ, соподчиненныхъ „началъ";—которому именно, от-

гадать не трудно, разъ намъ извѣстны симпатіи Вундта. Приравнявъ организаторскую волю организуемой массѣ, Вундтъ снова возстанавливаетъ первую въ ея „господскихъ“ правахъ. Отличная, согласно его первоначальному заявленію, отъ психическаго ряда третья, все—объединяющая величина оказывается на самомъ дѣлѣ не чѣмъ инымъ, какъ заключительнымъ членомъ этого ряда. Верховный „руководитель“ капиталистическаго предпріятія противостоитъ промежуточнымъ организаторскимъ звеньямъ, какъ организаторъ организуемымъ, и, одновременно, стоитъ съ ними рядомъ, какъ организаторъ съ организаторами.

Свою идею всеобщаго единства Вундтъ отказывается назвать субстанціей. Онъ опредѣляетъ ее, какъ идею чистаго разума, т. е. въ кантовскомъ духѣ. Какъ кантовскій Богъ есть идея высшаго „формирующаго“, несубстанціональнаго начала, такъ и вундтово все-единство есть идея несубстанціональнаго цѣлаго, благодаря которому всѣ явленія получаютъ жизненный смыслъ, непреложную цѣнность. Въ свѣтѣ этой идеи исчезаетъ „пустое и безотрадное“ міровоззрѣніе, видящее во внѣшнемъ распорядкѣ явленій, въ ихъ механической связи истинную сущность послѣднихъ. Вмѣсто него мы усваиваемъ взглядъ на космическій механизмъ, какъ на внѣшнюю оболочку духовной дѣятельности и творчества. А человѣческій духъ изъ безжизненнаго отраженія противостоящаго ему начала—отраженія, какимъ знаетъ его упомянутое „пустое и безотрадное“ міровоззрѣніе—превращается въ активную силу, въ „одинъ изъ безчисленныхъ узловыхъ пунктовъ въ міровомъ процессѣ,—пунктовъ, въ которыхъ становленіе и дѣйствованіе духовнаго міра собирается въ непрерывную и цѣлеобильную связь процессовъ,“ превращается въ

„микрокосмъ“, отражающій развитіе цѣлаго, „микрокосма“. „Само это цѣлое недоступно воспріятію и непостижимо, но его въ качествѣ необходимаго постулата должно тѣмъ не менѣе имѣть въ виду, мысля себѣ всякое отдѣльное содержаніе міровыхъ процессовъ, такъ какъ только въ идеѣ такого цѣлаго получаютъ непреложную цѣнность преходящія частичныя цѣли, къ осуществленію которыхъ стремится единичное“. Самъ по себѣ человѣческій духъ, какъ и всякое отдѣльное явленіе, представляетъ собой величину отрицательную. Лишь „всеобщее единство“, лишь „міроосновa“ сообщаетъ ему положительное содержаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ его истинной индивидуальностью. Сами по себѣ промежуточныя организаторскія звенья, т. е. будучи взяты внѣ общаго плана предпріятія, плана, опредѣляемаго „верховными организаторами“, никакой роли въ производствѣ играть не могутъ, точно также, какъ и вся организуемая „масса“. Лишь будучи опредѣляемы во всѣхъ своихъ функціяхъ и актахъ волею верховнаго организатора, они вводятся въ цѣпь производственныхъ факторовъ, получаютъ возможность выступать въ качествѣ „руководителей“, оказывать воздѣйствіе на организуемую массу.

При этомъ Вундтъ усиленно подчеркиваетъ элементъ *актуальности*. Идея всеобщаго единства, „міроосновы“ сводится у него къ идеѣ *всеобщей воли*. Человѣческій духъ характеризуется имъ какъ комплексъ извѣстныхъ внутреннихъ процессовъ *и* какъ активный участникъ процессовъ міровыхъ. Актуальности противополагается понятіе о субстанціональномъ началѣ, противъ котораго Вундтъ съ немалымъ упорствомъ и послѣдовательностью ведетъ борьбу.

Онъ стоитъ, въ данномъ случаѣ, на почвѣ тѣхъ воззрѣній, которыя были усвоены еще классиками поздняго періода мануфактурной философіи — Юмомъ и Кантомъ, даетъ новѣйшую формулировку

этихъ воззрѣній. Мы позволимъ себѣ не вдаваться въ разборъ предложенной имъ формулировки, не будемъ выяснять его теоріи „ волюнтаризма". Ограничимся простымъ констатированіемъ симпатій Вундта къ „динамизму" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указаніемъ на соціально-экономическія предпосылки подобнаго рода философскихъ симпатій.

Въ главѣ объ Юмѣ мы уже давали соціально-экономическое объясненіе философскаго динамизма. Напомнимъ, что, по нашему мнѣнію, названный динамизмъ отвѣчаетъ высоко развитой „подвижности" капитала, его „эластичности", отвѣчаетъ той быстротѣ, съ которой капиталистическія предпріятія мѣняютъ свой внѣшній обликъ, отвѣчаетъ тому безразличію, съ которымъ „верховные руководители" относятся къ той или иной области производства, къ тому или иному составу своего „исполнительскаго" персонала.

Строго-опредѣленнаго общаго типа исполнителей, какъ рабочихъ, такъ и „подчиненныхъ организаторовъ" для собственниковъ „эластичныхъ" предпріятій не существуетъ. Правда „новая фабрика" открываетъ свои двери труду квалифицированному и высококвалифицированному, выбрасывая, такимъ образомъ. за бортъ производства массы „необученныхъ" рабочихъ. Но и въ рамкахъ квалифицированнаго труда возможно безконечное разнообразіе типовъ „исполнителей". Слѣдовательно идеологи современнаго авангарда капиталистической буржуазіи не могутъ говорить ни о какихъ „постоянныхъ" организуемыхъ началахъ, а, напротивъ, должны характеризовать послѣднія, какъ нѣчто въ высшей степени измѣнчивое, нѣчто, вѣчно находящееся въ состояніи движенія.

Отсюда—критика „субстанціональныхъ" понятій. Отсюда апоѳеозъ „актуальности".

XII.

Эмпиріокритицизмъ.

Принятая Вундомъ доктрина „психофизическаго параллелизма“ не является строго послѣдовательной. Правда, „ряды“ рѣшительно противопоставлены другъ другу, правда, категорически отрицается возможность всякаго непосредственнаго взаимодѣйствія между ними. Но отношеніе ихъ *соотвѣтствія* другъ другу обрисовано не съ достаточною полнотой. Для психическаго фактора, признаннаго доминирующимъ, для „воли“ сдѣлано нѣкоторое исключеніе: Вундтъ характеризуетъ ее, какъ не имѣющую точно опредѣленной физической „параллели“.

Дальнѣйшее развитіе философіи должно было устранить и эту небольшую уступку въ пользу стараго „вульгарнаго“ пониманія антитезы организуемаго и организующаго „началъ“, такъ какъ развитіе современнаго капитализма, въ своихъ дальнѣйшихъ поступательныхъ шагахъ, обуславливало еще болѣе усиленный ростъ „промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ“ и еще болѣе серьезное „пораженіе“ ихъ. Система *эмпиріокритицизма* выполнила подобную миссію, сдѣлала требуемое „дополненіе“ къ взглядамъ первоучителей „параллелистическаго“ міровоззрѣнія. Была дана картина дѣйствительно полнаго и точнаго сотвѣтствія психическаго и физическаго „рядовъ“.

При этомъ дѣло не обошлось безъ нѣкотораго, весьма любопытнаго и поучительнаго недоразумѣнія. Сторонники „психофическаго параллелизма“

забили тревогу. Вундтъ выступилъ съ пространными разсужденіями на тему „О наивномъ и критическомъ реализмѣ“ („Ueber naiven und kritischen Realismus“, въ „Philosophische Studien“, 1897 г.), долженствовавшими уничтожить нарождавшуюся философскую школу. Изъ этихъ разсужденій явствовало, что „дополненіе“ было учтено, какъ попытка создать нѣчто совершенно отличное отъ стараго, нѣчто противоположное послѣднему. Доказательство полнаго и строгаго *соотвѣтствія* „психическаго“ и „физическаго“ приравнивалось стремленію *свести* психическое къ физическому, объяснять первое изъ второго. Критика Вундта не имѣла сокрушающей силы, била въ воображаемую цѣль. Выступленіе Вундта и послѣдовавшій затѣмъ отвѣтъ изъ лагеря учениковъ Авенаріуса *) не знаменовали собой столкновенія міропониманій, принадлежащихъ двумъ различнымъ классамъ или двумъ крупнымъ группамъ одного и того же класса. Соціально-экономической подоплекой означеннаго философскаго состязанія являлась, въ данномъ случаѣ, сравнительно незначительная разница между наиболѣе передовыми и нѣсколько менѣе передовыми типами новѣйшихъ капиталистическихъ организацій. Но всякія, даже малѣйшія тренія, имѣющія мѣсто въ нѣдрахъ буржуазнаго класса, квалифицируются идеологами послѣдняго, какъ имѣющія „всеобщее“, „общечеловѣческое“ значеніе, какъ борьба діаметрально противоположныхъ, исключающихъ другъ друга началъ. Такъ обстояло дѣло и во время поединка Вундта съ эмпріокритиками.

Участники поединка полагали, что расхожденіе ихъ взглядовъ—коренное, носитъ „качественный“

*) Первымъ отвѣтилъ Карстаньенъ.

характеръ, тогда какъ споръ шелъ не о чемъ иномъ, какъ лишь о *степени* послѣдовательности, съ которою обосновывалась платформа „параллелизма“. Впрочемъ одна изъ сторонъ, защищаясь отъ направленныхъ противъ нея ударовъ, принуждена была косвенно признать родство своихъ воззрѣній съ воззрѣніями противника. Вундтъ—возражали эмпиріокритики на центральный изъ выдвинутыхъ имъ аргументовъ—напрасно приписываетъ Авенаріусу то, чего послѣдній и не думалъ утверждать: Авенаріусъ отнюдь не сводитъ психическихъ явленій на явленія физическаго ряда; онъ связываетъ первыя со вторыми лишь логически. Такой именно характеръ имѣетъ *„функціональная“* зависимость между ними. Другими словами, послѣдователи эмпиріокритической философіи выясняли, что никакихъ отступленій отъ идеи „параллелизма“ они не дѣлаютъ.

Мы должны сказать бо̀льше: экспиріокритическую философію слѣдуетъ понимать, *прежде всего, какъ апологію* названной идеи. Понятіе функціональной зависимости есть *отрицаніе* зависимости причинной. Если Авенаріусъ и называлъ психическій рядъ *зависимымъ*, а физическій рядъ *независимымъ* жизненнымъ рядомъ, то его терминологія не должна вводить насъ въ заблужденіе. „Признаніе объективнаго ряда независимымъ, комментируетъ точку зрѣнія эмпиріокритизма Геффдингъ *), основано лишь на мотивахъ цѣлесообразности. Отношеніе между двумя жизненными рядами можно сдѣлать и обратнымъ, и *окончательная* точка зрѣнія Авенаріуса выражена имъ была какъ-то въ разговорѣ въ слѣдующихъ словахъ: Jch kenne

*) Геффдингъ: „Современные философы“, перев. подъ редакц. професс. А. Л. Погодина, стр. 122 (курсивъ нашъ, В. Ш.).

weder Physisches noch Psychisches, sondern nur ein drittes. („Я не знаю ни физическаго, ни психическаго, а нѣчто третье"). При ближайшемъ изслѣдованіи его изложенія оказывается, что съ его стороны было *иллюзіей предполагать, будто въ основу своей системы онъ кладетъ объективный жизненный рядъ.*" Выводъ Геффдинга слѣдуетъ, въ общемъ, признать правильнымъ. Неудачна лишь его ссылка на „мотивы цѣлесообразности": мотивы эти туманны и неопредѣленны.

Авенаріусъ, въ данномъ случаѣ, дѣлалъ лишь уступку матеріалистической фразеологіи, уступку, обусловленную его соціальной позиціей. Чтобы понять суть этой уступки, намъ необходимо припомнить сказанное въ предыдущей главѣ по поводу экономической подпочвы ученія „психофизическаго параллелизма". Названное ученіе, какъ выясняли мы, является идеологическимъ отраженіемъ того обстоятельства, что степень „зависимости" промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ отъ капитала, съ завоевательными шагами „новой фабрики" значительно повысилась. Идеологи передовой группы капиталистической буржуазіи, отмѣчая названное обстоятельство съ помощью имѣющихся въ ихъ распоряженіи философскихъ символовъ стали развивать взглядъ на „духовное" начало, какъ на начало „подчиненное", занимающее въ іерархіи понятій мѣсто, аналогичное мѣсту, занимаемому „матеріей", стоящее съ послѣдней, такъ сказать, на одной доскѣ. Правда, подобная оцѣнка „духовнаго" носила условный характеръ: „духъ" приравнивался „матеріи" въ извѣстныхъ случаяхъ, а въ другихъ случаяхъ онъ опять-таки, какъ и прежде, противополагался матеріи въ качествѣ „высшаго" дирижирующаго начала. Но, какъ-ни-какъ, такая оцѣнка дѣлалась. И если ее отнюдь нельзя ото-

жествлять съ точкой зрѣнія матеріализма, то всеже, по сравненію съ вульгарнымъ спиритуализмомъ, воззрѣнія „параллелистовъ“ могли многимъ показаться матеріалистическими. Тоже самое и относительно воззрѣній эмпиріокритицизма. Возможность сближенія ихъ съ матеріализмомъ особенно велика. Эмпиріокритицизмъ—доктрина, констатирующая окончательное „фіаско“, постигшее промежуточныя организаторскія звенья. Ни одна изъ предыдущихъ философскихъ системъ не имѣла основаній столь яркими штрихами подчеркивать ихъ „подчиненное“ положеніе, столь рѣшительно сопоставлять ихъ съ „организуемой массой“. И среди широкихъ слоевъ читающей публики объ эмпиріокритицизмѣ сложилось мнѣніе, какъ о матеріалистической школѣ. Болѣе того, даже спеціалисты-философы ошибочно судятъ о немъ: самъ патріархъ новѣйшей философіи, Вильгельмъ Вундтъ назвалъ его „матеріализмомъ“. Наконецъ, что всего интереснѣе, и эмпиріокритики, отмежевываясь отъ матеріализма, въ то же время пользуются иногда его терминологіей, а иногда даже начинаютъ какъ бы колебаться въ своихъ антиматеріалистическихъ взглядахъ. Характерно, что свою „окончательную“ точку зрѣнія съ безусловной ясностью и опредѣленностью Авенаріусъ формулировалъ лишь въ *частномъ* разговорѣ, а не на страницахъ своихъ произведеній, формулировалъ, такъ сказать, полуоффиціально. Правда, суть дѣла не въ оффиціальномъ признаніи, не въ „формулѣ“. Но отсутствіе послѣдней все же является, до извѣстной степени, поучительнымъ. Въ качествѣ „подчиненныхъ“ промежуточныя организаторскія звенья приравниваются организуемой „массѣ“, „психическое“ разсматривается, какъ „физическое“, „матеріальное“. И подобное „приравниваніе“ Авенаріусъ

обозначаетъ терминомъ, который, дѣйствительно, можно истолковать въ „матеріалистическомъ“ духѣ. Опредѣлить психическій рядъ *зависимымъ*, въ сущности, значитъ „свести“ его къ другому ряду. А, между тѣмъ, здѣсь подчеркивается лишь взглядъ на организаторское начало, какъ на „организуемое“, взглядъ на психическое и физическое какъ на нѣчто такое, что, съ точки зрѣнія „третьяго“ начала, можно считать равноцѣннымъ.

„Зависимость“, въ данномъ случаѣ—синонимъ *„соподчиненности“*.

А будучи опредѣляема, какъ „логическая“ связь, эта „зависимость“ является концепціей *точнаго* соотвѣтствія двухъ организуемыхъ „началъ“. Каждое психическое явленіе находитъ себѣ физическій коррелатъ. Оба ряда продолжаются, такъ сказать, на одинаковое разстояніе. Понять психическое можно лишь какъ организуемую *въ связи* съ „низшими“ организуемыми элементами величину. Дѣятельность каждаго изъ промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ развивается въ рамкахъ извѣстной организуемой группы, извѣстной „матеріи“. Измѣненія, имѣющія мѣсто въ цѣпи промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ, совершаются при наличности измѣненій, наблюдаемыхъ въ „тѣлѣ“, въ „матеріи“. Такова реальная подоплека, подсказавшая эмпиріокритицизму мысль о классификаціи человѣческаго познанія, основывающейся на принципѣ классификаціи „біологической“. Но съ матеріализмомъ подобная „біологія“, повторяемъ, ничего общаго не имѣетъ. Означенный принципъ усваивается эмпиріокритической школой, какъ даетъ понять глава послѣдней, собственно „для легкости“.

Насъ не должно вводить въ заблужденіе и выдвигаемое эмпиріокритицизмомъ понятіе „полноты

нашего опыта", отрицаніе дуализма „внѣшняго" и „внутреннаяго" міровъ, дуализма „вещи" и „мысли".

Этотъ дуализмъ—учитъ Авенаріусъ—есть плодъ извѣстнаго процесса нашего абстрагирующаго мышленія—„интроекціи". Я вижу, напр., человѣка и дерево. При этомъ возможны двѣ точки зрѣнія: я могу смотрѣть на человѣка и на дерево просто какъ на двѣ вещи, противопоставленныя другъ другу („абсолютная" точка зрѣнія), но могу также брать ихъ въ извѣстной связи, опредѣлять дерево какъ условіе опыта человѣка. Я утверждаю: дерево существуетъ *внутри* человѣка „въ качествѣ чего-то отличнаго отъ окружающей человѣка среды: я „вношу" дерево въ человѣка и называю внесенный предметъ „впечатлѣніемъ", „представленіемъ". Такъ расширяю я область опыта даннаго человѣка, но расширяю, разумѣется, лишь мысленно. На самомъ же дѣлѣ, данный человѣкъ имѣетъ въ своемъ опытѣ лишь извѣстную вещь. Процессъ „внесенія" „интроецированія" я могу продолжить и далѣе—могу представить себя на мѣстѣ наблюдаемаго мною человѣка и приписать себѣ воображаемый, дополнительный опытъ. Получится, такимъ образомъ, картина міра, раздѣленнаго на двѣ части противостоящія другъ другу. Но антитеза „внѣшняго" и „внутренняго" міра — чистѣйшая фикція.

Анализъ этой антитезы чрезвычайно важенъ, онъ долженъ привести къ обоснованію монистическаго міровоззрѣнія. Комментаторы философской системы Авенаріуса усиленно подчеркиваютъ данное обстоятельство. „Раскрытіемъ недопустимости интроекціи—заявляетъ одинъ изъ нихъ *), дости-

*) Рудольфъ Влассакъ; цитир. у Маха въ „Анализѣ ощущеній", стр. 52.

гаются двѣ цѣли. Во-первыхъ вносится извѣстный свѣтъ въ область теоріи познанія. Оказываются мнимыми проблемами всѣ тѣ проблемы, которыя ставятъ вопросъ объ отношеніи нашихъ „ощущеній“, „представленій“, „содержанія сознанія“ къ „матеріальнымъ вещамъ“, образами, знаками и т. д., которыхъ вышеупомянутые продукты интроекціи должны быть. Мнимыми проблемами оказываются проблемы проекціи въ теоріяхъ пространства, вынесеніе наружу пространственныхъ ощущеній и т. д. Во-вторыхъ, исключеніе интроекціи означаетъ, что другой психологіи, кромѣ физіологической, быть не можетъ. Разъ стало яснымъ, что „содержанія сознанія“, „психическіе процессы“, происходящіе вмѣстѣ съ измѣненіями нервной системы, представляютъ собой не что иное, какъ элементы окружающей среды, которые я вношу въ другого человѣка, а въ концѣ-концовъ и въ самого себя, то въ нервной системѣ я не могу искать ничего, кромѣ физіологическихъ процессовъ. Тогда отпадаетъ всякая спеціальная психическая причинность, отпадаютъ всѣ вопросы о томъ, совмѣстимо ли съ принципомъ сохраненія энергіи вторженіе психическихъ силъ въ физіологическіе процессы, происходящіе въ мозгу“.

Столь многообѣщающая критика „интроекціи“ находитъ себѣ слѣдующее соціально-экономическое объясненіе. Даны три элемента: „я“, другое „я“, въ качествѣ объекта, и извѣстное матеріальное явленіе, т. е. даны три обычныя „начала“, взаимоотношеніями которыхъ занимается умозрительная философія: верховная „организаторская“ воля „подчиненное“ организаторское звено и матеріальное „тѣло“. Верховная организаторская воля устанавливаетъ зависимость между двумя послѣдними. Подчиненное организаторское звено, будучи взято,

какъ объектъ ея воздѣйствія, можетъ разсматриваться или какъ организуемое или какъ организующее. Въ первомъ случаѣ верховный организаторъ имѣетъ передъ собой только „вещь“, только „тѣло“. Въ свою очередь, подчиненный организаторъ, если стать на его „абсолютную“ точку зрѣнія, т. е. если смотрѣть на него какъ на организатора, не зависящаго отъ управляющей имъ „воли“, въ лицѣ рабочихъ имѣетъ передъ собой также только „вещь“, или „тѣло“. Но возьмемъ второй случай: подчиненный организоторъ является для верховной „воли“ не только организуемымъ, но и организующимъ.

При этомъ его организаторская дѣятельность характеризуется какъ дѣятельность, обусловленная и санкціонированная названною „волею“; послѣдняя опредѣляетъ связь между двумя имѣющимися въ ея распоряженіи „объектами“ (человѣкомъ и деревомъ), проводитъ между ними рѣзкую демаркаціонную линію, приписываетъ одному изъ нихъ (человѣку) свойства „субъекта“. Бывшій „объектъ“, превращенный теперь въ „субъектъ“, „организуетъ“ матерію: человѣкъ вмѣщаетъ въ себѣ дерево, но дерево преобразованное, „представленіе“ о деревѣ. Однако, слѣдуетъ твердо помнить, что организаторскія полномочія даны ему свыше, а не составляютъ лично ему принадлежащаго достоянія, его „прирожденныхъ правъ“: въ подчеркиваніи этого факта и заключается главная суть ученія Авенуріуса объ интроекціи. Авенаріусъ доказываетъ, что подчиненное организаторское „начало“, само по себѣ, есть начало организуемое, находящееся по отношенію къ верховной организующей волѣ въ положеніи такой же зависимости, какъ и обыкновенная „матерія“.

Подчиненные организаторы, повторяемъ еще разъ,

потерпѣли рѣшительное фіаско въ борьбѣ за существованіе и согласно воззрѣніямъ идеологовъ новѣйшей капиталистической буржуазіи, какъ бы слились съ организуемой массой. На почвѣ подобнаго фіаско сложилось, какъ мы отмѣчали, ученіе Вундта о „представленіяхъ — объектахъ". На той же почвѣ сложилось и родственное ученіе цюрихскаго профессора объ интроекціи.

Равнымъ образомъ, „полнота человѣческаго опыта" доказывается и ученіемъ Авенаріуса о „принципіальной координаціи, точнѣе, тѣмъ тезисомъ названнаго ученія, который гласитъ, что въ качествѣ взаимно-противопоставленныхъ членовъ координацій могутъ быть не только „тѣла" и „вещи", но и „центральныя системы" другихъ людей, взятыя вмѣстѣ со всѣми ихъ „объектами". „Субъектъ" превращается въ „объектъ" и, какъ объектъ, всецѣло приравнивается „матеріи". Организаторъ, будучи организуемъ, „является такимъ же представителемъ организуемой массы, какъ и рабочій персоналъ.

Но, упраздняя дуализмъ вещи и мысли, субъекта и объекта, эмпиріокритицизмъ, какъ и философія Вундта, упраздняютъ его „на часъ". У Авенаріуса, какъ и у Вундта, „ряды" оказывается, въ сущности, „несоизмѣримыми". И вмѣсто матеріалистическаго міропониманія, котораго слѣдовало бы ожидать, считаясь съ категорическими заявленіями о „полнотѣ опыта", на сцену выдвигаются воззрѣнія, свидѣтельствующія объ идеалистическихъ симпатіяхъ эмпиріокритицизма. Организаторское начало все-таки, въ конечномъ итогѣ, есть начало дирижирующее. Отъ подобнаго представленія о немъ не могутъ отрѣшиться идеологи буржуазіи, въ томъ числѣ ни Вундтъ, ни Авенаріусъ.

Но на пути идеалистическихъ построеній Вундтъ

и Авенаріусъ расходятся. Авторъ „Системы философіи“ обнаруживаетъ пристрастіе къ „кантіанскимъ“ мотивамъ. Авторъ „Человѣческаго понятія о мірѣ“ высказываетъ взгляды, приближающіе его къ позиціи, которую нѣкогда занималъ Беркли.

Спѣшимъ оговориться. Мы не намѣрены вовсе утверждать, что произведенія клойнскаго епископа опредѣлили точку зрѣнія Авенаріуса, что они оказали непосредственное вліяніе на послѣдняго. Но сходство идеалистическихъ позицій обоихъ философовъ несомнѣнно. Объ этомъ сходствѣ говоритъ уже упомянутое нами ученіе о принципіальной координаціи, взятое въ цѣломъ.

Съ такою же прямолинейностью, какъ и Беркли Авенаріусъ выставляетъ тезисъ: внѣ субъекта нѣтъ объектовъ. Каждая „вещь“ должна непремѣнно „относиться“ къ центральной нервной системѣ, играющей роль функціональнаго центра. При этомъ можетъ быть сдѣлано возраженіе: слѣдовательно, Авенаріусъ допускаетъ, что міръ не существуетъ, ибо къ данной центральной системѣ можетъ относится лишь небольшое число вещей; остальныя вещи—внѣ поля зрѣнія этой системы: такимъ образомъ, говорить объ ихъ существованіи мы не имѣемъ ни малѣйшаго права. На подобное возраженіе отвѣчалъ еще Берли; міръ дѣйствительно, не существовалъ бы, если бы во всемъ мірѣ былъ одинъ только „субъектъ“, одна только „душа“. Но субъектовъ не одинъ, а очень много. И та или иная вещь, не будучи воспринимаема даннымъ субъектомъ, воспринимается какимъ-нибудь другимъ. Значитъ, она существуетъ; значитъ, существуютъ всѣ вещи, значитъ, существуетъ міръ. Въ свою очередь, Авенаріусъ также признаетъ наличность не одного „субъекта“, не одной центральной нервной системы, а безконечнаго множества ихъ. И для

него „слѣдовательно, какъ и для Беркли, матеріальный міръ, хотя и понимаемый какъ „отраженіе“ субъекта или, выражаясь эмпиріокритической терминологіей, какъ „относимый“ къ центральной нервной системѣ, является не фикціей, а нѣкоторою реальностью.

Сходство между воззрѣніями Авенаріуса и Беркли идетъ дальше. У Беркли субъектъ не „творитъ“ объектовъ. Онъ воспринимаетъ ихъ лишь какъ нѣчто данное извнѣ. Такъ же вопросъ поставленъ и у Авенаріуса. Онъ говоритъ лишь объ „относимости“ объектовъ къ субъекту. Центральная нервная система беретъ то, что ей дается; никакого творческаго акта она, въ этомъ случаѣ, не совершаетъ.

Здѣсь сходство кончается. Беркли выдвигаетъ понятіе верховной субстанціи, божества, волею котораго объекты, представляющіе собой нѣчто отличное отъ субъекта, воспринимаются послѣднимъ. Въ числѣ понятій, съ которыми оперируетъ Авенаріусъ, вы ни верховной субстанціи, ни божества не найдете. И, если разбирая теорію интроекціи, мы говорили о верховной волѣ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что для Авенаріуса верховное организующее начало и центральная нервная система—синонимы. Правда, когда онъ трактуетъ о проявленіяхъ *высшей* организаторской воли, онъ иллюстрируетъ эти проявленія на примѣрѣ названной системы. Но, въ то же время онъ заявляетъ, что любая центральная нервная система можетъ быть членомъ другой центральной нервной системы, фигурирующей въ качествѣ центра, т. е. играть роль подчиненнаго, „организуемаго“ начала. А обращаться въ „организуемое“ начало „верховный руководитель“ ни въ коемъ случаѣ не можетъ.

Это—привилегія, твердо установленная за нимъ исторіей философіи.

Итакъ, наличность „верховной“ организаторской воли оффиціально, т. е. при помощи освященныхъ философской традиціей понятій, не утверждается. Верховный „руководитель“ не фигурируетъ даже ни въ видѣ кантіанской идеи разума, кантіанской „формы“, ни въ видѣ вундтовскаго „всеобщаго единства“. Однако, онъ все же имѣется, все же является главнымъ элементомъ философской системы. Всѣ явленія разсматриваются именно *съ его точки зрѣнія*. Его „незримое“ присутствіе постулируется необычайно высокой оцѣнкой организаторскаго начала, выдвигаемой наряду съ представленіемъ объ организуемыхъ организаторахъ. И въ той *общей* картинѣ міра, которую даютъ философскія разсужденія Авенаріуса, на первый планъ выступаетъ какъ разъ организаторскій характеръ организующихъ факторовъ. Подобной картины міра не получилось бы, если бы идеологъ буржуазіи имѣлъ въ виду исключительно промежуточныя организаторскія звенья.

Міръ представляетъ у Авенаріуса аггломератъ центральныхъ нервныхъ системъ. „Матерія“ абсолютно лишена всякихъ „качествъ“, какъ „первичныхъ“, такъ и „вторичныхъ“, нѣкогда считавшихся ея необъемляемой принадлежностью. Рѣшительно все въ матеріи опредѣляется „духомъ“, или, по терминологіи автора „Критики чистаго опыта“, центральной нервной системой. Современный капиталъ чрезвычайно „эластиченъ“: для него не существуетъ рабочихъ разъ навсегда опредѣленнаго типа, и существуютъ *сегодня* рабочіе извѣстной профессіи и извѣстной квалификаціи, *завтра*—рабочіе другой профессіи и другой квалификаціи, сегодня Иваны, завтра Павлы или

Яковы. Правда, переходить къ эксплуатаціи труда квалифицированнаго „лондонскаго рабочаго“ къ эксплуатаціи труда „китайскаго рабочаго, довольствующагося поденной платой въ шесть полупенсовъ“ новая фабрика не можетъ, но, повторяемъ, разновидности квалификацій безконечны. И эмпиріокритицизмъ понимаетъ „матеріальныя“ явленія лишь какъ „связи“, сочетанія, комплексы, принадлежащіе организующему началу и при этомъ постоянно мѣняющіеся. Тѣ или иные „предметы“ перестаютъ существовать въ опытѣ извѣстнаго субъекта, не переставая, однако, быть „предметами“, т. е. продолжая существовать въ качествѣ объектовъ другихъ организаторскихъ единицъ. Если данное капиталистическое предпріятіе „отталкиваетъ“ отъ себя извѣстныя категоріи рабочихъ, рабочихъ опредѣленной квалификаціи или профессіи, это отнюдь еще не значитъ, что означенные рабочіе перестаютъ эксплуатироваться капиталомъ, принуждены совершенно исчезнуть изъ области производства: они „притягиваются“ другими предпріятіями.

Точка зрѣнія идеализма въ стилѣ Беркли проводится авторомъ „Критики чистаго опыта“ съ большою послѣдовательностью и даже съ большею, чѣмъ въ трактатахъ самого клойнскаго епископа. Новой по сравненію съ идеалистической концепціей послѣдняго, несомнѣнно, является характеристика промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ, въ свою очередь, какъ явленій и „комплексовъ“, опредѣляемыхъ верховной организаторской волей.

Впрочемъ динамическій взглядъ на эти звенья въ системѣ Авенаріуса, собственно, только намѣченъ, но не развитъ. Болѣе яркую и детальную постановку вопроса мы находимъ у другого не

менѣе виднаго представителя эмпиріокритическаго міровоззрѣнія—у Эрнста Маха. Таково ученіе Маха о „*я*“, какъ логическомъ символѣ.

Здѣсь намъ слѣдовало бы заняться разборомъ и оцѣнкой философіи названнаго мыслителя. Но сказанное выше о философскихъ взглядахъ Авенаріуса дѣлаетъ подобную задачу излишней. Воззрѣнія обоихъ философовъ почти тождественны. Самъ Махъ, выясняя различіе между своей системой и системой цюрихскаго профессора, указываетъ лишь на несущественныя подробности (различіе въ характерѣ пути, приведшемъ къ выработкѣ эмпиріономистическаго пониманія міра, различіе въ оцѣнкѣ роли интроекціи). Еще менѣе существенное значеніе имѣетъ разница въ терминологіи, употребляемой апостолами эмпиріокритицизма.

Подобно Авенаріусу, Махъ знаетъ два „ряда“—психическій и физическій (два вида сочетаній элементовъ). Какъ и у Авенаріуса, эти ряды несоизмѣримы и въ то же время представляютъ собой не что иное, какъ фикцію нашего мышленія. Попеременно выдвигается то монистическая, то дуалистическая точка зрѣнія: попеременно промежуточныя организаторскія звенья характеризуются то какъ организуемое, то какъ организующее начало. И, какъ у Авенаріуса, въ конечномъ итогѣ, провозглашается диктатура „организаторской воли“. Рисуется идеалистическая картина міра: міръ—это комплексъ „*ощущеній*“.

Правда, самъ Махъ идеалистомъ себя признать отказывается. Устанавливая свое идейное родство съ Беркли, онъ, тѣмъ не менѣе, протестуетъ противъ отождествленія своихъ воззрѣній съ воззрѣніями англійскаго философа. Но какова его аргументація въ данномъ случаѣ? Онъ ссылается на то, что Беркли ставитъ элементы въ зависимость

тъ чего-то, находящагося внѣ ихъ, въ зависимость отъ неизвѣстной величины (божества). Въ свою же систему понятія подобной зависимости онъ не вводитъ: въ ней говорится лишь о зависимости элементовъ другъ отъ друга. Возраженіе Маха нельзя назвать удачнымъ. Центральное понятіе его философской системы, знаменитое „ощущеніе“ вовсе не является отрицаніемъ не только организаторскаго, но и верховнаго организаторскаго начала. Пусть даже подвергается уничтожающей критикѣ представленіе о „*я*“, о „субъектѣ“, о „носителѣ“ психическихъ качествъ, пусть это „*я*“ сводится къ простому комплексу ощущеній, комплексу въ высшей степени подвижному и устойчивому, суть дѣла отъ этого не мѣняется. Критика представленія объ „*я*“ продиктована Маху взглядомъ на подчиненныхъ организаторовъ, какъ на организуемую „массу“. Но, параллельно съ такимъ взглядомъ, вѣнскій философъ высказываетъ воззрѣнія иного рода: онъ знаетъ организаторскую волю не только какъ организуемую, но и какъ *организующую*. Все его ученіе о комплексахъ ощущеній есть не что иное, какъ апоѳеозъ этой организующей воли. Внѣ нея ничего нѣтъ, все существуетъ въ ней и черезъ нее!

Понятіе о „безличномъ руководителѣ“, какъ о субстанціи, уступило мѣсто понятію о немъ, какъ о проявленіяхъ его „воли“. Опять, какъ и у Авенаріуса, оффиціально не признанный, онъ инкогнито присутствуетъ и распоряжается міромъ.

Мы кончили.

Напоминаемъ, что мы не намѣревались предложить вниманію читателей *исторіи* новой философіи. Задача наша была иная. Историческій анализъ игралъ для насъ лишь роль вспомогательнаго средства. Мы прибѣгали къ нему, руководимые интересами *теоретическаго* характера. И намъ достаточно было выяснить *общій* ходъ „философской эволюціи“ за извѣстный періодъ, иллюстрируя нашу точку зрѣнія рядомъ *примѣровъ*. Несомнѣнно, можно было бы взять большее число примѣровъ, можно было бы заняться разсмотрѣніемъ большаго числа деталей при оцѣнкѣ каждой изъ выбранныхъ нами философскихъ системъ. Наряду съ умозрительными построеніями Вундта, Авенаріуса, Маха, мы могли бы, напр., подвергнуть анализу взгляды такихъ видныхъ представителей новѣйшей западно-европейской философіи, какъ Ренувье, Брэдли или Бергсонъ. Разбирая систему Канта, мы могли бы остановиться, напр., на ученіи о „схемахъ“; или, говоря о Вундтѣ, мы могли бы разобрать его теорію „апперцепціи“. Но и безъ увеличенія количества примѣровъ и безъ оцѣнки различныхъ деталей, оставшихся внѣ поля нашего разсмотрѣнія, задачу, которую мы поставили себѣ, мы считаемъ выполненной.

Область философіи—настоящая „Бастилія“ буржуазной идеологіи. До сихъ поръ для штурма ея сравнительно мало сдѣлано. И моментъ рѣшительнаго штурма еще не наступилъ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ приближается. И отъ насъ, марксис-

товъ, зависитъ его наступленіе. Требуется усиленная подготовительная дѣятельность. Необходимо имѣть въ виду, что, съ своей стороны, буржуазные идеологи не дремлютъ и укрѣпляютъ свою позицію. Они даже проникаются въ настоящее время увѣренностью въ томъ, что позиція ихъ, совершенно неприступна, „Идеалистическія“ симпатіи нѣкоторыхъ литераторовъ, стоящихъ подъ знаменемъ марксизма, въ свою очередь, создаютъ особенно благопріятную почву для подобной увѣренности.

Настоящій очеркъ и долженъ отвѣтить потребностямъ текущаго момента. Штурму крѣпости предшествуютъ осадныя работы и борьба съ передовыми фортами. Принять нѣкоторое участіе въ операціяхъ такого типа,—въ установленіи предпосылокъ для дальнѣйшей критики буржуазной философіи—вотъ желаніе, дальше котораго мы не шли, выступая передъ читателями съ нашимъ критико-философскимъ изслѣдованіемъ. И участіе это, въ общемъ, сводится къ слѣдующему.

Мы старались выяснить, что новая, „спекулятивная“ философія есть дѣтище *капиталистической* буржуазіи. Обычно, когда дѣлаются попытки опредѣлить классовую подоплеку тѣхъ или иныхъ философскихъ системъ, замѣчается тенденція характеризовать ихъ какъ идеологію *мелкой* буржуазіи: такое объясненіе давалось, какъ извѣстно, напр., ученіямъ Канта или Лейбница. Но придерживаться подобнаго взгляда—значитъ обманываться на счетъ „боевыхъ силъ“ „Бастиліи“, представлять ихъ себѣ меньшими, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ являются, значитъ доказывать, что передъ нами — не особенно опасный антагонистъ. Мы имѣли въ виду устранить возможность столь прискорбныхъ недоразумѣній.

Затѣмъ, мы задавались цѣлью дать примѣръ

критической работы, послѣдовательно проводящей тезисъ марксизма: всякая идеологія, какъ вообще всякое явленіе изъ жизни человѣческаго общества, должна объясняться изъ условій производства (а *не* распредѣленія или обмѣна). Мы все время разсматривали развитіе философскихъ идей именно какъ результатъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ группировкѣ *факторовъ* производства, измѣненій во внутренней структурѣ капиталистическихъ предпріятій. Воззрѣнія буржуазіи опредѣляются, въ конечномъ счетѣ, соотношеніями, существующими между тремя категоріями лицъ, собранныхъ подъ кровлею мануфактуры или фабрики. Всѣ представленія буржуазіи о мірѣ и человѣкѣ строятся „по образу и подобію“ ея промышленныхъ организацій. Философія—это наука объ организаторахъ и организуемыхъ о дирижирующихъ „центрахъ“ и дирижируемой „массѣ“.

Если послѣднее опредѣленіе вѣрно, если намъ удалось, съ помощью приведенныхъ нами примѣровъ, обосновать его, то мы получаемъ въ наше распоряженіе оружіе, которое позволитъ особенно рѣшительно дѣйствовать противъ философской „бастиліи “.Марксизмъ, въ такомъ случаѣ, необходимо разъ навсегда долженъ отказаться отъ всякихъ „умозрительныхъ“ системъ. Для него „науки“ объ „организаторахъ“ и организуемой „массѣ“ существовать не можетъ. И потому онъ, безъ малѣйшихъ оговорокъ, долженъ отвергнуть ее.

Конецъ.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 5
I. Общее понятіе объ организующемъ и организуемыхъ „началахъ“ 11
II. Организующія и организуемыя „начала“ эпохи мануфактурнаго производства . . 15
III. Картезіанство 25
IV. Спиноза. 34
V. Лейбницъ. 43
VI. Беркли 49
VII. Юмъ 58
VIII. Кантъ. 73
IX. Фихте, Шеллингъ, Гегель 80
X. Возрожденіе „мануфактурной“ философіи въ наши дни. 100
XI. Вундтъ. Оствальдъ. 107
XII. Эмпиріокритицизмъ. 132